

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОЕ
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

1975

Л Е Н И Н Г Р А Д
«Н А У К А»
Ленинградское отделение

1979

Редактор
академик М. П. АЛЕКСЕЕВ

В $\frac{70202-608}{042 (02)-79}$ 361-78

© Издательство «Наука», 1979 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (тринадцатый по общему счету) сохраняет установившуюся структуру данного издания; видоизменен лишь объем некоторых его разделов — применительно к материалам, оказавшимся в распоряжении. Этот выпуск «Временника» посвящен итогам изучения и популяризации биографии и творческого наследия Пушкина в 1975-м, послеюбилейном году.

В первом отделе («Материалы и сообщения») Р. Ю. Данилевский публикует по рукописи, хранящейся в Архиве Гете и Шиллера в Веймаре, остававшееся неизвестным донныне письмо о смерти Пушкина; написано оно вскоре после события и содержит новые и очень существенные данные о том, как распространялись за рубежом сведения о гибели великого русского поэта. Статья Б. В. Сандомирской дает новую интерпретацию вопросу о происхождении пушкинского стихотворного цикла «Подражания древним», вскрывая ту роль, которую в истории сложения этого цикла играли произведения К. Н. Батюшкова и А. Шенье. Творческой истории баллады Пушкина «Всем красны боярские конюшни» и ее народным истокам посвящена статья Р. В. Иезуитовой. Статья И. Г. Ямпольского вводит в оборот два неопубликованных стихотворения А. Н. Майкова, посвященные Пушкину, а также отрывки из ряда писем Майкова к разным лицам, характеризующие его отношение к личности и творчеству великого русского поэта. Наконец, статья Л. М. Аринштейна («Одесский собеседник Пушкина») посвящена характеристике доктора-англичанина Хатчинсона, этого «умного афея», как его называл Пушкин, и сообщает несколько новых подробностей к истории его жизни и знакомства с поэтом в период их жизни в Одессе.

Отдел второй («Обзоры») содержит составленный В. В. Зайцевой указатель книг и статей о Пушкине на русском языке, вышедших в 1975 г.

Отдел третий («Мелкие заметки») включает в себя небольшие статьи о Пушкине самого разнообразного характера и содержания: среди них мы находим публикации новонайденных рукописных и печатных материалов, имеющих отношение к биографии Пушкина и к истолкованию его произведений; здесь публикуются, в частности, новые соображения об источниках для биографии Пушкина, затерянные и лишь недавно обнаруженные сведения для словаря знакомых поэта, дополняющие справочник Л. А. Черейского (Пушкин и его окружение. Л., 1975), забытые и не привлекавшиеся к изучению Пушкина прижизненные отзывы о нем иностранной прессы, заметки по поэтике Пушкина, его лексикологии и т. д.

Отдел четвертый («Хроника») в настоящем выпуске «Временника» оказался более широким, чем был в предшествующем, так как он восполняет некоторые пробелы в предыдущих выпусках (так, сведения о деятельности Пушкинского заповедника Псковской области приводятся здесь за 1972—1975 гг.). Помимо обычных рубрик о Пушкинских музеях, памятных местах и т. д., вводятся новые рубрики, в частности о пушкинских праздниках, заседаниях, выставках за рубежом. Часть материалов этого рода из-за отсутствия места перенесена в будущие выпуски «Временника».

Напомним, что в настоящем выпуске «Временника Пушкинской комиссии», как и во всех предшествующих, все цитаты из сочинений и писем поэта даются по «Полному собранию сочинений» Пушкина (т. I—XVI. Изд. АН СССР, 1937—1949); если цитированное издание не оговорено особо, в такой форме: Акад., том, страница (или номер письма); при многократных ссылках — без повторения условного обозначения «Акад». **Дополнительный, XVII том** этого академического издания («Справочный том. Дополнения и исправления. Указатели»), вышедший в свет в 1959 г., цитируется сокращенно: «Справочный том».

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ

Э. СИЛЬВЕСТР И ЕЕ ПИСЬМО О ПУШКИНЕ

В зарубежных откликах современников на гибель Пушкина отразилась в той или иной степени острая борьба вокруг имени поэта, которая велась в русском обществе при жизни и после смерти Пушкина. Материалы, собранные в свое время П. Е. Щеголевым, а также опубликованные впоследствии,¹ показывают, сколько усилий предпринималось официальными кругами николаевской империи для того, чтобы лишить в глазах русских людей и иностранцев историю гибели поэта всякого общественного значения, свести ее к истории ревности и приписать судьбу Пушкина случаю и «малодостойному» характеру его самого. Эта последняя оценка принадлежит, кстати, веймарской герцогине Марии Павловне, сестре Николая I. В эпоху Гете и Шиллера она успешно играла роль покровительницы искусств. Но в конфиденциальном письме к брату от 22 февраля (6 марта) 1837 г., разделяя его озабоченность тем, чтобы в Западной Европе не истолковали трагедию на Черной речке как событие политическое, она сняла свою пязщную маску.² Зависимость мнений высшего круга Веймара, «немецких Афин», от позиции Зимнего дворца отметил А. И. Тургенев, писавший из-за границы П. А. Вяземскому 4 (16) августа того же года: «Я узнал (между нами), что великая княгиня Мария Павловна была очень предубеждена против Пушкина и, следовательно, сначала не очень жалела о нем, но, кажется, письмо Жуковского к отцу и мои разговоры о нем <...> переменяли мнение. Теперь она и сочинения и журнал его выписывает».³ Тургенев упоминает здесь письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину от 15 февраля (ст. ст.) 1837 г., написанное с целью защиты

---

¹ См.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. Изд. 3-е, просмотр. и дополн. М.—Л., 1928; Мейлах Б. С. Талисман. Книга о Пушкине. М., 1975, с. 154—201, и др.

² См.: Муза Е. В., Сеземан Д. В. Неизвестное письмо Николая I о дуэли и смерти Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.—Л., 1963, с. 38—40.

³ Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 148.

памяти поэта от обвинений в политической и религиозной неблагонадежности.

Западноевропейская печать, повторявшая вначале рассказ о ревности Пушкина, все же привнесла в него новые оттенки, которые не совсем отвечали желанию русского двора. Боязнь общественного мнения, возникшая в эти месяцы в царской семье, была небезосновательной.⁴ Так, после первых сбивчивых сообщений немецкие газеты уже в начале марта стали помещать статьи о литературном значении Пушкина. «В день его отпевания, — писал о Пушкине корреспондент франкфуртской «Allgemeine Zeitung» (7 марта 1837 г., приложение), — можно было судить о том сочувствии всего здешнего общества, которое было возбуждено его смертью, главным образом вследствие литературной славы, приобретенной покойным во всей России».⁵ О том же в сущности писал и влиятельный парижский критик Ф.-А. Лёве-Веймар в «Journal de Débats» (2 марта 1837 г.): «...не станем говорить <...> о причинах, вызвавших событие, превратившее его жизнь, так как он считал себя оскорбленным и сам начал нападение, и скажем только несколько слов о его столь высоком уме, о его личности и характере».⁶

Были и другие, скрытые пути распространения на Западе взглядов на гибель Пушкина как на трагедию русской национальной культуры и как на акт мести придворных кругов. О вражде к поэту со стороны николаевской аристократии, не прощавшей ему «остроумных и язвительных намеков, направленных большей частью против высокопоставленных лиц», сообщал своему правительству вюртембергский посол в Петербурге.⁷

В нашем распоряжении находится еще один документ этого рода, однако не дипломатическая депеша, а частное письмо, посланное вскоре после смерти Пушкина из Петербурга в Веймар. Для истории русско-немецких литературных отношений это письмо не менее примечательно, чем донесение дипломата.

Адресатом письма был веймарский канцлер Фридрих фон Мюллер (1779—1849), один из друзей последних лет Гете, поддерживавший переписку с широким кругом литераторов и поклонников немецкой поэзии, в том числе и с русскими, из которых ему были хорошо знакомы А. И. Тургенев и В. А. Жуковский.⁸ Публи-

---

⁴ См.: Воронцов-Вельяминов Г. М. Пушкин в воспоминаниях дочери Николая I. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972, с. 24—29. См. также: Левкович Я. Л. Заметки Жуковского о гибели Пушкина. — В кн.: Временник... 1972. Л., 1974, с. 77—83.

⁵ Цит. по: Веневитинов М. Некрологи Пушкина в немецких газетах 1837 г. — Русская старина, 1900, № 1, с. 73.

⁶ Цит. по: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина, с. 413.

⁷ Там же, с. 391.

⁸ См.: Дурыйлин С. Русские писатели у Гете в Веймаре. — Литературное наследство, т. 4—6. М., 1932, с. 287—323; Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). Изд. подготовил М. И. Гиллельсон. М.—Л., 1964, с. 113 и сл.

куемое письмо позволяет увидеть в канцлере Мюллере человека, располагавшего определенными сведениями о русской литературной жизни и распространявшего эти сведения в Германии.

Письмо было написано швейцаркой Эсперанс Сильвестр (Sylvestre, ум. 1853), воспитывавшей в 1820-е годы в Веймаре двух дочерей Марии Павловны. Таким образом, она познакомилась с веймарскими литераторами еще при жизни Гете. Помимо канцлера Мюллера, она особенно сблизилась с известным И. П. Эккерманом, который не раз упоминал о ней в своих дневниках-отчетах, составлявшихся специально для Гете.⁹ Эккермана сближало с Э. Сильвестр, вероятно, и демократическое происхождение, заставлявшее их болезненно переживать зависимое положение среди аристократов и знаменитостей Веймара. Сохранилось письмо к Э. Сильвестр ее брата Александра 1825 г., где перечислялись члены этой швейцарской семьи, разбросанные по разным странам (служили они и в России): «Почему каждый из нас должен жить под властью равнодушных людей; ничто не трогает их, они нас не понимают».¹⁰

Семейство веймарского герцога не раз посещало Петербург (в частности, в 1821—1822 и 1824—1825 гг.), вместе с воспитанницами там могла побывать и Э. Сильвестр. Бывала она в России и после окончания службы при веймарском дворе, т. е. в 1830-е годы. По рекомендации А. И. Тургенева она стала воспитательницей детей С. С. Уварова. Некоторые письма ее 1834 и 1836 гг. помечены Петербургом. Об Э. Сильвестр как общей знакомой упоминал Александр Тургенев в переписке с П. А. Вяземским; встреча с ней отмечена в дневнике Жуковского под 4 сентября 1827 г.¹¹

В переписке Э. Сильвестр с канцлером Мюллером, хранящейся ныне в Архиве Гете и Шиллера в Веймаре, собственно литературе посвящено одно письмо, и посвящено оно русской литературе. Для нас это письмо интересно тем, что в нем идет речь о Пушкине. Это — письмо Э. Сильвестр из Петербурга от 23 февраля (7 марта) 1837 г. (при пересчете со старого на новый стиль в письме допущена ошибка на один день) с припиской от 9 (21) марта (шифр: Müller, Nr. 460, Bg. 9).

Рассказывая канцлеру Мюллеру о последних днях и гибели Пушкина, Э. Сильвестр во многом не точна. Нет необходимости поправлять сейчас ее ошибки в биографии поэта. «Ссылки» его на Кавказ, как известно, не было. Но сообщение о преследова-

---

⁹ См.: Eckermann J. P. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. 23. Originalausgabe. Hrsg. von H. H.ouben. Leipzig, 1948, S. 333 f.

¹⁰ Французский подлинник находится в Архиве Гете и Шиллера в Веймаре (шифр: Abteilung II, Nr. 3393).

¹¹ С. Н. Дурылин считал Э. Сильвестр «довольно примечательным лицом русской гетеманы»; см. об этом в его материалах, помещенных в т. 4—6 «Литературного наследства» (с. 339—340).

ниях Пушкина за «вольности, которые выходили за пределы всех вольностей поэтических», соответствовало истине, как и упоминание о мести за «переводы с латинского», т. е. о хорошо известной в Петербурге истории с сатирой Пушкина «На выздоровление Лукулла» (1835). Понять подлинное положение Пушкина иностранная гостя, конечно, не могла, однако по-своему она ощутила его одиночество и вражду к нему аристократической клики. Воспитанная на представлениях Гердера и Гете о поэзии как выражении национального, народного сознания, Э. Сильвестр смогла оценить роль Пушкина в русской культуре и степень низости его врагов. По всей вероятности, она не владела русским языком — тем любопытнее для нас, что она убеждает своего веймарского знакомого обратить внимание на произведения Пушкина и вообще на современную русскую литературу: «... теперь наступил момент, когда народы Запада смогут воспользоваться ее плодами».

Можно с большой долей уверенности предположить, что встречи с А. И. Тургеневым,¹² с П. А. Вяземским (записка которого к ней сохранилась в веймарском архиве) и, возможно, с Жуковским много помогли тому, что швейцарская уроженка и веймарская жительница сумела передать скорбь о Пушкине, охватившую передовых русских людей. Тон письма Э. Сильвестр созвучен настроению, выраженному в письме Вяземского к Э. К. Мусиной-Пушкиной от 16 февраля (ст. ст.) 1837 г. («С негодованием и сердечной болью отвернулся я от света...»)¹³

Несколько пояснений к публикуемому письму.¹⁴ Упоминаемые в начале Китти и Константин — это молодая супружеская пара Чевкиных. С Екатериной Фоминичной (происходившей из Австрии) и Константином Владимировичем Чевкиными Э. Сильвестр встречалась в Веймаре, Париже и Петербурге. К. В. Чевкин (1803—1875), впоследствии крупный русский чиновник, а в те годы преуспевающий офицер и дипломат, посещал Веймар при жизни Гете; виделась с немецким поэтом и его жена. Были ли среди обширной немецкой родни Ж. Дантеса представители семьи Паппенгеймов — сказать трудно, во всяком случае они были среди знакомых Гете. Пребывание А. И. Тургенева в Веймаре летом 1837 г. подтверждается цитируемым выше письмом его к П. А. Вяземскому. Что же касается наивной надежды Э. Сильвестр на то, что великая герцогиня Веймарская осудит поведение петербургского «хорошего общества» по отношению к Пушкину, то она не оправдалась, потому что почти одновременно с письмом Э. Сильвестр было написано письмо Марии Павловны к брату, о котором уже упоминалось.

¹² Письма А. И. Тургенева о смерти Пушкина см.: Пушкин и его современники, вып. VI. СПб., 1908, с. 46—116.

¹³ См.: Комаров Б. Письмам 131 год... — В кн.: Волжское слово. Ярославль, 1970, с. 184.

¹⁴ Письмо печатается с сокращениями; пропуски и конъектуры отмечены угловыми скобками.

Автор выражает признательность дирекции Архива Гете и Шиллера в Веймаре (ГДР) за разрешение опубликовать приводимый материал.

St.-Pétersbourg, 6 Mars/23 Février 1837.
12 degrés de froid.

Ne dirait-on pas, cher et précieux ami, que toutes les glaces du pôle nous séparent et je serais tentée de vous dire: «Vous qui vivez avec vos pensées ne me retrouvez-vous dans aucune d'elles?». Depuis que nous avons été si près, je n'ai cessé de regretter de ne vous avoir pas vu, votre présence eût été le complément de tous les petits et grands bonheurs que j'ai eu pendant le cours de cette promenade en Europe, que nous n'avons terminée que le trois Novembre; satisfaite du passé, sachant me contenter du présent, qui pour moi est rempli de nombreux devoirs, que de fois en sentant bien vivement l'absence de Kitty, celle de Constantin, ai-je senti l'absence de vos lettres, l'absence de nouvelles du cher Weymar, dont j'avais été si rapprochée, par les excellens amis que j'avais retrouvés, avec cette affection constante auxquels les Germaines vouent un culte. Dieu soit loué: toutes les lettres de Kitty sont remplies des douces impressions de sa jeunesse qu'elle a retrouvée et reprise à Vienne, du bon accueil de ses amies, de ses projets d'aller à Weymar. Je participerai à la joie qu'elle aura de s'y retrouver et de celle que vous aurez à la revoir. La certitude du bien moral et physique que lui fait ce séjour nella cara patria,^a me console de son éloignement; ne pouvant plus aller chez elle, je ne vais nulle part, et si, comme on le dit, nous retournons à Marienbad au printemps, je ne croirai pas avoir passé l'hiver à Pétersbourg; y ayant vécu au milieu de mes souvenirs, qu'ils me sembleront éloigner en m'occupant de la société qui m'entoure, où on a mille bontés pour moi quand j'y parais, mais ne devant qu'y passer, je trouve plus de véritables jouissances à m'occuper des absens que je chéris, qu'à cultiver des nouvelles connaissances, qui ne seront jamais que des relations. Un seul événement m'a profondément occupé cet hiver, et par les circonstances déplorables qui l'ont accompagné et par les regrets qu'il cause à tous les amis de la poésie, car vous le savez sans doute, la Russie a perdu son Orphée. Et on peut ajouter — — —

Muses, dans ce moment de deuil
Elevez le pompeux trophée
Que vous demande son cercueil.

Pouschkin est mort à l'âge de Raphaël, de Byron; que d'ouvrages, que de pensées a englouti la tombe! Entre tous les talens poétiques, qui maintenant brillent sur la terre, je crois que Pouschkin était le premier parmi les premiers génies. Il avait des rapports avec Byron; l'ironie, le sarcasme, le doute, le doute du Génie, ce feu

---

^a в милом отечестве (итал.).

dévorant, se retrouvent dans ses vers, dont la forme est si belle que l'expression corrige la pensée. Exilé au Caucase pour des licences, qui dépassaient toutes les bornes des licences poétiques, l'Empereur Nicolas le rappela, l'accueillit très-bien, fut plutôt pour lui un père qu'un souverain. Mais il n'est aucune puissance au monde, il n'y a que Dieu, qui puisse dire aux torrens: «Soyez rivières!». Pouschkin comme citoyen, époux, père, enfermé dans le cercle compact des devoirs sociaux qu'il ne pouvait remplir que de son besoin d'indépendance, leur échappait souvent, de la malaisée amertume, cependant retenu dans les formes par son manque de fortune, par ses amis, par les bontés de l'Empereur, qui l'avait nommé continuateur de Karamsin. Ne pouvant dans une telle situation se livrer à la fougue de son génie, il s'est livré à celle de ses passions, qui en dernier lieu ont été excitées de la manière la plus infâme par des lettres anonymes, elles étaient, on suppose, de lâches vengeances des vers satyriques, qu'il lançait quelquefois dans la société sous la forme de traduction du latin; les allusions étaient trop véridiques et poignantes, pour qu'on ne devine pas, qui, il avait voulu stigmatiser et stigmatiser avec justice. Dans ces lettres on avait cherché à éveiller sa jalousie à l'égard de sa trop jolie femme, il a dû provoquer en duel Mr d'Antès, un cousin de Mr Pappenheim, que les lettres lui désignaient. Il y avait trois semaines que Mr d'Antès avait épousé Mlle Ganchéroff, sa belle-soeur, qui vivait dans sa maison, afin d'anéantir ses soupçons et de le bien convaincre que c'était pour elle et non pour sa femme qu'il venait chez lui. Après le mariage il y eut quelques jours de repos, mais on ne voulait pas lui en laisser, de nouvelles lettres ayant de nouveau troublé son esprit; il n'a pu résister au démon qui le poussait à sa perte. Le duel a eu lieu le 27 <Janvier>/8 Février; un instant l'a vu passer de la vie à la mort, les trois jours qu'il a survécu n'ayant été qu'une longue agonie. Mr d'Antès est sous jugement, mais ne serait-il pas juste de dire que les lettres anonymes ont retranché ses jours autant que la balle fatale qu'elles ont provoquées!

Je me flatte que la G<ran>de Duchesse ignore cette circonstance, si déshonorante pour la société, et encore pour celle qu'on appelle la bonne société. J'entends dire que Pouschkin est peu à regretter, ces paroles me font frissonner. La poésie est la première instruction des peuples, celle qui naît du sol même, qui résume ses facultés, ses besoins, le poète est la voix de tous et celle de chacun en particulier, il est pour l'intelligence, pour le coeur, ce que le soc de la charrue est pour la terre; il lui fait porter des fruits, qu'il soit vase d'or ou d'argile, il accomplit une céleste mission. Comment ne pas pleurer la perte de ces messagers des cieus, surtout lorsqu'e leur voix est populaire, comme l'était celle de Pouschkin, comment s'attacher à leurs faiblesses d'un jour; tandis que leurs accens immortels retentiront dans les siècles futurs, comment ne pas se dire, il n'y a pas de cour des pairs pour juger le Génie! Déplorer ses écarts, en neutraliser les effets en ne s'irritant pas tel devrait être

Poudibkine est mort à l'âge de 84 ans, de Syzran, que dans sa jeunesse
pendant a englobé la tombe. Entre tous les talents poétiques qui se vanta
à sa suite, brillent sur la terre, j'en vois que Poudibkine était la province, par suite
d'après. Il avait des rapports avec Syzran, Kromie, le Saratove, le don, et
le stank du génie, ce qui désarçait le talent de ses vers, dont la force
est si belle que ^{les poésies} les poésies. En 1811, au Congrès de la Russie, qui
dépassaient toutes les barres des sciences poétiques et l'Empereur Nicolas
le rappela, l'émulation très bien fut faite, si lui un père génie Suvorov
avait il n'est comme jamais au monde, il n'y a que Dieu, qui puisse
dire aux hommes, laissez vivre. Poudibkine comme un génie grand, vite,
s'affirma de la terre le temple des esprits. Soient qu'il ne pouvait remplir
que de son talent divin de puissance, leur est l'empire, son amour de la science

Фрагмент письма Э. Сильвестр к Ф. Мюллеру. 1837 г.

l'action des contemporains éclairés des grands hommes. Mais bon Dieu, que la conduite du plus grand nombre est différente, on exige que la raison, le jugement soient les compagnes obligées des hautes facultés, tandis que le contraire⁶ on ne voit malheureusement que trop souvent <...>

Mais où m'a conduit <sic!> mes regrets sur la fin prématurée de Pouschkin, qui maintenant repose avec ses pères dans le caveau de sa famille, dans le Gouvernement de Pskoff. C'est Mr Tourguéniéff, que vous avez vu souvent à Weymar, qui y a conduit sa dépouille mortelle. L'Empereur s'est chargé de ses deux fils, qui seront élevés au corps des Pages. Il a assuré une pension à sa veuve et a ses deux petites filles; on dit même qu'il veut qu'on fasse à ses frais une édition de ses oeuvres pour acquitter les dettes qu'a laissé Pouschkin. Lorsque je cause avec vous je compte si bien sur votre indulgente amitié, cher et précieux ami, qu'avec vous je laisse courir ma plume sur le sujet qui m'intéresse le plus vivement et vous m'avouerez qu'en vous écrivant, il est impossible de ne pas penser à un poète et à la poésie <...>

21/9 Mars.

Encore un bonjour, cher et précieux ami; le courrier ne partant que demain, j'ai attendu jusqu'à aujourd'hui pour fermer ma lettre <...> Hier au soir j'ai eu le plaisir d'avoir Mr Tourguéniéff. Il aura le bonheur d'être à Weymar au mois de Juin. Vous pourr<ez> lui parler de son ami Pouschkin dont il m'a dit qu'on allait publier quatre volumes d'Oeuvres posthumes, <il m'a dit qu'il y a de très-belles choses dont la langue allemande pourra s'enrichir. Jusqu'à présent la Russie a moissonné chez les autres, maintenant le moment est arrivé, où les peuples de l'Occident pourront venir recueillir chez elle les fruits dont ils lui ont fourni les grains, fruits qui ayant pris le goût du terroir, nous initieront à l'histoire intime de cette vaste contrée, à celle de la portée de ses besoins et de son intelligence poétique. Vous pouvez voir que c'en est un pour moi de causer avec vous et aussi de vous lire; je me désire bientôt ce plaisir surtout si je lis que vous êtes tous bien. Goodbye,⁷ excusez tous mes griffonnages, et pensez un peu à votre toute affectionnée amie

Speranza.

Перевод:

С.-Петербург, 6 марта/23 февраля 1837 г.
12 градусов мороза.

Не правда ли, можно сказать, милый и бесценный друг, что нас разделяют все полярные льды, и я хотела бы Вас спросить: «Живя в мире своих мыслей, встретите ли Вы меня в какой-нибудь из них?». После того как мы так близко узнали друг друга, я не перестаю жалеть, что не вижу

⁶ Окончание фразы зачеркнуто, новый вариант вписан над строкой.

⁷ До свидания (англ.).

Вас; присутствие Ваше дополнило бы все те маленькие и большие радости, которые я пережила во время путешествия по Европе. закончившегося лишь третьего ноября; удовлетворенная прошедшим, умея довольствоваться настоящим, которое наполнено у меня множеством обязанностей, как живо ощущала я иногда отсутствие Китти, Константина, как чувствовала отсутствие писем от Вас, отсутствие известий из милого Веймара, ставшего таким мне близким благодаря превосходным друзьям, которых я там обрела, и верности в дружбе, которую жители Германии возвели в культ. Слава богу, все письма Китти полны приятных впечатлений юности, которую она снова нашла и почувствовала в Вене, полны удовольствия от хорошего приема, оказанного ей подругами, полны планов возвращения в Веймар. Я разделяю с ней радость видеть Вас вновь, а с Вами — радость встречи с ней. Я уверена, что пребывание nella casa patria^a будет благотворно для нее в нравственном и физическом отношении, и это утешает меня в разлуке с ней. Не имея возможности поехать к ней, я не поеду никуда, а если мы, как говорят, возвратимся в Мариенбад весной, мне не поверится, что я провела зиму в Петербурге; здесь я живу своими воспоминаниями, которые, мне кажется, удаляют и отделяют меня от окружающего общества, где находят тысячу любезностей для меня, когда я там появляюсь, но, поскольку мне приходится бывать там мимоходом, гораздо больше подлинной радости приносят мне мысли о тех отсутствующих, кого я люблю, а не приобретение новых знакомств, которые так и останутся поверхностными. Единственное событие глубоко затронуло меня этой зимой по сопровождавшим его печальным обстоятельствам и по горестным сожалениям, которые оно вызвало у всех друзей поэзии, ибо, как Вы несомненно знаете, Россия потеряла своего Орфея. И можно добавить — —

Музы, в этот скорбный миг
Возложите торжественный венец,
Который подобает его саркофагу.

Пушкин умер в возрасте Рафаэля, Байрона; сколько творений, сколько мыслей поглощено могилкой! Среди всех поэтических талантов, которые блистают ныне на земле, Пушкин, я думаю, был первым из первых гениев. Он напоминал Байрона; ирония, сарказм, сомнение, сомнение гения, это всепожирающее пламя, соединяются в его стихах, форма которых так прекрасна, что выражение совершенствует мысль. Сосланный на Кавказ за вольности, которые выходили за пределы всех вольностей поэтических, он был возвращен императором Николаем, который встретил его очень хорошо и отнесся к нему скорее как отец, чем как монарх. Но нет на свете силы, кроме бога, которая могла бы повелеть потокам: «Станьте тихими реками!». Пушкин, гражданин, супруг, отец, замкнутый в тесном кругу общественных обязанностей, которые он мог исполнять лишь обретя независимость, часто отказывался от них с тяжелым и горьким чувством, сдерживаемый, однако, отсутствием состояния, друзьями, милостями императора, который назначил его преемником Карамзина. Не имея возможности в таком положении отдаться порывам своего гения, он отдался порывам своих страстей, которые в конце концов были возбуждены самым подлым способом с помощью анонимных писем, а эти явились, как полагают, трусливой мстостью за сатирические стихи, которые он порой бросал в общество под видом переводов с латинского; намеки были слишком очевидными и колкими, чтобы нельзя было догадаться, кого именно он хотел заклеить, и заклеить по справедливости. В этих письмах пытались разбудить его ревность к красавице-жене, он был вынужден вызвать на дуэль г-на д'Антеса, кузена г-на Пашпенгейма, на которого ему указывали письма. За три недели до этого г-н д'Антес женился на мадемуазель Гончаровой, его свояченице, жившей в его доме, для того чтобы усыпить его подозрения и полностью убедить, что он посещал его ради нее, а не ради его жены. После женитьбы не-

^a в милом отечестве (*итал.*).

сколько дней прошли спокойно, но его не пожелали оставить в покое, новыми письмами смущая его душу; он был не в силах сопротивляться демону, толкавшему его к гибели. Дуэль состоялась 27 января/8 февраля; одного мгновения было достаточно, чтобы жизнь его оборвалась; три дня, которые он еще прожил, были только затянувшейся агонией. Г-н д'Антес под судом, но разве не правильнее было бы сказать, что анонимные письма так же сократили его дни, как и роковая пуля, вызванная ими!

Надеюсь, великой герцогине не известно обстоятельство, столь позорное для общества и тем более для того общества, которое называется хорошим. Я слышала мнение, что о Пушкине едва ли стоит жалеть, эти слова заставляют меня содрогаться. Поэзия — это первооснова народного сознания, то, что рождено самой землей, что объединяет в себе способности народа, его потребности; поэт — это голос всех вместе и каждого в отдельности, для ума, для сердца он — то же, что лемех плуга для почвы; он заставляяет ее приносить плоды, чем бы она ни была — золотым илом или глиной; он выполняет божественную миссию. Как же не оплакивать гибель этих посланцев небес, особенно когда голосу их внимал весь народ, как это было с Пушкиным; зачем касаться их мимолетных слабостей, если их бессмертные голоса отзвучат в будущих веках; как не сказать себе, что нет такого высокого суда, который был бы вправе судить гения! Оплакивать эти потери, преодолеть их последствия, не давая воли гневу, — так следует поступать современникам великих людей. Но, боже мой, как поведение огромное большинство не похоже на это; считается, что разум, здравое суждение должны быть принадлежностью высоких сфер, тогда как, к сожалению,⁶ мы слишком часто видим обратное <...>

Но куда завела меня скорбь о безвременной кончине Пушкина, который покоится ныне рядом с предками в фамильном склепе, в Псковской губернии. Г-н Тургенев, которого Вы часто видели в Веймаре, сопровождал его останки. Император принял на себя заботу о его двух сыновьях, которые будут воспитываться в Пажеском корпусе. Он установил пенсию для его вдовы и двух маленьких дочерей; говорят даже, что он пожелал, чтобы его сочинения были изданы за счет казны для оплаты долгов, оставленных Пушкиным. Когда я беседую с Вами, я так полагаюсь на Вашу дружескую снисходительность, милый и бесценный друг, что для Вас мое перо затрагивает предмет, который интересует меня сильнее всего, и согласитесь, что, если пишешь Вам, невозможно не думать о поэте и поэзии <...>

21/9 марта.

Еще раз привет Вам, милый и бесценный друг; курьер отправится лишь завтра, поэтому я до нынешнего дня не запечатывала письмо <...> Вчера вечером я имела удовольствие принимать у себя г-на Тургенева. Ему почастливилось в июне месяце посетить Веймар. Вы <сможете> поговорить с ним о его друге Пушкине, оставшихся сочинения которого, как он мне <казал>, только что изданы в четырех томах; <он мне> сказал, что там есть превосходные вещи, которыми мог бы обогатиться немецкий язык. До нынешнего времени Россия заимствовала у других, теперь наступил момент, когда народы Запада смогут воспользоваться ее плодами, семена которых они ей подарили, плодами, которые, приобретя местный вкус, откроют нам сокровенную историю этой обширной страны, историю всех ее забот и ее поэтического сознания. Видите, что значит для меня возможность говорить с Вами и читать Ваши строки; с особым удовольствием надеюсь вскоре прочесть, что у Вас все благополучно. Goodbye,^в простите мне мои каракули и вспоминайте иногда о Вашем преданном друге

Сперанце.

⁶ Окончание фразы зачеркнуто, новый вариант вписан над строкой.
^в До свидания (англ.)

В. Б. САНДОМИРСКАЯ

ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНСКОГО ЦИКЛА
«ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ»

(Пушкин и Батюшков)

1

В конце декабря 1825 г. вышел из печати первый сборник лирики Пушкина — «Стихотворения Александра Пушкина» (СПб., 1826). В отличие от последующих собраний его стихотворений (1829 и 1832—1835) это был единственный сборник, где Пушкин использовал традиционную для того времени схему расположения поэтического материала — по жанрам. Анализ замечаний о композиции будущего сборника, содержащихся в письмах Пушкина начала двадцатых годов, и сопоставление их с композицией второй части батюшковских «Опытов в прозе и стихах» и с некоторыми из пушкинских помет в его экземпляре «Опытов» позволяют заключить, что к началу работы по составлению первого собрания своих стихотворений, т. е. к концу 1824 г., у Пушкина существовал уже отчетливый план его, сформировавшийся на основе изучения и критики поэтического сборника Батюшкова. «Теперь поручил я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступим к изданию элегий, посланий и смеси» (XIII, 125), — писал он из Михайловского П. А. Вяземскому 29 ноября 1824 г. Эту же формулу — «элегии, послания и смесь» — находим и в письме к брату, получившему, наконец, от Н. В. Всеволожского пушкинскую рукопись: «Перешли же мне проклятую мою рукопись — и давай уничтожать, переписывать и издавать <...> Элегии мои переписаны — потом послания, потом смесь, потом благословясь и в цензуру» (XIII, 151).

Однако в процессе «уничтожения» и «переписывания» схема эта стала намного сложнее. Состав и отделы сборника были установлены Пушкиным в так называемой «Капнистовской тетради», которая представляет собою не рукопись сборника, а скорее распорядительную запись для составления такой рукописи: перечень

отделов и входящих в них произведений.¹ Первоначальная схема осложнена здесь введением отдела «Подражания древним», поставленного на второе место, сразу же за отделом «Элегии», и выделением из отдела «Смеси» в самостоятельный отдел стихотворений малых форм — «Эпиграммы, надписи и пр.»² но принципиально она не изменилась: первое место по-прежнему занимали элегии и примыкающий к ним отдел «Подражаний древним», затем следовали послания и далее «Смесь» и «Эпиграммы и надписи». Порядок отделов, установленный Пушкиным, по справедливому мнению Б. В. Томашевского, отражал собственное представление поэта о доминирующих жанрах его лирики.³ Необходимо отметить, однако, что наряду с отделами с четким жанровым признаком (элегии, послания, эпиграммы, надписи) или по крайней мере с традиционным названием («смесь») Пушкин ввел отдел, обозначенный по тематическому, или, скорее, по стилистическому, признаку — «Подражания древним». В следующем издании пушкинских стихотворений (1829 г.), построенном по хронологическому принципу, следов этого отдела уже не осталось, и сборник 1826 г. оказался единственным отражением замысла поэта. Между тем название, данное Пушкиным этому отделу сборника, — не случайное, придуманное в последний момент, перед отправкой рукописи переписчику: оно отражает замысел, возникший у него в самом начале двадцатых годов, под влиянием увлечения поэзией Батюшкова и Шенье.

История этого замысла не изучена. Между тем для изучения творчества Пушкина она представляет несомненный интерес, позволяя по-новому осветить некоторые вопросы развития пушкинской лирики начала двадцатых годов, и прежде всего вопрос об антологизме Пушкина.

Во всех работах, посвященных изучению антологической поэзии Пушкина начала двадцатых годов, до настоящего времени речь идет исключительно о той роли, которую сыграла в развитии интереса к ней у Пушкина поэзия Шенье. Между тем исследователем этой проблемы обязательно должен быть учтен еще один, не менее существенный фактор — значение для Пушкина опытов в антологической поэзии, принадлежавших К. Н. Батюшкову. Даже в обстоятельной работе Д. П. Якубовича «Пушкин и античность», представляющей наиболее полное до сих пор исследование антологической поэзии Пушкина, истории этого направле-

---

¹ Как пишет Б. В. Томашевский, «в ней Пушкин установил состав, построение и текст первого своего стихотворного сборника» (Томашевский Б. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826 г.). II. «Капнистовская тетрадь». — Литературное наследство, кн. 16—18. М., 1934, с. 866). Тетрадь ныне утрачена. Факсимиле нескольких листов приведены в статье Томашевского; фотокопия их хранится в ИРЛИ.

² См.: Литературное наследство, кн. 16—18, с. 863.

³ Там же, с. 866.

ния в его творчестве, имя Батюшкова как предшественника Пушкина в антологическом роде было упомянуто только однажды.⁴

Предлагаемая статья ставит своей целью общую постановку вопроса о роли Батюшкова в развитии антологической поэзии Пушкина как проблемы, имеющей большое значение в изучении пушкинской поэзии начала двадцатых годов.

2

Отдел «Подражания древним» в сборнике 1826 г. заключал в себе 12 стихотворений: I. Муза (1821); II. Дориде (1820); III. «Редет облаков летучая гряда» (1820); IV. Юноша. Сафо (1825); V. Нереида (1820); VI. Дионея (1821); VII. Дорида (1820); VIII. Дева (1821); IX. Ночь (1823); X. Приметы (1821); XI. Земля и море. Идиллия Мосха (1821); XII. Красавица перед зеркалом (1821). Из них 11 перечислены Пушкиным в упомянутой уже нами «Капнистовской тетради» (сюда не входит лишь подражание Сафо, текст которого был, по-видимому, отослан издателям позднее).⁵ Здесь отдел был озаглавлен «Подражания древним», причем на усмотрение издателей Пушкин предложил еще один вариант заглавия: «Не назвать ли Опыты в —», т. е., по-видимому, «Опыты в подражании древним», предоставляя этот вопрос их решению: «или как хотите».⁶

Однако еще значительно ранее большая часть этих стихотворений (9 из 11) была вписана — среди других стихотворений Пушкина — в так называемую «третью кишиневскую тетрадь» (ПД № 833). Судя по первым записям, начата она в Киеве, в феврале 1821 г.

На первом листе тетради выписано общее заглавие последующих записей: «Эпиграммы во вкусе древних». В. Е. Якушкин, в своем описании пушкинских рукописей впервые приведший это заглавие, оставил его без комментария,⁷ но позднее, комментируя стихотворения двадцатых годов во втором томе академического издания, он упомянул о нем в примечании к стихотворению 1820 г. «Нереида»: говоря об автографе его, находящемся в интересующей нас тетради, он заметил, что «здесь „Нереида“

⁴ См.: Якубович Д. П. Пушкин и античность. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 6. М.—Л., 1941, с. 129.

⁵ Автографы этого стихотворения неизвестны.

⁶ Литературное наследство, кн. 16—18, с. 857. Б. В. Томашевский ошибочно прочел «Опыты в —» как «Опыты Б.», подразумевая под литерой «Б» имя Батюшкова; он разъяснял свое прочтение следующим образом: «Очевидно, свои антологические отрывки Пушкин ассоциировал с подобными же произведениями Батюшкова, но введение собственного имени другого поэта в название раздела своих стихов показалось Пушкину, очевидно, совершенно невозможным, и он, остановившись на первой букве имени, смазал всю фразу» (там же, с. 856).

⁷ Якушкин В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее. — Русская старина, 1884, т. XLII, май, с. 339.

и следующая за нею пьеса „Редеет облаков летучая гряда“⁸ имеют общий подзаголовок — „Эпиграммы во вкусе древних“.⁹ За ним этот вывод повторен в текстологических примечаниях «большого» академического издания⁹ и вошел в научный оборот.¹⁰ Между тем этот вывод неточен. Заглавие безусловно относится и к этим двум стихотворениям, записанным непосредственно после него, но не исключительно к ним. Об этом с несомненностью свидетельствует история заполнения тетради.

Рассмотрим первые записи в тетради.¹¹ На л. 1 в верхней его части выписано заглавие: «Эпиграммы во вкусе древних». Ниже, без названия, вписано стихотворение «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду». За ним после росчерка-концовки, также без названия, следуют первые девять строк стихотворения «Редеет облаков летучая гряда». Окончание его занимает верхнюю часть оборотной стороны листа — л. 1 об.; ниже последнего стиха — знак окончания, слева от которого помета «Каменка». Ниже их выписано заглавие: «Морской берег. Идиллия Мосха», после чего следует все стихотворение набело — первые восемь стихов на л. 1 об., остальные — на л. 2; под стихотворением знак окончания и с правой стороны помета: «8 февр. 1821. Киев» (причем последнее слово вписано более мелким почерком, в одну строку с датой, но как бы не сразу, а в дополнение к сделанной уже записи). Далее на этом же листе (л. 2), ниже знака окончания, запись четверостишия «Мила красавица, когда свое чело»; под ним знак окончания и дата: «9 <февраля 1821>». На обороте листа (л. 2 об.) беловик «Элегии» — «Увы, зачем она блистает»; последние два стиха элегии записаны на л. 3, ниже их знак окончания и справа от него помета: «1820. Юрзуф».

По-видимому, эти пять стихотворений были записаны в тетрадь в один прием, под одним общим заглавием: два несколько ранее написанных стихотворения, с вполне отработанным и установленным текстом; перебеленный текст только вчера оконченного стихотворения из Мосха, при котором поставлена точная дата — «8 февр. 1821»; четверостишие «Мила красавица...»,

⁸ Соч. Пушкина. Изд. имп. Академии наук. Т. II. СПб., 1905, Примечания, с. 361—362.

⁹ Публикуя варианты стихотворения «Редеет облаков летучая гряда» по второму беловому автографу (тетр. ПД № 833), Т. Г. Зенгер-Цявловская отметила как особенность его заглавие «Эпиграммы во вкусе древних», которое «объединяет два стихотворения: „Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду“ и „Редеет облаков летучая гряда“» (II, 637).

¹⁰ Б. В. Томашевский писал в своей монографии о Пушкине по поводу «Нереяды»: «Это стихотворение вместе со стихотворением „Редеет облаков летучая гряда“ (в рукописи «Таврическая звезда» объединены в беловой рукописи общим названием „Эпиграммы во вкусе древних“). Это была дань восприятию Крыма как античной Тавриды» (Томашевский Б. Пушкин, кн. I. М.—Л., 1956, с. 487).

¹¹ Факсимиле первых трех страниц тетради ПД № 833 см. в издании: Соч. Пушкина. Изд. имп. Академии наук. Т. II. Примечания, вклейка между с. 356 и 357.

также с точной датой — «9» (это день, в который, по-видимому, и были вписаны в тетрадь все пять стихотворений); наконец, элегия «Увы, зачем она блистает», также вполне отработанный текст, без поправок и изменений, с своей датой и пометой о месте создания: «1820. Юрзүф». Очевидно, именно в этом последнем случае Пушкин нашел необходимым обозначить не только дату, но и место, где было создано стихотворение, а уже от этой последней пометы он вернулся к предыдущей, приписав к дате «8 февр. 1821» помету «Кіев», и затем снабдил подобной же пометой две первые элегии, приписав в конце второй из них «Каменка».

Можно думать, судя по почерку и чернилам, что следующие четыре стихотворения: «К портрету В — <Вяземского>» («Судьба свои дары явить желала в нем», без даты — л. 3), «Элегия (из поэмы: Кавказ)» («Я пережил свои желанья», с пометой: «Каменка. 22 февр.» — л. 3—3 об.), «В альбом» («Пройдет любовь, умрут желанья», с пометой: «1817» — л. 3 об.) и «Эпиграмма» («Клеветник без дарованья», без помет — л. 3 об.) — также вписаны в один прием, по-видимому в Каменке, 22 февраля 1821 г. Тогда же, просматривая стихотворения, записанные в тетрадь 9 февраля в Кіеве, он сделал в них поправки: единственную в стихотворении «Редует облаков летучая гряда» (заменив «таврические» на «полуденные» в 11-м стихе) и несколько в «Идиллии».

Так же одновременно, в один и тот же день, записана в тетрадь третья группа стихотворений: «Муза» (л. 4), «Я говорил тебе: страшися девы милой» (л. 4 об.), «Эпиграмма» («Оставь честь судьбе на произвол», л. 4 об.), «Катенину» («Кто мне пришлет ее портрет», л. 5 — последние шесть стихов, знак концовки и дата: «5 апр. <еля 1821>»). Вместе с ними, вероятно, были записаны еще какие-то стихи, находившиеся на двух или трех листах (между л. 4 и 5 тетради), вырванных Пушкиным. Возможно, что вместе с этой группой стихотворений была записана и «Эпиграмма» на л. 5, ниже стихов «Катенину» — «Ты прав, хоть он поэт изрядный»; но она могла быть вписана и позднее, на свободной части листа, т. е. так, как были вписаны им стихи «Лизе страшно полюбить» на л. 10 об. или «Эпиграмма» («У Клариссы денег мало») на л. 11 об. Из всей этой группы стихотворений датировано только одно — «Катенину». Но известна еще одна дата, также собственно пушкинская, — в первой публикации стихотворения «Муза»: ¹² под стихотворением имеется авторская помета — «Кішнев. Апреля 5. 1821», дающая нам ту же дату, что и дата при третьей группе стихотворений в тетради. Это позволяет говорить о том, что вся группа записей сделана в один день.

Следующие записи сделаны близко к этому времени: на л. 5 об. — 7 об. — послание «К Чедаеву», с пометой в конце:

¹² Сын отечества, 1821, № XXIII, с. 132—133.

«6 апреля 1821. Кишинев»; на л. 8 — стихотворение «Христос воскрес», датированное «12 апр. <еля 1821>»; на л. 8 об. — «Аделе» («Играй, Адель»); на л. 9 — «Элегия» («Воспомянем упоенный», стихи 1—8 и две строки, обозначенные точками); на л. 9 об. — «Идиллия» («Подруга милая, я знаю для чего»). После них примерно четыре листа были вырваны, по-видимому самим Пушкиным, и дальнейшие записи относятся к концу августа 1821 г., к декабрю этого же года и затем к 1823 и 1824 гг. Но мы ограничимся анализом записей, сделанных на первых девяти листах, на протяжении сравнительно небольшого времени — трех месяцев (февраля, марта, апреля) 1821 г., так как они наиболее близки к возникновению мысли об «Эпиграммах во вкусе древних».

Общей характерной чертой всех упомянутых записей (как, впрочем, и всех последующих, до л. 37 об., начиная с которого Пушкин использовал эту тетрадь как рабочую, для черновых записей) является то, что все это беловые тексты уже законченных стихотворений.¹³ Начав тетрадь в феврале 1821 г., Пушкин вписал в нее на л. 1—9 стихотворения, написанные в феврале—марте этого года, и четыре стихотворения 1820 г. — «Среди зеленых волн...», «Редеет облаков летучая гряда», «Увы, зачем она блистает» и «К портрету Вяземского». Естественно встает вопрос: ради чего были внесены в тетрадь эти записи на л. 1—9, сделанные в сравнительно короткий срок, с 9 февраля по апрель 1821 г., и что их объединяет?

В 1935 г. М. А. Цявловский предложил свое суждение о характере интересующих нас записей. По его мнению, «тетрадь была заведена Пушкиным для беловых текстов лирических стихотворений»,¹⁴ а в качестве эпиграфа к собранию их Пушкин записал по-французски на внутренней стороне первой крышки переплета неполных два стиха из стихотворения А. Шенье «Jeune captive» («Юная узница»):

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
s'éveillait....

André Chénier.¹⁵

Действительно, эти стихи, соседствующие с первыми записями тетради (на крышке переплета, рядом с первой страницей) и как бы предваряющие все последующее собрание стихотворений Пушкина, естественно воспринимаются как выбранный поэтом

¹³ Поправки и изменения, внесенные в них Пушкиным в дальнейшем, не отменяют того факта, что вписаны они в тетрадь как вполне законченные произведения.

¹⁴ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 484—485.

¹⁵ Так, хотя я был в печали и заточении, моя лира все же Пробуждалась....

Андре Шенье.

эпиграф ко всей тетради, как мысль, объединяющая их и выражающая суть замысла.

Исходя из положения этой цитаты в тетради и считая, что первое стихотворение — «Нереида», — написанное в Каменке в ноябре—декабре 1820 г., тогда же было внесено поэтом в чистовую тетрадь, М. А. Цявловский на основании этой даты определял время появления в тетради двух строк из Шенье в границах 26 ноября 1820—30 апреля 1821 г.¹⁶ В свете данного эпиграфа ближайшие последующие записи рассматривались им как собрание стихотворений, созданных в эти же трудные годы, когда поэт был «печальным пленником».

Но, во-первых, в числе записей на первых девяти листах находятся стихотворения не только 1820—1821 гг. — среди них есть и стихотворение 1817 г. (л. 3 об. — «В альбом»). Во-вторых, очевидно, что целью Пушкина было не собрание всего созданного им в этот период, ибо сюда не вошли такие значительные произведения 1820 г., как «Погасло дневное светило» и «Черная шаль», упомянутые Пушкиным в списке, сделанном в этой же тетради, на внутренней стороне верхней крышки переплета (ниже эпиграфа), и названное в этом же списке стихотворение «Черныльнице», датированное в автографе 11 апреля 1821 г.¹⁷ Поэтому приходится говорить об известном выборе, и принцип отбора не поясняется эпиграфом.

Что касается стихов Шенье, взятых Пушкиным для эпиграфа, то нельзя не заметить, что они не согласуются с мироощущением поэта в 1820—1821 гг.: в то время он не воспринимал свое пребывание на юге как неволю и заточение. Эпиграф не согласуется со стихами тетради и в том отношении, что в нем запечатлен ретроспективный взгляд поэта на некий уже прожитый им период и на творчество этого периода, в то время как для стихотворений характерен другой временной акцент — они отражают впечатления не давно минувшего, а ближайшего времени, вчерашнего и сегодняшнего дня; сопровождающие их точные даты заставляют видеть в них даже подобие лирического дневника. Можно предположить, что эпиграф был не первой записью в тетради, а последней, что он был выбран и вписан значительно позднее, когда поэт уже мог взглянуть на стихи 1820—1821 гг. как на прошлое.

Действительно, стихи Шенье, по-видимому, были записаны Пушкиным в начале 1825 г., при подготовке рукописи первого сборника его стихотворений, основой для которой и послужила ему эта тетрадь. В это же время он работал над своей исторической элегией «Андрей Шенье»; заново перечитывая сборник Шенье, Пушкин избрал эпиграфом для нее именно эти стихи

---

¹⁶ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества Пушкина, т. I. М., 1951, с. 268.

¹⁷ См.: Рукою Пушкина, с. 273.

Шенье — «Ainsi, triste et captif...». Очевидно, тогда же были записаны эти стихи и на переплете тетради ПД № 833, и даже более вероятно, что вначале они появились именно в тетради, как эпиграф ко всем собранным в ней стихотворениям 1820—1825 г., представляющим «лиру» поэта в разнообразии ее тонов.

Будучи датирован 1825 г., эпиграф естественно входит в круг размышлений Пушкина о своей творческой и личной судьбе в сопоставлении ее с судьбой французского поэта, что характерно именно для михайловского периода его жизни. Можно даже предположить, что когда Пушкин писал 15 марта 1825 г. брату и Плетневу о своем сборнике: «Эпиграфа или не надо, или из A. Chénier» (XIII, 153), он имел в виду именно эти стихи. Однако строки, в которых говорилось о времени «печали и заточения», не могли быть пропущены цензурой как эпиграф к сборнику сосланного, опального поэта. Дав сборнику другой эпиграф, Пушкин не смог совсем отказаться от выразительного стиха Шенье и сделал его эпиграфом к элегии о последнем дне Андрея Шенье. Но следом того, что эти строки он относил и к своему творчеству начала двадцатых годов, остался эпиграф к «третьей кишиневской тетради», записанный в нее в процессе работы Пушкина над рукописью своего сборника, по-видимому в марте—апреле 1825 г.

Итак, по нашему предположению, эпиграф тетради записан почти четырьмя годами позже первых ее записей и, следовательно, отражает не замысел, возникший в 1821 г., а его позднейшее осмысление.¹⁸

Остается предположить, что стихотворения на л. 1—9 в «первой кишиневской тетради» объединены их общим заглавием — «Эпиграммы во вкусе древних». Но при первом взгляде принять эту мысль мешает бросающееся в глаза жанровое разнообразие стихотворений. Среди 19 пьес, написанных на первых девяти листах тетради, три самым автором обозначены как элегии («Увы, зачем она блистает», «Я пережил свои желанья», «Воспоминаньем упоенный»); с пометой «элегия» впервые появилось в печати и стихотворение «Редеет облаков летучая гряда»; два стихотворения обозначены как идиллии («Морской берег. Идиллия Мосха» и «Подруга милая, я знаю для чего»); кроме того, имеются два послания, надпись к портрету, стихи в альбом («В альбом», «Аделе»), три эпиграммы — в том смысле, какой вкладывается в это понятие в XIX в. Всего пять пьес оставлены автором без жанрового определения, и четыре из них по преимуществу за-

¹⁸ Отказ от мысли об одновременности возникновения антологического цикла и эпиграфа, конечно, не означает отрицания связи этого замысла с именем и творчеством Шенье. Однако в результате передатировки эпиграфа вопрос этот значительно осложняется. Если раньше он решался самым фактом упоминания имени Шенье, предпосланного замыслу и как бы раскрывающего характер этого замысла, то теперь вопрос о воздействии поэзии Шенье на Пушкина в начале его работы над антологией требует более основательного, конкретного анализа.

служивают наименования стихотворений в антологическом духе — «Среди зеленых волн...» («Нереида»), «Мила красавица, когда свое чело» («Красавица перед зеркалом»), «Муза», «Я говорил тебе, страшися девы милой» («Дева»).

Это обилие жанровых определений помогает понять ту легкость, с которой Пушкин подчинил свой первый сборник традиционной жанровой схеме. Гораздо труднее объяснить, как объединились все эти разнообразные произведения под одним общим наименованием — «Эпиграммы во вкусе древних». Для этого необходимо выяснять происхождение термина и хотя бы приблизительно то значение, которое вкладывалось в него Пушкиным.

3

В начале 1820 г. в Петербурге вышла небольшая книжечка, изданная Д. В. Дашковым, под названием «О греческой Антологии».¹⁹ Авторами ее были арзамасцы С. С. Уваров и К. Н. Батюшков.²⁰ Оба они в качестве иллюстраций к мыслям, изложенным в ней, подготовили переводы двенадцати стихотворений, избранных из греческой антологии; русские переводы, выполненные Батюшковым, были включены в текст статьи, французские же, сделанные Уваровым, даны в приложении к ней.

Выход книги, хотя и изданной небольшим тиражом и «для немногих», был большим событием в литературной жизни Петербурга. Появившаяся в то время, когда еще не остыли развернувшиеся на страницах петербургских журналов споры, связанные с проблемами передачи античного гексаметра, она предлагала свое решение их, может быть не во всем верное с точки зрения теории перевода (и в известном смысле позднее оспоренное Д. В. Дашковым в его переводах из антологии, в которых был принят размер подлинника — элегический дистих),²¹ но столь блистательное с точки зрения поэтической и стилистической, что критика должна была признать, что «победителей не судят».

«Мы искренне признаемся, — писал критик «Сына отечества», — что сначала мы, как слишком, может быть, пристрастные

---

¹⁹ О греческой Антологии. СПб., 1820 (цензурное разрешение от 7 ноября 1819 г.). Уже в феврале 1820 г. А. И. Тургенев писал о ней Вяземскому в Варшаву: «Вот тебе и еще гостинец от Уварова: русские стихи Батюшкова; я думаю, что и в прозе есть его помарки» (Остафьевский архив кн. Вяземских, т. II. СПб., 1899, с. 23).

²⁰ В предуведомлении «От издателя» сказано, что статья, рукопись которой получена издателем из рук «Арзамасского трактирщика», «была подписана так: Ст... и А...» (т. е. «Старушка» и «Ахилл» — арзамасские прозвища Уварова и Батюшкова).

²¹ Переводы Дашкова появились в 1826 г.; переводчик разделил их между двумя петербургскими альманахами — «Полярной звездой на 1825 год» (СПб., 1825, с. 278—286) и «Северными цветами на 1825 год» (СПб., [1824], с. 305—312).

любители всего древнего, несколько сожалели, что в переводах не сохранены размеры подлинника; но вскоре прелестные, исполненные гармонии ямбы заставили нас совершенно забыть о сем недостатке». ²² По мнению критика, отказ от размера подлинника мог быть воспринят как недостаток лишь в теории, с точки зрения совершенного перевода, но не при чтении самих стихов, высокое совершенство которых заставляло забыть о предвзятой оценке. «По сладостной мелодии каждого из них, особенно по удивительному искусству в образовании и сохранении пиитического периода, высочайшего совершенства в просодии» критик оценивал эти переводы как драгоценный подарок для русской словесности. ²³ В этом суждении Кюхельбекера можно услышать отражение мнений, высказывавшихся по поводу книги и в кругу маститых знатоков — в кружке А. Н. Оленина и Н. И. Гнедича, и в кругу молодых поэтов, друзей Пушкина, среди которых были такие «пристрастные любители всего древнего», как Дельвиг и Кюхельбекер.

Можно говорить уже а priori, что Пушкин был участником этих обсуждений, что он не мог пропустить без внимания выход этой книги. Но упомянутое выше заглавие «третьей кишиневской тетради» позволяет утверждать, что Пушкин внимательно прочел не только стихотворения Батюшкова, но и тот небольшой трактат «О греческой Антологии», художественной иллюстрацией которого они служили. Именно здесь находим мы подробное изъяснение понятия об античной эпиграмме и противопоставление ее современному, свойственному XVIII—XIX вв., представлению об эпиграмме, гораздо более узкому и частному.

Вступление статьи посвящено краткой характеристике греческой антологии как целого, как собрания мелких стихотворений, которое «содержит все эпохи греческой поэзии» и является для далеких потомков «драгоценнейшим памятником» нравственного бытия народа древней Греции в самых различных моментах и проявлениях гражданской и интимной, домашней жизни: «Посредством Антологии мы становимся современниками греков, мы разделяем их страсти (<...>), участвуем в празднествах, в играх, следуем за гражданами на площадь, в театр, во внутренность домов: одним словом, мы с ними дышим, живем». ²⁴ Авторы особенно подчеркнули ценность антологии как документа, наиболее достоверно свидетельствующего о нравственном, духовном содержании жизни древних, перед которым отступают все данные,

---

²² Кюхельбекер В. О греческой Антологии. — Сын отечества, 1820, ч. 62, № 23, с. 145—146. См. также: Фридман Н. В. Творчество Батюшкова в оценке русской критики 1817—1820 гг. — Учен. зап. Моск. гос. ун-та, 1948, вып. 127, № 3, с. 177; Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.—Л., 1959, с. 381—382.

²³ Сын отечества, 1821, № XXIII, с. 146.

²⁴ О греческой Антологии. СПб., 1820, с. 2.

добытые археологами. «Если история народа не ограничивается повествованием о войнах или родословно владельцев; если народный дух, обычаи, нравы составляют драгоценнейшую часть исторических преданий, то можно смело сказать, что без Антологии и Аристофана мы не знали бы греков, и многое у них осталось бы вечною загадкою».²⁵

Далее чрезвычайно кратко сообщены некоторые факты из истории изучения и переводов антологии.

Основная же часть статьи посвящена эпиграмме, ее многообразным формам, представленным в антологии. Отталкиваясь от современного, устоявшегося представления об эпиграмме как кратком стихотворении сатирического содержания, замыкаемом «острым словом, укоризною или шуткою», авторы указывали, что «древние давали сему слову другое значение. У них каждая небольшая пьеса, размером элегическим писанная (т. е. гекзаметром и пентаметром, — В. С.), называлась эпиграммой. Ей все служит предметом: она то поучает, то шутит, и почти всегда дышит любовью <...> Иногда греческая эпиграмма полна и совершенна, иногда небрежна и не окончена <...> как звук, в дали исчезающий <...> Этот род поэзии украшал и пиры, и гробницы <...> Истинный Протей, она принимает все виды». Авторы сравнительно подробно характеризовали не только богатство предметов греческой эпиграммы, но и разнообразие ее форм: это и надписи к портрету, к произведениям искусств, и эпитафии, и «картины без фигур» (*tableau de genre*), т. е. жанровые сцены, и поучения, и выражение «мгновенной мысли или быстрого чувства, рожденного красотою природы или памятниками художества».²⁶ Приведенная выше характеристика древней эпиграммы, свидетельствуя о тематической широте этого рода поэтических произведений, о его «универсальности», в смысле разнообразия доступных ему жизненных явлений, показывает, что в этом роде поэзии отсутствуют какие-либо твердые регламентации, какие-либо жанровые ограничения или исключительность. Таким образом, в статье были выделены лишь самые общие формальные признаки, которыми объединялись стихотворения, собранные в антологии: сравнительно малый объем и единый стихотворный размер — элегический дистих; одновременно подчеркивалось разнообразие и богатство идей и форм (что в известной мере было продемонстрировано в переводах).

Существенную часть статьи составляют несколько замечаний о различиях в мировоззрении древних греков и людей нового времени, которыми определяется и то, «чем именно поэзия древних различается от нашей». Здесь высказаны мысли и наблюдения, напоминающие батюшковские статьи 1815—1817 гг.²⁷ Характе-

²⁵ Там же, с. 6—7.

²⁶ Там же, с. 5.

²⁷ См. об этом в кн.: История русской поэзии, т. I. Л., 1968, с. 276—277 (в разделе «К. Н. Батюшков»).

ризуя «гений сего народа, единственного во всех отношениях», как «сочетание ума, столь гибкого и богатого, с природою юга, столь роскошною и изобильною», авторы статьи замечают: «Поэзия древних объясняется небом, землею и морем Италии и Греции», теми «пламенными впечатлениями», которые дарует природа человеку, и столь же пламенным, страстным восприятием этих впечатлений, живым и поэтическим воображением человека, мыслящего себя нераздельно с природой, воспринимающего мир в его гармонии, в согласии «между всеми существами мира, от коего и бездушная природа приемлет движение и жизнь».²⁸ «Для древних жизнь была все: для нас самая жизнь есть только переход к другому, совершеннейшему бытию».²⁹ Поэтому людям нового времени необходимо сильное напряжение ума и чувства, чтобы преодолеть эту противоположность, чтобы в какой-то мере понять и усвоить себе тот взгляд на мир, которой отражен поэтическим собранием антологии. «В особенности Антология потеряет всю свою цену, если мы не станем смотреть на нее глазами древних. Чем вернее и ближе она изображает все подробности их нравственного бытия, тем более она требует верного и опытного взгляда».³⁰

В связи с этой необходимостью понять и усвоить точку зрения на мир и на поэтическое в этом мире, свойственную поэзии древней Греции, авторы обращали внимание на некоторые стилистические черты античной эпиграммы, составлявшие ее характерную особенность и заслуживавшие, быть может, более подробного комментария. Так, противопоставляя древнюю эпиграмму эпиграмме современной, авторы указывали на важнейшее ее отличие — цельность ее мира, отсутствие в ней колкости, каламбура, игры словами и понятиями, простоту и строгость ее стиля. Древняя эпиграмма «почти никогда не заключается разительною, острою мыслью, и чем древнее, тем проще».³¹ Особое внимание и комментарии вызвала другая важнейшая особенность стиля древних лириков, которая была обозначена в статье как «необузданная свобода» выражений. Разбирая вопрос о том, «почему древние так часто нарушали законы благопристойности и оскорбляли стыдливый слух», и сопоставляя свободу и естественность выражения, свойственные стилю античной лирики, с стилем современной поэзии, авторы отмечали в первой некоторую «грубость», «простодушие» и «беспечную наготу» выражений, совершенно противоположные «нашему искусству выражать все полусловами и раз-

---

²⁸ О греческой Антологии, с. 8—9.

²⁹ Там же, с. 10. Подробно развита эта мысль в статье Батюшкова о Петрарке (1815), в которой с гораздо большей силой подчеркнут контраст мировоззрения античности и христианства и его отражение в поэзии древней и новой. См.: Б а т ю ш к о в К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977 (серия «Лит. памятники»), с. 149—162.

³⁰ О греческой Антологии, с. 11.

³¹ Там же, с. 6.

вращать сердце, не оскорбляя слуха и вкуса»; «нагота в Антологии <...> походит на наготу греческих статуй; она не возбуждает чувства. Привычка называть все вещи, все предметы их естественным именем притупляет воображение».³²

Заключительная часть статьи включала 12 стихотворений, выбранных из антологии и представлявших образцы стиля шести поэтов античности — Мелеагра Гадарского, Асклепиада Самосского, Гедила, Антипатра Сидонского, Павла Силенциария и одного неизвестного, переведенных Батюшковым. Несомненно, что именно батюшковские переводы более всего помогли Пушкину составить представление о стиле античной поэзии и что в этом смысле они дали Пушкину-художнику несравненно больше, чем могла дать ему обрамляющая их или любая другая статья. Однако при всей краткости и отрывочности сведений, которые она сообщала, статья «О греческой Антологии» давала пищу размышлениям и могла послужить толчком к логическому обдумыванию того, что было схвачено интуицией художника. Обращаясь к поэзии Пушкина и его литературной переписке 1821—1823 гг., можно видеть, что суждения статьи о характере и стиле античной эпиграмматической поэзии и особенно образцы этого стиля в переводах Батюшкова были близки его собственным стилистическим поискам и, возможно, даже кое-что в них прояснили. Влияние их можно усмотреть и в складывающемся в этот период у Пушкина идеале лирического стихотворения как анализа и полного, законченного выражения одного чувства, одного состояния, одного движения души; и в постижении и постепенном освоении той «прелести важной простоты», образцом которой стала для него античная поэзия; и в отчуждении от холодного остроумия, утонченности и изысканности стиля французской поэзии XVIII в.; и во все углубляющемся внимании к языку как «материалу словесности», как к исторически сложившейся «стихии, данной нам для сообщения наших мыслей» (XI, 34).

Несомненным отзвуком этой статьи о греческой антологии является и замысел, возникший в начале 1821 г.; об этом свидетельствует заглавие на первой странице тетради ПД № 833: «Эпиграммы во вкусе древних». Именно в статье нашел Пушкин столь широкую трактовку этого термина, включавшего в себя все разнообразие малых стихотворных форм и полное разнообразие тематики.

Здесь уместно отметить также следующую особенность состава пушкинских «Эпиграмм во вкусе древних». Среди стихотворений, записанных на первых десяти листах тетради ПД № 833, мы четырежды встречаемся с элегией, причем это жанровое определение дано самим автором как заглавие пьесы. С та-

---

³² Там же, с. 13—14.

ким же заглавием, обозначающим жанр, — «Элегия» — впервые появилось в печати и стихотворение «Редет облаков летучая гряда».³³ Итак, из 20 стихотворений пять элегий. Между тем в статье об антологии элегия в составе собрания не названа, ни разу не упомянут даже самый этот термин. Действительно, в антологии преобладают краткие стихотворения — надписи к произведениям искусств, на надгробиях и т. п., и в этом смысле выбор Д. В. Дашкова, опубликовавшего в 1826 г. свои переводы из антологии,³⁴ более отражает основной состав данного сборника. Но Батюшков в своем выборе скорее руководствовался собственным вкусом и преобладающим интересом к изображению внутреннего мира человека, к анализу чувств и тонких душевных движений; благодаря этому среди 12 отобранных и переведенных им стихотворений мы встречаем одну чистую элегию — плач по умершей («В обители ничтожества унылой») и несколько пьес, содержание которых составляют жалобы и сетования влюбленных и которые читателем XVIII и XIX вв. также должны были восприниматься как элегии («Свидетели любви и горести моей», «Увы! глаза потухшие в слезах», «Изнемогает жизнь» и др.). По-видимому, именно пример и опыт Батюшкова позволили Пушкину включить в число своих «Эпиграмм во вкусе древних» и элегии. Не говоря уже о ставшей хрестоматийной элегии «Редет облаков летучая гряда», среди стихотворений, записанных на первых листах тетради ПД № 833, можно, например, отметить такие элегии, как «Увы, зачем она блистает» или «Умолкну скоро я», вполне заслуживающие названия антологического стихотворения по своей художественной завершенности, по единству и законченности, — они по праву могли бы пополнить отдел «Подражаний древним» в издании 1826 г.

Опыт Батюшкова позволил Пушкину отказаться в своих подражаниях древним от воспроизведения принятого в античных эпиграммах размера — элегического дистиха, которым писаны все эпиграммы древних. В пушкинских стихах использован и шестистопный ямб свободной рифмовки, иногда в сочетании с четырехстопным ямбом («Дионея»), и александрийский стих (шестистопный ямб с чередованием парных женских и мужских рифм), и четырехстопный ямб. То же разнообразие и еще большая свобода в использовании разностопных ямбов наблюдаются и в батюшковских переводах из антологии, для которых также характерен отказ от стилизации подлинного размера (хотя единый размер — элегический дистих, как единственный общий признак, присущий всем стихотворениям антологии, был специально отмечен в статье). Следуя Батюшкову, в переводах которого античная

³³ Полярная звезда на 1824 год. СПб., 1824, с. 198.

³⁴ Цветы, выбранные из греческой Антологии. — Северные цветы на 1825 год, с. 305—312; вторая часть переводов опубликована в альманахе «Полярная звезда на 1825 год» (с. 278—286).

пластика и строгая простота сочетались с неперменным использованием рифмы, Пушкин также ввел в свои подражания рифму, которой не знала поэзия древних, несмотря на то что сам он уже в начале двадцатых годов ощущал рифму как характернейший элемент поэзии нового времени.³⁵

Сопоставление стиля антологических стихов Пушкина и переводов Батюшкова позволяет видеть, что и здесь Батюшков был его учителем: отсутствие попыток стилизации, отсутствие архаизмов, минимальное число славянизмов (причем используются только такие, которые воспринимаются не как славянизмы, а как необходимая принадлежность поэтического языка, как поэтический синоним слов, принятых в обыденном употреблении), современный литературный язык, точнее — язык современной «легкой» поэзии (по терминологии Батюшкова), очищенный от олицетворений и фигур, свойственных классицизму. Не случайно Белинский считал переводы из антологии важнейшей заслугой Батюшкова перед русской поэзией, ибо в них он «первый на Руси создал антологический стих, только разве по языку, и то весьма немногим, уступающий антологическому стиху Пушкина».³⁶

И «Подражания древним» 1826 г., и особенно рукописные «Эпиграммы во вкусе древних» 1820—1823 гг. свидетельствуют, что Пушкин не ставил себе задачей ни подражания, ни стилизации античной поэзии. В этом смысле первоначальное название гораздо вернее отражало замысел и цель Пушкина, чем принятое в сборнике название отдела. Помета «во вкусе древних» означала стремление усвоить себе важнейшие, с точки зрения Пушкина, особенности практической эстетики древних — их стиля: простоту и точность их поэтического языка, смелую искренность выражения и — главное — ставшую особенностью дальнейшего пушкинского творчества способность видеть поэтическую сторону каждого явления, как во внешней, окружающей человека жизни, так и в жизни внутренней, жизни души и сердца.

Отмеченные параллели и соответствия позволяют утверждать, что пушкинский замысел «Эпиграмм во вкусе древних» возник в значительной степени под впечатлением переводов из антологии, сделанных Батюшковым, и что изучение стиля этих переводов во многом определило стиль пушкинских «подражаний древним».³⁷ Они позволяют говорить также о том, что замысел «Эпиграмм» связан с именем Батюшкова не только своим заглавием, и объясняют до известной степени, почему в сознании Пушкина одно из совершеннейших его стихотворений в антологическом

³⁵ «О поэзии классической и романтической» (XI, 37).

³⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 225.

³⁷ Изучение стиля переводов Батюшкова из антологии было бы существенно как для исследования его собственной поэзии, так и для изучения вопроса о влиянии Батюшкова на творчество его многочисленных учеников — младших современников. Между тем вопрос этот не только не изучен, но и до сих пор не обозначен в числе проблем, подлежащих изучению.

духе — «Муза» (1821), открывающее отдел «Подражаний древним» в сборнике 1826 г., соотносено с именем Батюшкова.³⁸

Многообразное влияние поэзии Батюшкова, столь значительное в формировании стиля поэзии Пушкина первых, лицейских лет, в создании первого его большого произведения — поэмы «Руслан и Людмила», оплодотворило также и новое направление творческих поисков Пушкина — его обращение к антологической поэзии. Имя Батюшкова, которое почти не называется (или называется почти случайно, обмолвкой) в работах, посвященных пушкинской антологической поэзии, должно занять принадлежалое ему место в исследовании этой темы.

Самый факт выхода книги Батюшкова и Уварова «О греческой Антологии» заслуживает быть отмеченным среди явлений, оказавших воздействие на развитие художественных воззрений Пушкина, и должен быть введен в летопись его творчества.

---

³⁸ «Я люблю его — оно отзывается стихами Батюшкова», — заметил Пушкин в 1828 г., вписывая стихотворение в альбом Н. Д. Иванчина-Писарева, объясняя этим свой выбор (Барсуков А. Альбом автографов Н. Д. Иванчина-Писарева. — Старина и новизна, 1905, кн. X, с. 482); около этого же времени Пушкин записал «Музу» и в альбоме гр. А. Е. Комаровской-Шиповой (см.: Пушкин и его современники, вып. XI. СПб., 1909, с. 80, 84).

Р. В. ИЕЗУИТОВА

СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА «ВСЕМ КРАСНЫ БОЯРСКИЕ КОНЮШНИ» КАК ОПЫТ СОЗДАНИЯ «ПРОСТОНАРОДНОЙ БАЛЛАДЫ»

Стихотворение «Все́м красны боярские конюшны» издавна занимает важное место в ряду произведений Пушкина, воссоздающих особый образно-эмоциональный строй народной русской поэзии. Стихотворение это, характеризующееся глубиной проникновения в сущность и формы народного творчества, рассматривается в исследовательских работах как одно из наиболее ярких проявлений пушкинского фольклоризма. Несмотря на не столь уж редкие попытки определить место и значение этого «простонародного опыта» в творческой эволюции Пушкина, многие узловые, центральные для понимания стихотворения вопросы все еще остаются спорными и нерешенными.¹ Существенного уточнения требует источниковедческий аспект в его изучении. Нуждается в дальнейшей конкретизации понимание его жанровой специфики. Не имеют твердо установленной даты и этапы творческой работы Пушкина над стихотворением. Попыткой осветить некоторые из этих вопросов и является данная заметка, автор которой стремился проследить пути формирования пушкинского замысла, обращенного к области народных русских поверий.

1

«Все́м красны боярские конюшны» дошли до нас в черновой редакции в составе так называемой «третьей масонской тетради» (рабочая тетрадь № 836).² В печати это стихотворение стало из-

¹ См.: Томашевский Б. В. Генезис «Песен западных славян». — В кн.: Атений. Историко-литературный временник, кн. III. Л., 1926, с. 35—45; Волков Р. М. Народные истоки творчества А. С. Пушкина (баллады и сказки). Черновицы, 1960, с. 38—40. Наиболее развернутый анализ стихотворения см. в кн.: Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, с. 525—528.

² ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 836; текст интересующего нас стихотворения находится на л. 33 об.—34.

вестно лишь в 1884 г., когда В. Е. Якушкин, описывая рабочие тетради Пушкина (и в их числе упомянутую выше), обратил внимание на черновик совершенно неизвестного произведения, «близкого по тону» к «Песням западных славян».³ Отметив, что его начало «состоит из недописанных исчерканных стихов», Якушкин опубликовал это произведение в неисправной редакции, с пропусками и неточностями в прочтении отдельных слов рукописи. Якушкин неверно определил и последовательность самого поэтического текста, вследствие чего стихотворение начиналось в его публикации строчкой: «Кормом, стойлами, надзором». Текст, опубликованный Якушкиным, неоднократно перепечатывался в дореволюционных собраниях сочинений Пушкина и рассматривался обычно в разделе черновых отрывков и набросков среди произведений неизвестных годов.⁴ Отдельные изменения, вносимые в текст редакторами сочинений Пушкина, обращавшимися к рукописи стихотворения (П. А. Ефремовым и П. О. Морозовым), не способствовали установлению подлинного текста этого произведения, а это в свою очередь затрудняло его понимание и историко-литературное изучение.⁵

Важным шагом в осмыслении пушкинского стихотворения явилось указание на его сюжетную связь с басней-притчей поэта-крестьянина Ф. Н. Слепушкина «Конь и домовой».⁶ В конце 1827 г. литературный покровитель Слепушкина Б. М. Федоров напечатал ее в альманахе «Памятник отечественных муз на 1828 г.», сопроводив ее указанием, что «сия пьеса» «сочинена Слепушкиным по задаче Александра Сергеевича Пушкина».⁷

³ Якушкин В. Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве. — Русская старина, 1884, т. 42, июнь, с. 540—541.

⁴ Пушкин. Соч. Под ред. и с объяснительными примеч. П. О. Морозова. Изд. Об-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Т. II. СПб., 1887, с. 27—28; Пушкин. Соч. и письма. Под ред. П. О. Морозова. Изд. «Просвещение». Т. II. СПб., 1903, с. 64—65; Пушкин. Соч. Ред. П. А. Ефремова. Т. II. СПб., 1903, с. 120—121 (редактор дал произведению произвольное название — «Отрывок»).

⁵ П. О. Морозов обратил внимание на неразобранные Якушкиным строки в начале рукописи, но прочитать их так и не смог и ограничился указанием на них (поставив многоточие). П. А. Ефремов попытался придать тексту более законченный вид, введя вместо варианта «Кони сыты...» (у Якушкина) — «Кони сыты, лоснятся их гривы».

⁶ См. краткое примечание П. О. Морозова: «Мысль этого стихотворения, оставшегося в бумагах Пушкина лишь в черновом наброске, была сообщена им крестьянину-стихотворцу Ф. Н. Слепушкину, который и воспользовался ею для стихотворения „Конь и домовой“» (см.: Пушкин. Соч., т. II. СПб., 1887, с. 28).

⁷ Памятник отечественных муз на 1828 год. СПб., 1827, с. 285—288. В предисловии «От издателя» Б. Федоров повторил свое разъяснение, см.: Слепушкин Ф. Н. Досуги сельского жителя. Изд. 2-е, дополн. Ч. II. Новые стихотворения. СПб., 1828, с. VIII. В рецензии на эту книгу в «Северной пчеле» (1828, № 49) было еще раз приведено высказывание Федорова. Таким образом, в русской печати 1827—1828 гг. было трижды указано на причастность Пушкина к созданию «Коня и домового». К сожалению, не

Наблюдение Морозова было повторено и развито С. А. Венгеровым, который в своем издании попытался установить текст «Всем красны...», максимально «близкий к подлиннику». Внесенные им изменения касались главным образом начальных строк стихотворения. Стремясь к буквальной передаче рукописи, Венгеров по существу предложил транскрипцию черновика, лишенную внутреннего смысла. Помещение стихотворения в разделе «Отрывки и наброски» также явилось повторением текстологических решений предшественников Венгерова.⁸

Изучение пушкинского черновика привело В. Я. Брюсова к мысли, что «Всем красны боярские конюшни» представляют собою «законченное, но не обработанное стихотворение».⁹ Для подкрепления этой мысли Брюсов произвел ряд произвольных редакторских перестановок в тексте стихотворения, придающих ему вполне законченный вид. На ошибочность этой позиции справедливо указал Б. В. Томашевский. Тщательно изучив рукопись стихотворения, исследователь значительно уточнил последовательность работы Пушкина над текстом, осмыслил его как художественное целое, исправил ошибки и неточности прежних публикаций.¹⁰ В итоге был дан исправный, научно достоверный текст стихотворения, вошедший затем во все последующие издания Пушкина. В своей статье Б. В. Томашевский предложил и новую датировку этого произведения. Обратившись к рабочей тетради (№ 836), в которой находится черновик «Всем красны боярские конюшни», исследователь обратил внимание на записи, непосредственно предшествующие стихотворению (черновики XLIV, XLVI, XLIX и I строф седьмой главы «Евгения Онегина»),¹¹ датированные концом 1828 г. На этом основании он приурочил его со-

---

сохранилось никаких сведений о том, как оценил Пушкин басню Слепушкина. Известные из писем Пушкина отзывы о произведениях поэта-крестьянина относятся к ранним его произведениям («Имба», «Святочное гадание», «Сельская масленица»), напечатанным в первом издании «Досугов сельского жителя» (СПб., 1826). В библиотеке Пушкина сохранилось второе издание этой книги, см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, № 358.

⁸ Пушкин. [Соч.]. Под ред. С. А. Венгерова. Т. IV. СПб., 1910, с. XI. К этой датировке присоединился и П. О. Морозов (см.: Пушкин. Соч., т. IV. Пг., Изд. Акад. наук, 1916, с. 404—405).

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. со сводом вариантов и объяснительными примеч. в 3-х томах и 6-ти частях. Ред., вступит. статья и примеч. В. Брюсова. Т. I, ч. 1. М., 1919, с. 287.

¹⁰ Томашевский Б. В. Генезис «Песен западных славян», с. 35—45.

¹¹ Прямая пагинация «третьей масонской тетради» открывается стихотворением «С португальского», приблизительно датированным 1825 г. Тетрадь содержит беловую редакцию «Цыган» (л. 3 об.—16 об.), которая была в основном завершена поэтом к 10 октября 1824 г. (см. л. 12 об.). На л. 20 об.—28 об. находится черновой автограф I главы «Арапа Петра Великого», начатого, как известно, 31 июля 1827 г. в Михайловском, который перемежается с отдельными строфами седьмой главы «Евгения Онегина», работа над которыми также была начата в Михайловском осенью 1827 г. (л. 20, 21 об., 22, 23—23 об., 26, 29 об.). Далее, на л. 30 об., 31—31 об.,

здание ко времени окончания седьмой главы, считая, что Пушкин передал Слепушкину сюжет еще не написанного произведения, а затем, ознакомившись с басней «Конь и домовая» и не удовлетворившись ею, написал свое стихотворение.

Новое обращение к рукописям Пушкина, предпринятое в связи с изданием полного академического собрания сочинений Пушкина, не подтвердило эту гипотезу. «Всею красны боярские конюшни» оказались хронологически связанными с другими записями в рабочей тетради поэта, которые делались с другого конца этой тетради (в обратной пагинации).¹²

В этой части «третьей масонской тетради» сосредоточен большой «массив» (один из наиболее крупных у Пушкина) произведений и материалов фольклорного характера. На переплете (л. 1) находится черновик вступления к «Руслану» — «У лукоморья дуб зеленый», затем идут подряд записи народных сказок (сделанные в Михайловском еще в 1824 г., вероятно со слов Арины Родионовны), тексты народных песен о Стеньке Разине, черновики пятой главы «Евгения Онегина» (строфы XXII—XXX), которые прерываются стихотворением «Подруга дней моих суровых», а далее — знаменитый рисунок виселицы с пятью повешенными декабристами (и надписью «И я бы мог как шут ви...»), датировка которого колеблется в современных исследованиях от июля—августа 1826 г. (времени получения Пушкиным известия о казни декабристов, откликом на которое и является этот рисунок) до осени 1826 г. (когда Пушкин познакомился в Москве с Н. В. Путятой, подробно рассказавшим поэту о дне 13 июля 1826 г., свидетелем которого он был).¹³ Затем следуют записи прямой пагинации (черновик VI строфы седьмой главы «Евгения Онегина» и стихотворение «В роще карийской»). Далее расположены черновики произведений, записанных на листах обратной пагинации: л. 34 об. — «Из Alfieri», л. 34—33 об. — текст интересующего нас произведения.

Расположенный непосредственно в «гнезде» стихотворных набросков, написанных во время пребывания Пушкина в Михайлов-

---

следуют черновики упомянутых выше последних строф седьмой главы «Евгения Онегина», датируемые уже 1828 г., которые и дали основания Томашевскому приурочить создание «Всею красны...» также к 1828 г.

¹² При этом тетрадь была перевернута снизу вверх и листы обратной пагинации стали началом записей, идущих от конца тетради к ее середине. Эта часть тетради также по преимуществу заполнялась подряд. На л. 32—36 об. записи прямой и обратной пагинации как бы смыкаются, образуя собою контекст произведений, написанных во время пребывания Пушкина в Михайловском летом—осенью 1827 г. Произведения, расположенные на этих листах, по положению их в тетради обычно датируются именно этим временем. При указании на обратную пагинацию нами специально не оговаривается, что тетрадь при этом находится в перевернутом состоянии.

¹³ Петров А. Штрихи ложжились на бумагу... — Пушкинский праздник. Спец. выпуск «Литературной газеты» и «Литературной России», 1969, 30 мая—6 июня, с. 18.

ском (в августе—первой половине октября 1827 г.), автограф «Всем красны боярские конюшни» датируется по положению в рукописи. К сожалению, рабочая тетрадь № 836 не дает оснований для более точной датировки, так как в ней не содержится авторских указаний на время написания этого стихотворения. Ряд обстоятельств позволяет, однако, подкрепить данные, извлекаемые из рукописи.

Следует в этой связи еще раз вернуться к стихотворению Ф. Н. Слепушкина «Конь и домовой», точно датированному его автором (3 декабря 1827 г.). Авторские даты в стихотворениях Слепушкина функционально значимы: они обычно указывают на те или иные (важные для автора) поводы к их созданию. Датированы, например, стихи, связанные с приездом в село Рыбацкое, где жил поэт, различных его «благодетелей» (княгини Юсуповой, выкупившей его с семьей из крепостного состояния; семейства Б. М. Федорова, который постоянно оказывал покровительство поэту-крестьянину). Датами отмечены и другие, «чрезвычайные» события жизни Слепушкина, вызвавшие «стихи на случай» (получение подарков от «августейшей» фамилии, обмен посланиями с М. Сухановым, последователем и учеником Слепушкина). Дата «Коня и домового» — 3 декабря 1827 г. — также, по-видимому, подчеркивает особую важность этого сочинения, подсказанного самим Пушкиным. Написанию «Коня и домового» несомненно предшествовало личное общение поэтов.

Остается, однако, неизвестной точная дата их знакомства. В сохранившихся документах об этом нет прямых сведений. «Дневник» Б. М. Федорова за 1827—1828 гг. (важнейший источник информации этого рода) фиксирует не начало, а скорее всего продолжение этого знакомства. Такова, в частности, известная запись от 6 мая 1828 г. о разговоре с Пушкиным, который «собирается к Слепушкину в Рыбацкое с Мицкевичем».¹⁴ Еще в 1826 г., рекомендуя поэта-крестьянина читательской публике, Б. М. Федоров писал в предисловии к «Досугам сельского жителя»: «Проезжающие чрез Рыбацкую могут короче познакомиться с сим почтенным крестьянином». Добавим, что другой литературный опекун Слепушкина, П. П. Свиньин, «открывший» поэта-самородка, писал в своей статье «Прогулка в Шлиссельбург», что Слепушкин имеет в Рыбацком «собственный каменный дом» («на левой руке — едучи из Петербурга») и содержит лавку и постоялый двор для проезжающих.¹⁵ Рыбацкое, расположенное в 15 верстах от Петербурга, на Шлиссельбургской дороге, стало местом паломничества почитателей таланта «природного поэта» Слепушкина. Частым посетителем Рыбацкого был и Федоров. Судя по его «Дневнику», Федоров не был посредником в общении Слепуш-

¹⁴ Русский библиофил, 1911, № 5, с. 34—35.

¹⁵ Отечественные записки, 1823, ч. 13, № 33, с. 18.

кина с Пушкиным, иначе эти сведения отразились бы в его записях. В дошедшей до нас части «Дневника» Федорова (1827—1828) подробно отмечаются встречи и разговоры с Пушкиным. Знакомство и общение поэта со Слепушкиным не могло пройти незамеченным для Федорова, пристально следившего за литературной судьбой Слепушкина. Остается предположить, что при каких-то (неизвестных нам пока) обстоятельствах Пушкин виделся со Слепушкиным и, видимо, тогда же передал ему сюжет произведения о конюхе и домовом. Встреча эта состоялась после приезда Пушкина из Михайловского, не позднее самого начала декабря 1827 г. Творческая задача, предложенная им Слепушкину, была своего рода экспериментом: Пушкин искал пути приобщения русской поэзии к народному творчеству, и опыт поэта из народа мог подсказать ему новые художественные формы для литературной обработки заимствованных из фольклора сюжетов и тем.

2

Основу сюжета пушкинского стихотворения составляет народное поверье о домовом, популярнейшем персонаже русской народной мифологии. «Вера в домового, — указывается в современном исследовании, — была общераспространенной на Руси»; домовый предстал в этих верованиях как «близкий участник жизни крестьянина, покровитель его хозяйства, защитник его дома».¹⁶ В широко бытующих в народной среде рассказах о леших, русалках, домовых и проч. не только отражались демонологические представления народа, но и проявлялась специфичность его художественного мышления. «Рассказы о мифологических существах в силу своей занимательности пережили верование и продолжали бытовать наряду с преданиями, легендами и сказками как особый, своеобразный жанр фольклорной прозы», — отмечает Э. В. Померанцева, выделяя среди этих жанров «суеверные рассказы о сверхъестественных существах и явлениях» — былички («суеверные мемораты») и бывальщины («суеверные фабулаты»). Внутрижанровые границы такого рода суеверных рассказов довольно зыбки, однако бывальщина по своей структуре приближается к сказке, быличка — к короткому и динамическому рассказу.¹⁷

Пушкин, придав стихотворению форму рассказа старого конюха о домовом (который «повадился в конюшни»), сумел с максимальной близостью и достоверностью воспроизвести одно из интереснейших явлений русского фольклора — народный «меморат». Поэтому поиски фольклорного источника стихотворения «Всею красны боярские конюшни» ведут не в мир народной

¹⁶ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 93.

¹⁷ Там же, с. 5—6.

сказки,¹⁸ а в область народной русской мифологии, к жанрам «не-сказочного прозаического эпоса» (преданьям, быличкам, бывальщинам, представляющим собой разновидности народных «меморатов»). В своей книге «Народные истоки творчества Пушкина» Р. М. Волков указал на запись поверья о домовом, принадлежавшую В. И. Далю, и отметил в ней ряд совпадений с пушкинским стихотворением.¹⁹ Однако работа Даля «О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа» (СПб., 1898), из которой исследователь привел пространную выдержку, была издана много лет спустя после смерти Пушкина. В момент работы над стихотворением поэт не мог ее знать, и исходил он, конечно, из другого источника.

Мы располагаем записью этого поверья, сделанной значительно раньше и вне всякого сомнения известной Пушкину. В весьма популярной в конце XVIII—начале XIX в. книге М. Д. Чулкова «Словарь русских суеверий»²⁰ — одном из основных источников фольклорных сведений русских литераторов — специальная статья посвящена народным поверьям о домовом. О домовом в книге Чулкова сообщается следующее: «Суеверные люди говорят и даже твердо убеждены в том, что во всяком доме водится черт под именем домового, он ходит в доме по ночам в образе человека, и когда полюбит которую скотину, то оную всячески откармливает, а буде не полюбит, то скотина совсем похудеет и придется, что называется, не ко двору».²¹

Далее следует разъяснение, особенно важное в плане интересующего нас сопоставления с сюжетом пушкинского стихотворения. М. Д. Чулков пишет, что домового особенно привлекают лошади: «Говорят, что он любимым лошадям заплетает гривы в косы и подкладывает сено <...> но беда лошадям, не имеющим счастья пользоваться благоволением его; у них он расплетает и почти выдергивает всю гриву». Иногда же, как пишет Чулков, лошадь находят «всю в поту или в мыле».²² Текстуальные совпадения с чулковской записью народного поверья выявляются при описании Пушкиным (III, 73) проделок домового. «Повадившись» ходить по ночам в боярские конюшни, он

Чистит, холит коней боярских,
Заплетает гриву им в косички.

---

¹⁸ См., например: Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830), с. 525. Приводимое исследователем сопоставление стихотворения «Всем красны боярские конюшни» с балладой «Жених» (действительно основанной на мотивах народных сказок) представляется не вполне оправданным.

¹⁹ Волков Р. М. Народные истоки творчества А. С. Пушкина, с. 38.

²⁰ Чулков М. Д. Словарь русских суеверий. М., 1782. 2-е издание этой книги, под названием «Абевега русских суеверий» (М., 1786), сохранилось в библиотеке Пушкина, постоянно пользовавшегося книгой в своей работе (см.: Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, № 418).

²¹ Чулков М. Д. Словарь русских суеверий, с. 157.

²² Там же.

В особенности близок Пушкин к тексту Чулкова в изображении «воронного», которого «не взлюбил» домовой:

Конь не тих, весь в мыле, жаром пышет,
С морды кашлет кровавая пена.

Таким образом, есть основания утверждать, что в работе над своим стихотворением Пушкин обращался к «Словарю русских суеверий» Чулкова, исполняя его как один из источников для воссоздания «простонародного» колорита. Однако ни в записи Чулкова, ни у Даля (располагавшего несомненно более широким кругом фольклорных сведений) мы не найдем буквального совпадения с сюжетом пушкинского произведения. Вместе с тем весьма существенным оказывается попутное, брошенное вскользь замечание Даля, что поверия о проделках домового в конюшнях нередко оказываются «ложными» («мошенническими») и «служат в пользу кучеров». ²³ На мотиве обмана молодым конюхом старого («Ах, ты, старый конюх неразумный, Разгадаешь ли, старый, загадку? Полюбил красну девку младой конюх») (III, 74) держится сюжетное развитие стихотворения «Всем красны боярские конюшни». Естественно предположить, что Пушкину были известны такого рода рассказы (бывальщины или былички), на которые глухо намекает Даль, не знавший пушкинского стихотворения о конюхе и домовом, но знакомый с бытованием «ложных поверий» в народной среде. Живя в Михайловском, мог близко познакомиться с ними и Пушкин. Дополнив народный рассказ сведениями, почерпнутыми у Чулкова, поэт сделал его основой своей «простонародной баллады». В структуре «Всем красны боярские конюшни» отчетливо проступают признаки именно этой жанровой формы русской поэзии. Необходимо напомнить, что народная фантастика в целом и демонология в особенности («суеверия» — по терминологии пушкинской поры) оказывались в начале XIX в. той почвой, на которой шло развитие жанра русской баллады («Леший» П. А. Катенина, «Светлана» Жуковского, «Домовой» Д. В. Веневитинова). Баллада Веневитинова, представляя собою тематическую параллель к пушкинскому стихотворению, дает любопытный пример литературной стилизации в «простонародном духе», в целом несвойственной Веневитинову, но весьма популярной в русской поэзии 20-х годов, стремившейся преодолеть условные формы фольклоризма путем усвоения образно-стилистических средств народной лирической песни. Развитие русской баллады, подчиняясь этой закономерности, получившей отражение и в стилистике «Домового» Веневитинова, протекало, однако, своеобразно. Для романтической баллады были характерны обращение к сфере народной жизни, поэтизация народных обрядов («Светлана» Жуковского), вторжение в стихию «простонародности» («Убийца» Катенина). Веневитинов в своем «Домовом» зависит в известной

²³ Даль В. И. О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа. СПб., 1898, с. 300—301.

мере от традиции Жуковского (в нем, например, звучат интонации гетевского «Лесного царя» в переводе Жуковского, с характерным для этой баллады нагнетением тревоги и смешением планов — реального и фантастического). Но, как и в «Убийце» Катерина, действие в «Домовом» разворачивается в крестьянской среде с ее особым жизненным укладом, да и самому народному поверью дается здесь не традиционно-романтическая (фантастическая) разработка, а бытовая, психологическая, вследствие чего происходит весьма существенный функциональный сдвиг: домовый в балладе Веневитинова оказывается фикцией, прикрывающей вполне реальные события в жизни героини. Тревога и волнение Параша, пронизывающие ее диалог с матерью, конечно, вызваны не страхом перед появлением домового, а связаны с ожиданием тайного свидания с возлюбленным. На такой сюжетный поворот, безусловно, намекал Веневитинов, просивший брата «не показывать этой пьески в дамском обществе».²⁴

Итак, перед нами еще один случай обращения поэта к «ложному поверью». Возникает вопрос, мог ли Пушкин в период работы над своим произведением знать балладу Веневитинова, опубликованную уже после смерти автора, в собрании сочинений 1829 г.? Для ответа на него необходимо обратиться к обстоятельствам, сопутствующим созданию баллады, о которых С. Шпицер, пользовавшийся неизданными материалами о Веневитинове, сохранившимися «в бумагах, принадлежавших А. П. Пятковскому», писал: «К святкам поэт послал в Москву своему брату „Домового“, но тут же пожалел, что сделал это, ибо в названной поэмке сквозит шаловливая скабрёзность».²⁵ Следовательно, написанная в Петербурге еще в 1826 г. и посланная в Москву брату, А. В. Веневитинову, баллада «Домовой» могла быть известной там уже в самом начале 1827 г. В это же время жил в Москве и Пушкин, активно общавшийся с кругом «Московского вестника», т. е. с ближайшими друзьями братьев Веневитиновых. Баллада, не совсем подходившая для чтения в «дамском обществе», вполне могла быть прочитана в кругу близких друзей Веневитинова, куда в эти годы входил и Пушкин, как известно, часто посещавший дом Веневитиновых. Таким образом, можно полагать, что Пушкин (явно интересовавшийся деятельностью Веневитинова) познакомился с балладой «Домовой» еще задолго до ее появления в печати.

Что же это дает для понимания творческой истории стихотворения «Все красны боярские конюшни»?

Мы далеки от мысли считать «Домового» источником пушкинского стихотворения, сюжетное развитие которого отличается самостоятельностью и не имеет прямых аналогий в балладе Веневитинова. Важно, однако, учитывать, что Веневитинов в своем сти-

²⁴ Пятковский А. П. Биографический очерк. — В кн.: Веневитинов Д. В. Полн. собр. соч. СПб., 1862, с. 23.

²⁵ Голос минувшего, 1914, № 1, с. 272—273.

хотворном опыте, связанном с русским фольклором, нащупал тот особый поворот поверья о домовом, который позднее лег в основу пушкинской баллады. И в этом плане сближение произведений вполне оправданно. Вместе с тем анализ содержания «Всем красны боярские конюшни» неоспоримо свидетельствует о том, что Пушкин оказался несравнимо ближе к народному поверью о домовом, чем Веневитинов, во многом «сочинивший» сюжет своей баллады.²⁶

Пушкин находит сюжет в народном «меморате» и организует его по законам балладного жанра, придавая повествованию диалогический характер и насыщая его атмосферой таинственности. В стихотворении мастерски используется прием неожиданного сюжетного хода, позволяющий поэту передать внутреннюю динамику своего замысла — поэтически воспроизвести народное поверье и вместе с тем оценить его в нормах народной этики. В балладе тонко фиксируются оттенки различных настроений. Финал придает всему повествованию шутливый характер.

Соприкоснувшись с миром мифологических представлений народа, Пушкин в своем стихотворении искал органического слияния народного содержания с соответствующей ему формой. Он стремился придать балладе характерные приметы повествования («простонародном духе», прибегнув к сказу, стилизации под старину («красны боярские конюшни»). Поэт использует стихотворный размер, близкий к народной метрике. Баллада «Всем красны боярские конюшни», созданная в преддверьи «Песен западных славян», представляет один из первых у Пушкина опытов использования ритмики народного русского стиха (который поэт истолковывает в духе теории Востокова) в литературном творчестве.²⁷ Художественные поиски шли в направлении постижения духа и форм народного искусства, и поэту, казалось, вполне удалось достигнуть их синтеза в этой балладе. Сюжетно завершенное стихотворение осталось, однако, стилистически до конца не обработанным. Пушкин больше к нему не вернулся и никогда не

---

²⁶ Следует, однако, отметить, что «Домовой» Веневитинова оказывается близким к сюжету народной баллады «Королева выпускает молодца в город» (см.: Народные баллады. Л., 1962, с. 81—82). Эта баллада стала известной позднее, в начале 30-х годов когда П. В. Киреевский приступил к работе над собранием народных песен. Ее текст записан в с. Языкове, вероятно поэтом Н. М. Языковым. В своем письме к последнему Киреевский писал: «Да не случится ли тебе где-нибудь встретить объяснение следующим песням, которые и по складу и по содержанию должны быть о чем-то древнем <...> Какая-то прекрасная Елена, дочь королевская, выпускает ночью любовника в свой высок терем; мать услышала ее слова и спрашивает, кого она называет милым другом? А Елена выпутывается тем, что будто бы она видела во сне ее (т. е. мать) и во сне ее так называла» (Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. — Известия АН СССР, 1935, № 2, с. 133—134).

²⁷ Анализ особенностей метрики и ритма этого стихотворения, данный Томашевским в статье «Генезис „Песен западных славян“» (с. 43), избавляет от необходимости останавливаться более подробно на этом вопросе.

использовал его в своей дальнейшей работе. Не столь уж редкий в творческой практике Пушкина случай оставления замысла на стадии его первоначального воплощения требует все же объяснения. Можно предположить, что баллада «Всем красны боярские конюшни» осталась для поэта произведением, в известной мере экспериментальным. Стремясь к созданию «русской баллады», отмеченной подлинной народностью, Пушкин отказался от стилизации под «простонародность», признаки которой ощущаются в старинном «слоге» и экзотической красочности «Всем красны боярские конюшни». В большей степени духом народности пронизана вполне литературная (а не народно-поэтическая) по форме баллада «Утопленик» (1828).

Факт передачи сюжета «Всем красны боярские конюшни» Ф. Н. Слепушкину характеризует намерение Пушкина отказаться от продолжения работы над своим стихотворением. Вместе с тем Пушкина, по-видимому, интересовало, в какой мере ему удалось проникнуть в мир «простонародности». Творческая задача, предложенная поэту-крестьянину, должна была подсказать Пушкину новые пути постижения стихии «простонародности». Однако этого не произошло. Пушкинский сюжет о конюхе и домовом Слепушкин обработал в форме притчи со свойственной этому жанру дидактикой и морализированием. Сличение двух произведений на один и тот же сюжет показывает, что Пушкин, по-видимому, подробно ознакомил Слепушкина со своим замыслом. К Пушкину восходит, например, и такая художественная деталь, как «кровая пена» при описании вороного.

Подробно развитый Слепушкиным разговор конюха с ворожеей (кумом) у Пушкина также намечен. Характерно, что Якушкин, не упоминая о Слепушкине, предположил, что вторая часть пушкинской баллады представляет собою разговор старого конюха с «ворожеей». Если в стихотворении Пушкина поверье о домовом раскрывает двойственность народного сознания, сочетающего наивную веру в «чудеса» с здравым смыслом и простодушным юмором, то в интерпретации Слепушкина оно полностью подчиняется целям «назидания». Стихотворение заключается моралью:

Поныне тоже говорят,
Случится ль где такое чудо,
Коню от домового худо,
А смотришь — конюх виноват.²⁸

В своеобразном творческом состязании с поэтом из народа Пушкин оказался несоизмеримо ближе к подлинной народности, чем Слепушкин. Так народное поверье о домовом дало жизнь замечательной балладе Пушкина, открывшей новые пути в освоении русской литературой сокровищ народной поэзии.

---

²⁸ Слепушкин Ф. Н. Досуги сельского жителя, ч. II. СПб., 1828, с. 51.

И. Г. ЯМПОЛЬСКИЙ

НЕИЗДАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПИСЬМА А. Н. МАЙКОВА О ПУШКИНЕ

На протяжении более чем полувека Пушкин был для А. Н. Майкова своего рода путевой звездой, воплощением подлинного искусства и поэтического гения.

Правда, Пушкин вошел в его сознание не сразу. В детстве и отрочестве главное влияние оказали на него Державин и Ломоносов, а затем Батюшков. «Обращаясь к моему детству, — писал он сыновьям 26 декабря 1891 г., — я припоминаю — какие были книги стихов, которые я тогда читал? И ответ вот какой: одна книга — это тогдашняя хрестоматия, составленная Гречем в 1820 году, из Пушкина там только отрывок из „Руслана и Людмилы“ в отделе эпической поэзии, а главное место занимают Державин и Ломоносов.¹ Другая — сочинения Батюшкова — это когда мне было 13, 14, 15 лет; Пушкина вкусил уже по 16-му году, а из него главное привлекали меня творения самой последней эпохи («Чертог сиял, гремели хоры» и пр.), под влиянием коей я написал тогда, в 1-м курсе, „Венеру Медицейскую“, а рядом с нею „Гнев божий“ — Державинского духа,² а за сим антологические по урокам Батюшкова».³

¹ Речь идет об издании: Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории русской словесности, изданные Николаем Гречем. СПб., 1819—1822. Майков имеет в виду часть 3-ю, вышедшую в 1820 г.

² А. В. Никитенко, с одобрением относившийся к первым поэтическим опытам Майкова, прочитал «Венеру Медицейскую» и «Гнев божий» весной 1838 г. своим слушателям — студентам-юристам на одной из первых лекций по русской словесности (Юбилей А. Н. Майкова. — Исторический вестник, 1888, № 6, с. 689). «Венера Медицейская» вошла в рукописный альманах Майковых «Лунные ночи» (1839); напечатана в сборнике Майкова «Стихотворения» (1842). «Гнев божий» напечатан не был; автограф с датой «1837» см.: ИРЛИ, ф. 168, № 16473, л. 3—4; здесь же (л. 5—7) и «Венера Медицейская», с неверной датой: «1839». «В 1-м курсе» — в 1837/38 учебном году.

³ ИРЛИ, ф. 168, № 17892г, л. 204 об.

Через три года Майков снова писал: «Мое первое initiation⁴ было сделано Державиным и Ломоносовым и Батюшковым. Пушкин (и притом не автор байронических поэм, а зрелый Пушкин) лег на эту почву».⁵ Роль Батюшкова в формировании своего таланта Майков подчеркнул и несколько раньше, еще в 1880-е годы, в письме к брату поэта — П. Н. Батюшкову: в юные годы стихи Батюшкова «имели главное и решающее влияние на образование моего слуха и стиха. Пушкинское влияние уже легло на эту почву».⁶

В таком пути своего развития, в том, что «державинский строй» языка «вошел элементом в то *свое*, что все-таки, кажется, выработалось»,⁷ Майков видел характерную черту своей поэтической индивидуальности и известное преимущество: «Этого языка уж нет ни у кого <...> Ни мои собратья, Фет и Полонский, никто из нынешних его не имеют. А отчего? Все они воспитывались *только* на Пушкине».⁸ Однако эти замечания несколько ни умаляли в его глазах ни огромного исторического значения, ни гения Пушкина.

В 1855 г. в ответ на полную голословных обвинений и нападок статью о Пушкине Ксенофонта Полевого, напечатанную в «Северной пчеле» Булгарина, Майков пишет стихотворение «Над прахом гения свершать святыю тризну...» (впервые появилось в «Современнике» Некрасова под заглавием «Отрывок из поэмы „Земная комедия“» и с подзаголовком «Памяти Пушкина»), в котором Майков обличал «старого клеветника».⁹ Кончается стихотворение такими строками:

На холм могильный стал кидать он комя грязи;
Народ, схватив его, готов был растерзать,
Но Вождь мой удержал: «Ваш гнев певца обидит, —
Сказал. — Стекайтесь, как прежде, совершать
Поминки над певцом и гроб его венчать,
А сей несчастный — пусть живет и видит!».

К 1870-м годам относятся стихотворение «Ваятелю» с подзаголовком «Что должен выразить памятник Пушкину» («Вообрази ты в нем поэта, Чтоб в царстве мысли был он царь...») и строки о Пушкине в поэме «Княжна»; к 1880-м — стихотворения «Пушкину» («Русь собирали и крепили...»), написанное в связи с открытием памятника в Москве, и «О царство вечной юности...», где в ряду «светлых гениев» — Лизиппа и

⁴ посвящение (*франц.*)

⁵ ИРЛИ, ф. 168, № 17892ж, л. 63 (письмо от 18 октября 1894 г.).

⁶ Константин Николаевич Батюшков. — Русская старина, 1887, № 11, с. 561.

⁷ ИРЛИ, ф. 168, № 17892г, л. 204 об.

⁸ Там же, № 17892ж, л. 63.

⁹ Об этом стихотворении Майкова см. в книге М. П. Алексеева «Стихотворение Пушкина „Я памятник себе воздвиг...“. Проблемы его изучения» (Л., 1967, с. 34—39), где указаны скрытые цитаты из «Памятника» Пушкина. По первоначальному замыслу стихотворение должно было входить в поэму «Земная комедия», впоследствии получившую заглавие «Сны», а поэма «Сны» в черновой редакции имеет следующее посвящение: «Суровому Данту гению его вдохновенный труд посвящает автор» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, с. 43). «Суровый Дант» — опять-таки цитата из Пушкина (стихотворение «Сонет»).

Праксителя, Рафаэля и Моцарта — назван и Пушкин, «святая лира» и «кристальный стих» которого являются откровениями «из царства вечной юности и вечной красоты». Свообразным итогом майковского восприятия великого русского поэта было стихотворение «Перечитывая Пушкина»:

Его стихи читая — точно я
Переживаю некий мир чудесный:
Как будто надо мной гармонии небесной
Вдруг понеслась нежданная струя. . .

Нездешними мне кажутся их звуки:
Как бы, вливаясь в его бессмертный стих,
Земное все — восторги, страсти, муки —
В небесное преобразилось в них!

В архиве А. Н. Майкова в Рукописном отделе ИРЛИ сохранилось немало других материалов, характеризующих его отношение к личности и творчеству Пушкина. Это — неизвестные до сих пор стихотворения и письма Майкова. Разумеется, все они носят на себе отпечаток его собственных общественных и литературных взглядов и симпатий. Но для понимания восприятия и истолкования Пушкина в разных кругах русской интеллигенции они представляют бесспорный интерес.

1

Публикуемые ниже стихотворения Майкова разделены четвертью века. Послание к Анненкову написано в декабре 1855 г. в связи с завершением собрания сочинений Пушкина под его редакцией. Оно не было окончательно отделано и осталось ненапечатанным. Второе стихотворение относится к 1880 г. Оно написано по тому же поводу (открытие памятника Пушкину в Москве), что и стихотворение «Пушкину» («Русь собирали и скрепляли. . .»), тогда же появившееся в печати, и притом тем же размером — четырехстопным хореем. Не исключено, что «Русь собирали и скрепляли. . .» и «Меж пяти морей российских. . .» являются частями какого-то общего неосуществленного замысла.

«П. В.» АННЕНКОВУ

В уединеньи кабинета,
Черту собирая за чертой,
Изваял верною рукой
Ты образ нашего поэта.
Мы собрались у пьедестала.
Ты, как ваятель, покрывало
С статуи сдернул: весь он тут —
В беседе с Музой, в вихре света,
В борьбе с трудом, в борьбе с судьбой, —
Все, что хранило след поэта,
Сбережено теперь тобой. . .
В черту я каждую вникаю
И вдруг смущаюсь и в слезах

О камни лиру разбиваю...
Как недостойную, во прах.
Наш стих напитан желчи ядом,
И наши песни возле строф
Граненых пушкинских стихов,
Как пред пустынным водопадом
Жужжанье мелких комаров.
Из нас немногие, случайно,
В какой-то непонятный миг
Из сердца вырывали тайны
И обрели богов язык...
Все тщились временным явлениям
Из бронзы формы отлить,
Чтоб самому с ожесточеньем
Потом в куски их разбивать.
О, время есть еще отречься
От мира с страстной суетой
И равнодушия броней
Неуязвимою облечься,
Чтоб хоть юнейшим дать шагнуть
На вновь заросший ныне путь,
Что нам прокладывал учитель,
И чистый ключ, где черпал он,
Как дева прост и умирен
Со всем живым, как небожитель.
Еще есть время — мир глушцов,
Забыл он мудрости веков.

Сбоку приписаны еще восемь строк:

В себе свой дух сосредоточить
И страсти покорить уму —
Чтоб основания упрочить
Навек созданию своему,
Переначать на полдороге
Всю жизнь, подъяв свободный труд.
Ох, страшно: траурные дроги,
Быть может, многих нас уж ждут.

Внизу дата: «25 дек⟨абря⟩ 1855».

Место этих строк в стихотворении не вполне ясно. Маловероятно, что это — продолжение приведенного выше текста. Скорее всего перед нами вариант последних восьми строк, но Майков не сделал окончательного выбора, не зачеркнул прежних и не завершил работу над стихотворением.

Черновой автограф: ф. 168, № 16488, л. 42.

ПУШКИН

Меж пяти морей российских
Торжество во всех сердцах:
Появился светлый гений
В проясневших небесах,

Появился чудный вестник
С звонкой лирою в руке,
В светлой эллинской одежде,
В свежем розовом венке.

Меж пяти морей российских
Звуки лир — ему привет
Всех певцов и на рассвете
И на склоне славных лет...

Он летит и всех чарует
Чудной ясностью лица;
Звуки падают волнами
С высоты во все сердца...

Отчего ж такая радость,
Отчего восторг живой?
Отчего ж и клик и слезы,
Гул над целою страной?

Ах, чарующая сила
В этом вестнике небес,
От его чудесных песен
Точно мрак густой исчез,

Точно с глаз завеса спала,
Точно мир зацвел кругом,
Все свою сказало тайну
Всем понятным языком,

И с раскрытьем этой тайны
Наступает новый век,
И прекрасное впервые
Постигает человек.

Автограф: ф. 168, № 17574. Над второй строкой — слова «Ликование в» (т. е. предположительный вариант: «Ликование в сердцах»). На автографе помета: «№ 1516 — „Новое время“. 1-я статья о Пушкине». Она отсылает к серии статей С. И. Пономарева (под псевдонимом «Украинец») «Памяти Пушкина», в которых дан обзор обращенных к Пушкину стихотворений и отзывов о нем русских поэтов. Другой (черновой) автограф, озаглавленный «К празднику Пушкина»: ф. 168, № 16487, л. 72.

2

Большая часть публикуемых нами писем Майкова относится к торжествам 1880 г., связанным с открытием памятника Пушкину в Москве. Как известно, наряду с общим энтузиазмом на празднествах обнаружились острые разногласия. Они отчетливо отразились и в письмах Майкова, стоявшего на консервативных позициях и с нетерпимостью относившегося к своим идейным противникам. В какой-то мере к нему можно применить

то, что он сам сказал о некоторых речах: что в них «выяснялся не столько Пушкин, сколько сам говоривший». Это относится прежде всего к весьма прямолинейной и тенденциозной характеристике политических взглядов Пушкина.

Вместе с тем и в этих и в других письмах Майков высказывает ряд метких суждений. Укажу, например, на его прозорливую для своего времени оценку статей, заметок и отрывков Пушкина, которым большинство современников Майкова не придавало большого значения.

Следует внести поправку в утверждение Л. Р. Ланского, что Майков в письмах к жене 1880 г. умолчал о речи Достоевского (Литературное наследство, т. 86. М., 1973, с. 509). Не только не умолчал, но восторженно отзывался о ней. По-видимому, эти письма были неизвестны Л. Р. Ланскому.

С. А. ЮРЬЕВУ

〈Начало мая 1880〉.

Искр^{енне} благодарю Вас, что вспомнили обо мне. К крайнему сожалению, однако, я не могу явиться на праздник Пушкина.¹ Одолели болезни: почти безнадежная болезнь матери;² к тому же надо отправлять сына в Аренсбург,³ не говорю уж о своем расстроенном здоровье, требующем бережения и полного спокойствия.⁴ Я буду издали радоваться за учителя. Нет, не учителя, а больше. Это широкая река светлых вод, текущих по возвышенной стране, и вдруг разбившаяся в изменности на множество ручьев и речек — один из этих ручейков и во мне — и вся забота в том, чтобы сохранить чистоту доставшейся струи... Мы, т. е. писатели, которые отроками застали Пушкина в живых, пившие прямо из светлых вод его, мы не можем анализировать поэзии П^{ку}шкина». Она для нас нечто целое, священное, законченное. Для нас «нет иной красоты, кроме пушкинской». Но текли годы и события, изменялись поколения, воздвигались и рушились новые кумиры, преподавались новые законы эстетики — доходили даже до опытов развенчания П^{ку}шкина». ⁵ Все это б^ыли преходящие облака, застилавшие ясное небо... И теперь <нрзб.> тучи. Новые поколения «открывают П^{ку}шкина». Да, другие времена и люди — они как бы открывают великий Нил, великую реку и исследуют ее — одни ее начало, другие первую половину (байроническую), третьи в деревне — народность, — но не все еще поняли последнюю часть — она еще даже ученым не открыта, об ней они не любят говорить, называя ее с сожалением эпохой «Бориса Годунова» и «Клеветникам России», аристократическим периодом. Но эти ученые еще сами не доросли до этого понимания. Мы ведь понимаем в писателе только то, что *можем*, по мере сил каждый, понять. Они в народе схватили только его бытовую сторону, пожалуй, даже поняли кое-что в душе народной, — но не поняли зна-

чения государства для народа, не поняли того, сколько труда, жертв, всеобщего закрепощения личности принес этот народ, чтобы сковать себе эту броню — государство, которое для народов есть то же, что для черепахи ее броня. А у нас без физических границ, без гор, на равнине центр должен быть создан только идеальный — идея царя, и притом освященная религией, царя, помазанника божия, как Саул, Давид. И вот в этом создании — величие духа народного, по падении Константинополя Русь почувствовала и сказала: два Рима пали, 3-й стоит, 4-му не быть⁶ — и напрягла все силы и принесла всевозможные личные жертвы и создала этому третьему Риму — охранителю и поборнику православия — крепкую броню русского государства. Это понимал Пушкин — и это выразил не в 4-й эпохе своей деятельности, а и раньше, но это еще не поняли его исследователи, которые смотрят на этот 4-й период его как на падение. Вообще деление на 4 периода — глупо; периода два: первый — лицей, французы и их principes, байронизм и высылка на юг, второй — пребывание в деревне, в Михайловском и работа над «Борисом Годуновым», а главное над его источниками, вот что сделало полный переворот в Пушкине, а не нянька; нянька сеяла, когда ему было 3, 4, 5, 6, 7... лет; в Михайловском он к ней относился как филолог, ловя «зверушку» и другие словечки,⁷ учась складу и пр. А стих «читаю только старой няне»⁸ только дураками может быть принят буквально: что она могла понять в «Онегине», да и в «Годунове», в «Полтаве», в «Дон Жуане».⁹ Это просто — краска, а не «свидетельство самого поэта». Созрев над этими источниками, он предстал и перед государем Николаем Павловичем, и тот назвал его умнейшим человеком в России,¹⁰ конечно за его понятия о России, а эти понятия вынес Пушкин из историков. Тут он сошелся с Погодиным, и их единогласие полное в понимании русской истории. И понимание России Пушкиным проверяй Погодиным.¹¹ Посмотрю — на юбилей съедется много народу, напишется, наскажется много. Любопытно, скажет ли кто-нибудь из того, что мною намечено. Посмотрю, уяснит ли себе обстоятельство, о котором я говорил (о 4-х периодах), и тем завершит освещение великого образа поэта; и окажется тогда, что его кажущиеся недостатки суть, напротив, достоинства и свидетельствуют, что исследователи еще не дошли сами до высоты его понимания России.

Черновой автограф (без указания адресата): ф. 168, № 16487, л. 132. Несколько строк опубликовано в кн.: Майков А. Н. Избр. произв. Л., 1977, с. 839.

Юрьев Сергей Андреевич (1821—1888) — театральный критик, переводчик, журналист; в 1871—1872 гг. редактор журнала «Беседа», в 1880—1885 гг. редактор журнала «Русская мысль»; председатель Общества любителей русской словесности. Письмо С. А. Юрьеву не было отправлено. Черновик более позднего письма (ф. 168, № 16697) начинается словами: «Милостивый государь Сергей Андреевич! Медлил я ответом на Ваше любезное предложение от имени Общества любителей российской сло-

вности». Майков пишет, что еще колеблется, хотя его домашние и побуждают его ехать. Это письмо чисто деловое, и рассуждений о Пушкине в нем нет.

В первых числах мая 1880 г. Юрьев писал по тому же поводу Достоевскому (Достоевский Ф. М. Письма, т. 4. М., 1959, с. 412), Островскому (Неизданные письма к А. Н. Островскому. М.—Л., 1932, с. 643—645), Салтыкову (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч., т. 19, кн. 1. М., 1978, с. 145—146), Писемскому (Писемский А. Ф. Письма. М.—Л., 1936, с. 467) и др.

¹ Впоследствии Майков изменил свое решение и принял участие в торжествах по поводу открытия памятника Пушкину.

² Мать Майкова, Евгения Петровна, урожд. Гусятникова (1803—1880), тоже писательница (поэтесса и прозаик), скоро после этого (19 июля 1880 г.) скончалась.

³ Городок Аренсбург на острове Эзель (Сарема) славился своими лечебными грязями и морскими купаниями. Туда поехала жена Майкова с сыном Аполлоном.

⁴ «У меня болезнь печени и сердца», — писал Майков Юрьеву позже.

⁵ Имеется в виду критика 1860-х годов, в первую очередь Д. И. Писарев.

⁶ Идея Москвы — третьего Рима была сформулирована в первой половине XVI в. старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем в послании к великому князю Василию Ивановичу. Два мировых царства — Рим и Византия — пали, носителем и хранителем подлинной веры осталось русское царство: «два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти, уже твое христианское царство инем не останется». В «Рассказах из русской истории» Майкова одна из глав так и называется: «Москва — третий Рим» (Заря, 1869, № 8, с. 13—21).

⁷ «Зверушка» — из записи сказки, сделанной Пушкиным со слов Арины Родионовны в 1824 г. и послужившей основой для «Сказки о царе Салтане» (Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 406). Эта запись была известна Майкову по «Материалам для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова (Соч. Пушкина, т. 1. СПб., 1855, с. 437—438), где появилась впервые. В ней имеются следующие слова: «царица разрешилась не мышью, не лягушкой, неведомой зверушкой». Ср. в сказке Пушкина: «Родила царица в ночь Не то сына, не то дочь; Не мышонка, не лягушку, А неведому зверушку».

⁸ «Евгений Онегин», гл. 4, строфа XXXV.

⁹ Т. е. в «Каменном госте».

¹⁰ Николай I назвал Пушкина «умнейшим человеком в России» в разговоре с Д. Н. Блудовым сразу после встречи с поэтом в Москве 8 сентября 1826 г. (примечание П. Бартерева к воспоминаниям М. П. Погодина о Пушкине, см.: Русский архив, 1865, с. 96). Но ограничившись одним этим фактом, Майков рисует отношение царя к Пушкину, имевшее столь тяжелые и трагические последствия, в идиллических красках.

¹¹ Утверждение Майкова весьма односторонне. Близкие отношения Пушкина с Погодиным относятся к концу 1820-х—началу 1830-х годов, хотя и тогда у них были существенные разногласия (см.: Тойбин И. М. Пушкин и Погодин. — Учен. зап. Курского пед. ин-та, 1956, вып. 5, с. 70—122). Позднее антагонизм их социально-исторических и литературных взглядов обнаруживается все более, и их общение приобретает случайный характер.

8 июня 1880.

...Вчера, т. е. 7-го, я, слава богу, кончил свою роль, т. е. на заседании Любителей¹ в зале Дворянского собрания, прочел свои стихи,² которые были назначены на сегодня, но вышло лучше, освободился днем раньше <...> Завтра же надеюсь выехать в Петербург. Наслушался столько красноречия, тостов, кликов, кроме того излияний сердечных уважения и пр. и пр., съел два обеда, из которых на одном ел осетров, видел представление «Тангейзера» под открытым небом, все оперное шествие в виду Страстного монастыря и памятника Пушкина — изо всего этого лучше всего были обеды. Недурны были некоторые речи, впрочем в речах высаялся не столько Пушкин, сколько говоривший, а это, знаете, иногда неинтересно. Что касается, однако, до главного, т. е. до действия на площади, то тотчас после митрополичьего служения с удивительными певчими перескочить в театр, — признаюсь, душа моя смеялась, и мне было за Пушкина совестно. Я отошел в сторонку. Нет, нет, нет, не в нашем характере все эти подражания фрейнам со значками, всякие Общества, в том числе, например, акклиматизации животных. Могло быть и Общество ассенизации и пр. Я никому не сказал и не показал своего впечатления — все хотели находить всё прекрасно и торжественно, и пускай! Уверяли себя даже, что это народ ставит монумент, разумея мужика. Но этот вопрос часто обсуждали, и когда был предложен мне, я отвечал: ценит и знает Пушкина в России тот, кто его читал; кто же не читал, не может ни знать, ни ценить. Такое воззрение не нравится, ибо, говорят, не вяжется со словом *народный* поэт. Даже Тургенев проврался в своей речи на этот счет. Он сказал, что Пушкин выразил в своей поэзии все свойства русского народа и тем отличается от поэтов других стран, — и заключает, что он не народный поэт, тогда как должно бы было вывести совершенно обратное заключение, ибо народность писателя в *духе* его личности, а не в числе и качестве его читателей.³ Впрочем, все это вздор. Лучшее всего — это статья Каткова в особом прибавлении к «Московским ведомостям»⁴ <...> Сегодня ни на утро, ни на вечер не пойду. Уж очень тяжело. <...> Много смешного было — например, вы знаете мои стихи на Пушкина, тут и Христос, и византийский орел, и пр. Один господин, издатель какой-то московской газеты, купец-богач во фраке, подходит ко мне и говорит, что ему скоро разрешат в газете литературную часть, то просит содействия; «газета, — говорит он, — будет в самом либеральном духе». А от моих стихов в восторге! Какой сумбур в умах удивительный! <...>

Автограф: ф. 168, № 16994, л. 31—32.

¹ Т. е. Общества любителей российской словесности.

² Стихотворение «Пушкину» («Русь собирали и скрепляли...»). Напечатано в журнале «Нива» (1880, № 25, с. 503).

³ Майков неточно передает мысль Тургенева. В частности, можно подумать, что Тургенев связывал народность писателя с «числом и качеством его читателей». Между тем Тургенев говорил: «Но, мм. гг., какой же великий поэт читается теми, кого мы называем простым народом? Немецкий простой народ не читает Гете, французский — Мольера, даже английский не читает Шекспира» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч., т. 15. М.—Л., 1968, с. 68). Интересно, что в письме к жене от 8 июня 1880 г. Майков повторил Тургенева почти дословно, назвав в той же связи и Мольера, и Шекспира. Майков и впоследствии возвращался к своему пониманию народности Пушкина. 8 января 1883 г. он писал Н. Ф. Сумцову: «На открытии памятника Пушкину в Москве один профессор сказал мне: „Любопытно, что народ об этом думает?“. Я отвечал — он думает, что „вот господа забавляются“. — „Как так? да ведь он понимает же и ценит Пушкина!“. Наивному седовласому старцу я должен был пояснить, что для того чтобы понимать и ценить поэта, надобно не только уметь читать, но и многое знать. „Так вы, стало быть, не признаете в Пушкине народного поэта?“. Опять должен был объяснить, что народность не есть нечто количественное (по числу читателей), а качественное, не материальное, а духовное, и что если бы у Пушкина не было ни одного читателя на Руси, он тем не менее был бы истинно народен» (сообщено И. Я. Айзенштоком).

⁴ 6 июня 1880 г. в посвященном Пушкину особом прибавлении к № 155 «Московских ведомостей» были перепечатаны извлечения из статьи о нем М. Н. Каткова, появившейся за четверть века до этого, в первых номерах только что начавшего свое существование «Русского вестника» (1856, январь, кн. 1 и 2).

А. И. МАЙКОВОЙ

8 июня <1880>. Москва.

... Совсем не хотел бы тебе писать из Москвы, чтобы потом передать на даче все впечатления в порядке, как улягутся, но боюсь, будешь беспокоиться и меня бранить. Теперь же нет в голове моей покоя от беспорядочного препровождения времени. Эдакое безобразие — растянули чествование на три дня. Сегодня третий день — я был назначен сегодня на утреннем заседании окончить его своими стихами, но так как вчера затянулись речи, чтения, телеграммы почти до 5 часов, то отложили чтение Аксакова,¹ а вместо его я прочел свои стихи и тем покончил свое действие на съезде, и, съев после того еще официальный обед, считаю себя свободным от беспокойства нынешнего дня. В газетах ты прочтешь описание празднеств, я же только скажу тебе личное впечатление. Первый день — богослужение в церкви² — великолепное, пение восхитительное, голоса — чудо! <...> Служил митрополит. Затем началось шествие к памятнику — со значками, с знаменами — переход от церковного прямо в оперное, к тому же и оркестр играл из «Тангейзера», показалось мне просто гадким, фальшивым и оскорбительным, и я почувствовал потребность отойти в сторону, самому не быть в числе хористов и статистов, отошел, присел на балюстраду бульварную и смотрел. Кругом меня народ, видимо вопрошавший, что это был за генерал Пушкин. Этот вопрос занимает всех, потому что

каждого спрашивал хоть извозчик: а кто это Пушкин и за что и почему статуя ему. Кричали *ура!* . . . Но что за *ура!* разве так кричат *государю* — да только ему и следует *ура*. Кричала интеллигенция, а народ *недоумевал*. Было *жидко*. Даже бывший лакей Пушкина, которого достали для праздника, говорил, что совсем никакой не было важности у его барина, все было тихо, ничего *этого* не было, а что государь покойный его знал и отличал. Ходил к нам Жуковский, Василий Андрееч; вот его государь и спрашивает, скажи, Василий Андрееч, кого мне назначить писать Российскую историю — Карамзин умер, так на его место. Жуковский и говорит: «Никто, Ваше величество», кроме Пушкина, этого не напишет, вот государь и назначил. — Да, ничего такого не было. Этот лакей вроде Аверьяна, который еще жив, и оба они, т. е. и Аверьян и пушкинский лакей, — стали бронзового цвета, как и статуя Пушкина.³ Многих огорчает: как же это народ не знает Пушкина! Да разве французский мужик знает Мольера? а английский Шекспира⁴ — не в этом народность, а в духе, в понимании, в чувстве, в инстинктах поэта, в том, чем Пушкин не мечтательный Шиллер, не философ Гете, не лгун и эффектист француз, и пр., Но что об этом говорить! — Вот, не хотел писать о празднестве, хотел только кликнуть тебе *Son vivo e t'amo come sempre*,^a а заговорился < . . . >

Автограф: ф. 168, № 16996, л. 271—272.

Майкова Анна Ивановна, урожд. Штеммер (1830—1911) — жена поэта.

¹ Ф. М. Достоевский иначе объяснял эту перестановку. «Иван Аксаков, — писал он жене 7 июня, — отказался читать свою речь после Тургенева < . . . > объяснив мне, что клакеры заготовлены уже давно и посажены нарочно < М. М. > Ковалевским (все его студенты и все западники), чтобы выставить Тургенева как шефа их направления, а нас унизить, если мы против них пойдем» (Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. Л., 1976, с. 344—345).

² В Страстном монастыре.

³ Лакей Пушкина, о котором пишет Майков, — Никифор Емельянович Федоров (род. ок. 1795 г.), служивший у поэта в 1831—1833 гг. Н. А. Лейкин записал с его слов и тогда же опубликовал отрывок из его воспоминаний о Пушкине, см.: Лейкин Н. Из Москвы. — Петербургская газета, 1880, 8 июня, № 111. Перепечатано в кн.: Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, с. 288—289. В записи Лейкина нет ничего того, о чем пишет Майков. Описывая прием deputаций в Московской городской думе, И. Ф. Василевский отметил, что возле детей Пушкина «поместилась личность, обратившая на себя общее внимание. Это был камердинер поэта, прежний крепостной, худой и желтый как мумия старичок, очень бойко отвечавший, однако, на все вопросы и чрезвычайно живо интересовавшийся всем и всеми. В передней депутаты и гости ему пожимали руки, а в зале его посадили рядом с пушкинскою семьею. Старик, невзирая на свои 80 с лишком лет, сохранил свежую память и то слушал других, щурясь и наклоняя на сторону свою плешивую голову, то рассказывал отдельные эпизоды из жизни „незабвенного Александра Сергеевича“ и исчезал в этих подробностях» (Буква. Пушкинская неделя в Москве. — Молва, 1880, 7 июня, № 156). Лейкин в другой корреспонден-

^a Я жив и люблю тебя, как всегда (итал.).

ции из Москвы (Петербургская газета, 1880, 6 июня, № 110, под псевдонимом «Оса») отметил: «Старичок много рассказывал новых фактов о Жуковском и Карамзине».

⁴ См. примеч. 3 к предыдущему письму.

А. И. МАЙКОВОЙ

11-е июня 1880. Среда.

Ну вот я опять на Сиверской.¹ Третьего дня выехал из Москвы в 4 часа <...> В прошедшем письме из Москвы <...> я начал передавать тебе впечатления моей поездки, намереваясь продолжать их в следующем, но теперь все уж это сгладилось. Я писал о том, что меня коробило, что не нравилось; теперь в итоге скажу, что все, однако, обошлось хорошо, т. е. если смотреть на все события как на съезд литераторов. И так как всё говорили литераторы крупные, большей частью художники, то речи не выходили из круга идей, возбужденных Пушкиным. Говорили Тургенев, Островский, Достоевский, мы с Полонским читали стихи,² Потехин;³ из публицистов самые уважаемые, строгие к себе и своему долгу — Катков и Аксаков. От этого и вышло совсем не то, что в Петербурге, где остались только литературщики, говорившие на своем торжестве более о цензуре, чем о Пушкине.⁴ Ну, да ведь это все — профессора и фельетонисты, которые что же могут сказать об искусстве, о Пушкине? Конечно, они нападают на цензуру, ибо полагают, что только цензура препятствует им быть великими. Впрочем, и в Москве кое-кто подпустил и неподходящее, да и то один был петербургский профессор — о цензуре,⁵ а другой — адвокат (Лохвицкий), предлагавший выпить за Пушкина за то, что он все-таки способствовал готовить русское общество к конституции.⁶ Речь Достоевского была самая горячая и поразительная. В двух словах передать ее невозможно, да ты, впрочем, прочтешь все в газетах, где тебе все это впрочем, пожалуй, уж надоело. Самое для тебя интересное это то, что в общем я остался доволен, а замеченное мною в предыдущем письме хоть и верно, но замечено не всеми и празднику не помешало <...>

Автограф: ф. 168, № 19996, л. 182—182 об.

¹ Сиверская — дачная местность под Петербургом, где часто проводил лето Майков.

² Я. П. Полонский прочитал стихотворение «А. С. Пушкину» («Пушкин — это возрождение...»).

³ Речь идет о прозаике и драматурге А. А. Потехине.

⁴ Майков имел в виду прежде всего речь либерального публициста Г. К. Градовского на обеде в зале русского купеческого собрания в Петербурге 6 июня 1880 г. «Мы все пришли бы в ужас и негодование, — говорил Градовский, — если бы в нашем присутствии какой-нибудь безумец или варвар разбил драгоценную вазу или статую, вышедшую из-под резца первостепенного художника <...> Придемте же, господа, в ужас при одной мысли о том, каких богатств лишилась русская литература, благодаря

только тому заблуждению, которое приостанавливало мыслительную работу Пушкина, нарушало, расстраивало его художественные представления». И закончил он тостом «за процветание и беспрепятственное развитие русской литературы, за отвечающие ей юридические основы русской печати». В том же духе была и речь редактора газеты «Молва» В. А. Полетики. Обе речи помещены в «Молве» (1880, 8 июня, № 157); вошли в сб. «Венок на памятник Пушкину» (СПб., 1880, с. 71—75). Интересно, что слова Майкова в точности совпадают с отчетом «Нового времени»: «Вообще речь г. Градовского касалась более цензуры, чем Пушкина» (1880, 7 июня, № 1535).

⁵ Майков имеет в виду профессора Петербургского университета, академика М. И. Сухомлинова. Его речь была напечатана в газете «Русский курьер» (1880, 12 июня, № 157) и вошла в сб. «Венок на памятник Пушкину» (с. 228—233).

⁶ Лохвицкий Александр Владимирович (1830—1884) — юрист и либеральный журналист. В отчетах о пушкинских празднествах упоминаний о его речи обнаружить не удалось.

А. И. МАЙКОВОЙ

Воскресенье. 15 июня <1880>.

... Твое впечатление памятника очень верно, его высказывали многие, и я тоже. Общее впечатление торжества я уже писал два раза тебе; все «художники-литераторы» вели себя прекрасно, только Лохвицкий-адвокат махнул насчет конституции, да петербургский профессор словесности говорил более о цензуре, чем о Пушкине.¹ Речь Достоевского — прелесть. В ней развитие той мысли, что и у меня в стихах, разъяснение, в чем состоит «русский дух» — что он есть не что иное, как чистое Христово учение: «смири себя, гордый человек, свои страсти, гордость, свою личность». Но за что Достоевского следует благодарить, так это за то, что речь эту, прочитанную в Обществе любителей русск<ой> словесности, председатель которого Юрьев, издатель «Русской мысли», он дал напечатать не у Юрьева, а у Каткова в «Московских ведомостях», тем протестуя против их грубости с Катковым.² Ты уже ее, конечно, читала. Хороша также статья Каткова, которую я тебе послал «вместо письма».³ Тургенев говорил о впечатлении иностранцев от русской литературы и особенно от Пушкина; «Война и мир», последнее что явилось у них, поразило их невероятно.⁴ Все это, вероятно, будет где-нибудь напечатано...⁵ <...>

Автограф: ф. 168, № 16996, л. 185—185 об.

¹ См. примеч. 5 и 6 к предыдущему письму.

² Речь Достоевского появилась в «Московских ведомостях» от 13 июня 1880 г. (№ 162). До этого Достоевский колебался по поводу того, где ее напечатать; см. письма к жене от 25 и 26 мая, 5 и 8 июня (Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. Л., 1976, с. 319—321, 323, 343, 347). О «грубости» по отношению к Каткову см. также в его письмах к жене: «У Каткова застал новости: он только что получил официальное

письмо от Юрьева как председателя Общества любителей российской словесности (и которого Катков с незапамятных годов членом). Юрьев уведомляет, что билет приглашительный на празднества был послан в „Московские ведомости“ ошибочно и что совет Любителей по устройству празднеств отменил это решение... История исключения Каткова из празднеств возмущает ужасно многих» (письма от 2—3 и 5 июня: там же, с. 338, 343). Этот эпизод стал предметом газетной полемики. См., например: Новое время, 1880, 6 июня, № 1534; Новости, 1880, 7 июня, № 149; Голос, 1880, 8 июня, № 158; Молва, 1880, 11 июня, № 159.

³ См. примеч. 4 к письму к Е. П. Майковой от 8 июня 1880 г.

⁴ В 1879 г. вышел французский перевод «Войны и мира», сделанный кн. И. И. Паскевич: «La guerre et la paix. Roman historique. Trad. avec l'autorisation de l'auteur par un Russe» (Т. I—III, Paris, 1879). Тогда же появился и сокращенный перевод (С. Курьера) в «Revue britannique».

⁵ Речь Тургенева была напечатана в «Вестнике Европы» (1880, № 7, с. IV—XIII). Упоминания о «Войне и мире» в ней нет.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

<1888>.

Милостивый государь.

Вы пишете мне, что Ваше молодое Пушкинское общество поставило себе целью распространение серьезного и правильного воззрения на литературу и искусство в русском обществе; характер Ваших воззрений Вы определили, взяв себе «девизом и светочем» имя Пушкина. В моей деятельности Вы признали те же начала, которые лежали в основе пушкинского гения — потому возникновение такого общества с такими началами не может меня не радовать до глубины души. Окидывая взором мою прошедшую деятельность, я благодарю бога, что он, как бы даже неведомо для меня самого, провел меня сквозь бурный — в литературе — период, не дав пошатнуться во мне этим началам, не допустив меня поддаться на соблазн снискания дешевых лавров угождением минутному и чуть не повальному настроению толпы. Я — и еще немногие из моих сотоварищей, мы стояли одинокими, по-видимому ненужными, а по мнению некоторых передовых людей, даже вредными членами общества. Хоть уже и проявлялись в последнее время некоторые утешительные для нас признаки оздоровления общественного вкуса, но столь ясного и громкого проявления оного, как это было по случаю моего пятидесятилетнего юбилея 30-го минувшего апреля, еще до сих пор не бывало — и вот почему дорог для меня этот день — как день открытого и явного и со стороны частных лиц, так и всех университетов и других учреждений, признания начал, коих представителем был Пушкин. Читая не только стихи, но и беглые заметки Пушкина, мы можем видеть, как далеко опередила свой век его мысль в последнюю, зрелую пору его жизни и деятельности; нам еще надолго он может быть руководителем. Желая, чтобы Ваше общество все глубже и глубже

проникалось ими и развивало их во всю их ширину и глубину и пребыло бы таким образом верным им «девизу и светочу».

Черновой автограф: ф. 168, № 17380, л. 50—51.

Датируется 1888 г. на основании упоминания о пятидесятилетнем юбилее Майкова, отмечавшемся 30 апреля 1888 г.; см.: Юбилей А. Н. Майкова. — Исторический вестник, 1888, № 6, с. 688—696.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Вы изучаете стихи Пушкина — прекрасно. Лучшего образца, лучшей школы для формы, языка, красоты, строгости, точности, живописности и пр. нет.

Но это только, так сказать, «плоды древа», плоды таланта.

Надобно изучить самое «*древо*», т. е. талант и то, как и чем воспитал его Пушкин, — ибо, я раз Вам сказал как-то, что человек есть посильное изящное произведение *самого себя* (в противоположность учения о среде).

А обратили ли Вы внимание, как Пушкин серьезен в этом отношении?

Следы этой работы над собою можете лучше всего, даже лучше, чем в стихах, можете видеть в его заметках, прозаических отрывках, журнальных статьях. Там что ни мысль, то, видно, тоже плод работы ума и самостоятельности, независимой мысли, созревшей в труде, и уединении и размышлении.^а Примените к себе эту обработку. Когда обработаете «древо», можно ждать и достойных плодов.

Автограф: ф. 168, № 16487, л. 149.

---

^а Знаете ли, что до многих из его мыслей не доросли многие наиболее умные из нынешних критиков и историков литературы? (*Примеч. А. Н. Майкова*).

ОДЕССКИЙ СОБЕСЕДНИК ПУШКИНА

Личность таинственного англичанина, философа-атеиста, о котором Пушкин писал из Одессы в Москву весной 1824 г., давно привлекает внимание пушкиноведов. Это и понятно. Мало о ком из своих одесских собеседников (да и не только одесских) Пушкин говорил с таким неподдельным интересом и уважением: «единственный умный афей (атеист, — Л. А.), которого я еще встретил» (XIII, 92). Мало у кого великий поэт в пору своей творческой зрелости стал бы брать «уроки чистого афеизма» (XIII, 92). К тому же, как свидетельствует Пушкин, англичанин-философ «исписал листов 1000, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur¹ — мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души» (XIII, 92).

Как видно из письма, Пушкин был знаком если не с самой этой рукописью, то с ее содержанием (в чем же еще могли заключаться «уроки чистого афеизма»?) и немало над нею размышлял: «Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная» (XIII, 92). Возможно, когда-нибудь эта рукопись (или же какая-то ее опубликованная версия) будет обнаружена, и один из вероятных путей к ее разысканию — знакомство с фактами биографии ее автора.

Наконец, — немаловажная деталь — письмо Пушкина, перлюстрированное московской полицией и доложенное императору, послужило одной из причин, может быть даже основной причиной, исключения Пушкина с государственной службы и вторичной его высылки — на сей раз из Одессы в Михайловское.² Не-

¹ что не может существовать некий высший разум — творец и распорядитель (*франц.*).

² П. И. Бартев полагал это письмо главной причиной «исключения из службы и вторичной ссылки» Пушкина (Русский архив, 1889, кн. 3, с. 113). Б. Л. Модзалевский, специально исследовавший этот вопрос в работе «К истории ссылки Пушкина в Михайловское», считал также письмо одной из причин ссылки (Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 89—90).

безынтересно знать, кто оказался невольным виновником новых злоключений поэта и как перехваченное письмо повлияло на его собственную судьбу.

Трудами П. В. Анненкова, П. О. Морозова, М. П. Алексеева, Б. Л. Модзалевского установлено, что англичанин-философ — не кто иной, как домашний врач Боронцовых Уильям Хатчинсон (W. Hutchinson) — «Гутчинсон», как транслитерировали это имя в XIX—начале XX столетия.³ Ими же собраны некоторые биографические сведения о Хатчинсоне, дополненные затем работами Л. П. Гроссмана и Г. Струве.⁴ Однако подлинных биографических фактов известно пока крайне мало, а характеристика, которую дают Хатчинсону два последних исследователя, основана на более или менее удачных догадках, полностью исключающих друг друга.⁵

* * *

Справочно-биографическая литература — общая и специальная — никаких сведений о Хатчинсоне не содержит.⁶ Источниками для его биографии служили до сих пор случайные и разрозненные упоминания о нем в мемуарной литературе; известна также его диссертация «О детоубийстве: физиологический и юридический аспект» («On infanticide in its relations to physiology and jurisprudence», 1820). В дополнение к этому нами обследована медицинская литература соответствующего периода, где, как выяснилось, содержатся материалы, позволяющие несколько

---

³ Анненков П. В. Пушкин в александровскую эпоху (1799—1826). СПб., 1874, с. 260—261; Соч. и письма А. С. Пушкина. Под ред. П. О. Морозова. Т. VIII. СПб., «Просвещение», [1906], с. 441 (комментарий П. О. Морозова почти дословно повторен в издании: Пушкин. [Соч.]. Под ред. С. А. Венгерова. Т. VI. СПб., 1909, с. 534); Алексеев М. П. Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина. Одесса, 1926, с. 50—51; Модзалевский Б. Л. К истории ссылки Пушкина в Михайловское, с. 67—94.

⁴ Гроссман Л. Кто был «умный афей»? — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 6. М.—Л., 1941, с. 414—419; Struve G. Marginalia Puschkiniana: Pushkin's «only intelligent Atheist». — Modern Language Notes, 1950, May, p. 300—306.

⁵ Л. Гроссман и Г. Струве решительно расходятся в предположениях о политических взглядах Хатчинсона, о причинах его отъезда из России, причем выяснению этих вопросов посвящена примерно треть каждой из статей.

⁶ Имеются, впрочем, два весьма редких справочника, в которых упоминается о Хатчинсоне: Oettinger E.-M. *Moniteur des Dates, contenant un million de renseignements biographiques*, t. 3. Dresden, 1867 p. 15 (об этом упоминании нам любезно сообщил Л. А. Черейский); Callisen A. C. P. *Medicinisches Schriftsteller-Lexicon der jetzt lebenden Aertze*. Bd 9. Copenhagen, 1832, S. 331 (здесь имеются неточности: в частности, Хатчинсону приписана статья его однофамильца).

расширить представление о личности и деятельности Хатчинсона;⁷ учтены также некоторые рукописные источники.

Уильям Хатчинсон родился в январе 1793 г.; он был четвертым сыном в семье капитана Эманьюэла Хатчинсона.⁸ Относящиеся к 1819—1821 гг. материалы позволяют составить определенное представление о первых шагах профессиональной карьеры У. Хатчинсона, о его научных интересах и до известной степени о его характере.

Получив в начале 1810-х годов диплом хирурга, Хатчинсон после нескольких лет хирургической практики занялся научно-издательской работой: с января 1819 г. он вместе с Сэмюэлем Фазергилом (S. Fothergill) был редактором ежемесячника «London Medical and Physical Journal». До появления в середине 1820-х годов изданий «The Lancet», «The London Medical gazette», «Medico-Chirurgical review» это был ведущий медицинский журнал Англии.⁹ Его издатель Джон Саутер (J. Souter) привлекал к поочередному редактированию (сроком на два-три года) врачей — практиков и теоретиков различных направлений; в одну из таких «сменных» редакций, подготовившую выпуск журнала на 1819, 1820 и первые шесть месяцев 1821 г. (тома 41—45), и входил Хатчинсон.

Приступая к работе в журнале, Хатчинсон был рядовым хирургом: на титульных листах журнальных номеров за первые месяцы 1819 г. вслед за его именем скромно значилось: «хирург» («W. Hutchinson, Esq., Surgeon»). Однако не прошло и года, как он стал «членом Лондонской королевской коллегии хирургов» (Member of the Royal College of Surgeons of London). В сложной иерархии медицинских степеней и званий эта формулировка означала весьма высокую (хотя и не самую высшую) ступень профессиональной квалификации. С января по июнь 1820 г. в журнале печаталась упомянутая выше докторская диссертация Хатчинсона,¹⁰ вышедшая затем отдельной книгой.¹¹ Окончание работы датировано: «Сэквил-Стрит, 1 мая 1820 г.». Соответственно, во второй половине 1820 г. на титульном листе журнала вслед за именем Хатчинсона появляются буквы M. D. — доктор медицины.

⁷ Пользуясь случаем выразить искреннюю благодарность работникам фундаментальной библиотеки Военно-медицинской академии за помощь в ознакомлении с уникальной коллекцией английской медицинской периодики XIX в.

⁸ The London Medical gazette, 1850, 29 March, p. 554.

⁹ С 1799 г. выходил под заглавием «Medical and Physical journal» (vols. 1—32), с января 1815 по сентябрь 1833 г. — «London Medical and Physical journal» (vols. 33—70); с октября 1833 г. преобразован в «Medical Quarterly review».

¹⁰ London Medical and Physical journal, 1820, vol. 43, p. 1—14, 90—98, 177—187, 265—277, 353—361, 441—447.

¹¹ Hutchinson W. Dissertation on infanticide in its relations to physiology and jurisprudence. London, J. Souter, 1820; 2nd. ed. London, J. Adlard, 1821.

Одна из важных обязанностей редактора журнала состояла в подготовке аналитических обзоров состояния медицинской науки за очередное полугодие. Хатчинсону принадлежат четыре таких обзора, открывающих 43-й, 44-й, 45-й и 46-й тома журнала.¹²

Из работ Хатчинсона видно, что его привлекала главным образом экспериментальная физиология,¹³ которая считалась тогда отраслью хирургии. Не исключено, что «1000 листов», в которых, по словам Пушкина, Хатчинсон доказывал, «что не может существовать некий высший разум — творец и распорядитель», и «мимоходом уничтожал слабые доказательства бессмертия души», представляли собой труд по физиологии в атеистическом освещении. Подобная философская концепция не была чем-то необычным в среде английских естествоиспытателей (биологов и физиологов) 1820-х годов и в своем развитии, как известно, вскоре привела к становлению дарвиновской теории происхождения видов.

Работы Хатчинсона позволяют утверждать, что их автор принадлежал к поколению ученых, преодолевших ограниченность умозрительного рационализма XVIII в. В своей аргументации молодой врач опирается почти исключительно на экспериментальные знания и — шире — на опыт, накопленный к тому времени естественными науками. С этим, по-видимому, и связан особый интерес Пушкина к атеистическим рассуждениям Хатчинсона. Как известно, атеистические идеи, проникавшие в Россию с Запада, были представлены в те годы различными формами рационалистического скептицизма XVIII в. Однако отвлеченно-логическая критика религии не имела большого успеха в России, и господствовавшая идеология справлялась с нею сравнительно легко. Другое дело естествоиспытательский атеизм, распространившийся в России несколькими десятилетиями позже: благодаря значительности своего научного потенциала он приобрел огромную притягательную силу.

В 1820-х годах естествоиспытательский атеизм был вне Англии почти неизвестен. Вероятно, Хатчинсон был одним из первых, кто проповедовал его в России, а Пушкин — одним из первых, кто о нем услышал. Судя по письму, Пушкин почувствовал как необычность, так и убедительность проповедуемой английским философом разновидности атеизма, что, собственно, и нашло выражение во фразе: «единственный умный афей, которого я еще встретил» (XIII, 92).

¹² Полугодовые обзоры печатались в начале каждого тома и имели отдельную пагинацию.

¹³ Помимо диссертации и обзоров, мы ознакомились со следующими заметками Хатчинсона: 1) «A reply to Dr. Wilson Philip» (London Medical repository, 1820, Apr., № 76, p. 293—296); 2) «Note respecting the conduct of Dr. W. Philip» (London Medical and Physical journal, 1820, May, № 255, p. 439); 3) «Mémoire concernant l'action de la digitale pourprée sur l'économie animale» (Journal des progrès des sciences médicaux, 1827, vol. 6, p. 218—233).

За несколько месяцев до получения докторской степени Хатчинсон был принят в члены Лондонского Линнеевского общества. Необходимую для этого рекомендацию подписали видные ученые-естествоиспытатели — Ричард Харрисон, Уильям Уодд, Джон Шевалье и Джон Чилдрен. В ней говорится: «М-р Уильям Хатчинсон, проживающий на Сэквил-стрит, Сейнт-Джеймс, который, имея глубокие познания в области медицинской науки, занимается также ботаникой и изъявляет желание стать членом Линнеевского общества, настоятельно рекомендуется нами, нижеподписавшимися, знающими его лично, как заслуживающий этой чести и как человек, который будет, по всей вероятности, полезным членом общества». На рекомендации пометка: «Рекомендован в дек. 1819 г. Принят в марте 1820 г.».¹⁴

Надежда на то, что Хатчинсон окажется полезным членом Линнеевского общества, судя по всему, не оправдалась. В «Трудах» общества за период с 1818 по 1841 г. (вып. 12—18) его имя ни разу не упоминается. Между прочим в этом издании подробно фиксировались не только доклады и сообщения, но и хроника заседаний, имена пожертвователей и т. п. Отсутствие имени Хатчинсона может означать лишь то, что его членство в Линнеевском обществе было формальным и объяснялось, вероятно, престижными соображениями: для врачебного престижа, по понятиям того времени, членство в одном из научных обществ было совершенно необходимо. Вступление же в большинство из них для рядового врача было затруднено. Линнеевское общество отличалось наибольшей демократичностью¹⁵ и сравнительно легко принимало новых членов.¹⁶

После получения докторской степени Хатчинсон стал членом более закрытого и для практикующего врача гораздо более престижного Лондонского медико-хирургического общества. Официальные списки этого общества, регулярно публиковавшиеся в его печатном органе,¹⁷ показывают, что Хатчинсон вступил в него в 1820 г. и состоял его членом всю свою жизнь.¹⁸ В списках

¹⁴ Подлинник хранится в архиве Лондонского Линнеевского общества. Фотокопия для настоящей работы любезно предоставлена нам профессором Дж. С. Симмонсом (J. S. G. Simmons). В сопроводительном письме автору настоящей статьи от 5 июля 1977 г. указывается, что, согласно архивным записям, с 1831 г. имя Хатчинсона более не фигурирует в списках членов Линнеевского общества.

¹⁵ Charter of the Linnean Society of London. — Transactions of the Linnean Society of London, 1804, vol. 7, p. I—XX.

¹⁶ Согласно данным, которые приводит А. Гейдж, в первые годы своего существования (1788—1791) Общество насчитывало 49 членов, в 1803 г. — 254, а в 1818 г. — уже 450 (Gage A. T. A History of the Linnean Society. London, 1938, p. 139).

¹⁷ «Medico-chirurgical Transactions published by the Medical and Chirurgical Society of London» выходил ежегодно с 1810 по 1905 г. (т. 1—88); в 1820—1823 гг. (т. 11, 12) выходил раз в два года; затем, до 1827 г. (т. 13), не выходил вовсе.

¹⁸ Имя Хатчинсона печаталось в списках общества в течение ряда лет после его смерти, вплоть до 74-го тома (1891 г.).

1821—1823 гг. указывается, что Хатчинсон находится в России.¹⁹ Судя по описанию на титульных листах журнала «London Medical and Physical journal» за 1820—1821 гг., к июлю 1820 г. Хатчинсон стал также членом Парижской врачебной коллегии, а к январю 1821 г. — членом Врачебно-медицинского общества в Бонне.

К 1820—1821 гг. относится работа Хатчинсона в только что основанной детской больнице, организатором и главным врачом которой был доктор Август Грэнвил (1783—1872), известный не только как врач,²⁰ но и как автор весьма содержательной книги о России, где он побывал в 1827 г.²¹ В автобиографических записках Грэнвила, изданных посмертно, имеются сведения и о Хатчинсоне.²² Мы узнаем, в частности, что именно Грэнвил, пользовавшийся доверием С. Р. Воронцова и леди Пемброк (т. е. отца и сестры М. С. Воронцова, живших в Англии постоянно²³), рекомендовал Хатчинсона для поездки в Россию в качестве домашнего врача семьи М. С. Воронцова.²⁴ Из «Автобиографии» видно, что, давая эту рекомендацию, Грэнвил руководствовался не в последнюю очередь собственными интересами: он откровенно пишет, что его весьма привлекал пост редактора «London Medical and Physical journal», который занимал Хатчинсон;²⁵ после отъезда Хатчинсона этот пост действительно достался Грэнвилу.²⁶

---

¹⁹ Medico-chirurgical Transactions... , vol. 12, p. XII.

²⁰ В справочных изданиях биография Грэнвила излагается подробнейшим образом: уроженец Италии (настоящее его имя *Vozzi*, но впоследствии он взял имя бабушки-француженки), он был арестован за участие в итальянском народно-освободительном движении, бежал из тюрьмы, эмигрировал, скитался, был актером, хирургом в Турции, лекарем в Испании, вновь хирургом на английском военном корабле; пополнив медицинское образование в Париже, он обосновался в Лондоне, где в 1818 г. получил степень доктора медицины, стал членом Королевского общества и сделал блестящую врачебную карьеру.

²¹ См.: *Granville A. B. St. Petersburg: A journal of travels to and from that capital*, 2 vols. London, 1828. О Грэнвиле в связи с его заметками о русской культуре, в частности о Пушкине, см.: Алексеев М. П. 1) Пушкин на Западе. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 3. М.—Л., 1937, с. 411; 2) Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 241.

²² *Autobiography of A. B. Granville, M. D., FRS. Being eighty eight years of the life of a physician... Ed. by his youngest daughter... Vol. 2. London, 1874, p. 227—230.* На «Автобиографию» Грэнвила как источник для биографии Хатчинсона впервые указал Г. Струве (*Struve G. Marginalia Puschkiiana...*).

²³ Граф С. Р. Воронцов (1744—1832) с 1785 по 1806 г. был русским послом в Лондоне. Е. С. Воронцова («Катенька», как называют ее в письмах близкие) была замужем за лордом Пемброк-Монтгомери.

²⁴ *Autobiography of A. B. Granville*, vol. 2, p. 175.

²⁵ Там же, с. 227—228.

²⁶ См. титульные листы журнала за июль—декабрь 1821 г. (т. 46) и за январь—июнь 1822 г. (т. 47). На беспринципность Грэнвила в вопросах, затрагивавших его карьеру, указывает д-р Роберт Ли (*Lee R. Answer to... Dr. Granville. — London Medical gazette*, 1833, vol. 11, p. 810—813), сменивший впоследствии Хатчинсона в роли домашнего врача Воронцовых.

Осенью 1821 г. Хатчинсон вместе с Воронцовыми отбыл во Францию, где им предстояло провести около года, а затем отправиться в Россию. К первым дням приезда во Францию относится письмо М. С. Воронцова к Н. М. Лонгинову от 21 октября (2 ноября) 1821 г. из Парижа: «С нами живет один doctor Hutchinsohn, которого рекомендовали нам чрезвычайно в Лондоне; он с нами поедет и в Россию, человек прекрасный, ученый, хорошо воспитанный, имел уже довольно практики и, что особенно для нас выгодно, был при Детском госпитале в Лондоне, в коем в полтора года лечил до 2000 детей. Один маленький недостаток в нем, что немного глух, но, привыкнув к голосу, это почти не приметно».²⁷

Между тем в Англии случилось событие, еще более укрепившее положение Хатчинсона в доме Воронцовых: в феврале 1822 г. чуть не погибла от несчастного случая Катенька — леди Пемброк и спас ее не кто иной, как Грэнвилл.²⁸ На Воронцовых это произвело огромное впечатление: М. С. Воронцов сообщал в Петербург, что жизнь сестры «висела, можно сказать, на волоске» и что если бы «не искусство и решительность доктора Granvill, мы бы лишились любезной нашей Катеньки».²⁹ Соответственно возрос в их глазах авторитет английской медицины вообще и рекомендованного Грэнвиллом Хатчинсона в частности.

Следующее свидетельство как раз подчеркивает это привилегированное положение Хатчинсона в семье Воронцовых. Оно принадлежит Ф. Ф. Вигелю, который по пути из Киева в Одессу в конце июля 1823 г. сделал остановку в Александрии — имени А. В. Браницкой, матери Е. К. Воронцовой, под Белой Церковью. М. С. Воронцов, незадолго до того вступивший в должность генерал-губернатора Новороссии и полномочного наместника Бессарабской области, уже более двух месяцев колесил по новым своим владениям, а Е. К. Воронцова с двухлетней дочерью жила у матери; вместе с ними жил и Хатчинсон. Описывая небольшой семейный обед у А. В. Браницкой, Вигель более всего внимания уделил Хатчинсону: «Предметом общего, особого внимания гордо сидел тут англичанин-доктор, длинный, худой, молчаливый и плешивый, которому Воронцов, как соотечественнику, поручил наблюдение за здоровьем жены и малолетней дочери: перед ним только одним стояла бутылка красного вина. Обед был вкусный и обильный, но вина за ним не подавалось».³⁰

---

²⁷ Пушкин. Письма, т. 2. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.—Л., 1928, с. 504.

²⁸ Autobiography of A. V. Granville, vol. 2, p. 197—203.

²⁹ См. письмо М. С. Воронцова к Н. М. Лонгинову от 4/19 февраля 1822 г.: ИРЛИ, архив Н. М. Лонгинова, ед. хр. 23631, л. 9. О том же писал Н. М. Лонгинову близкий друг Воронцовых Я. И. Смирнов (там же, ед. хр. 23740, л. 10). После этого случая Грэнвилл стал часто бывать у С. Р. Воронцова на правах близкого друга.

³⁰ Вигель Ф. Ф. Записки, ч. 6. М., 1892, с. 85.

Зарисовка Вигеля свидетельствует, что Хатчинсон обладал весьма своеобразной внешностью: «длинный, худой, молчаливый и плешивый» (в другом месте Вигель назовет его «лысым доктором»), хотя, как мы знаем, Хатчинсону тогда только что исполнилось тридцать лет. На полях черновиков второй главы «Евгения Онегина» рукою Пушкина изображен похожий портрет — вернее, целых четыре портрета,³¹ которые пока не удавалось идентифицировать:³² энергичное молодое лицо, необычайно высокий лоб, лысына, умный, сосредоточенно-спокойный взгляд, строгий английский костюм. Хотя портрет поясной, легко угадывается высокая худощавая фигура. Датируются рисунки началом ноября 1823 г.³³ Весьма вероятно, что эти зарисовки — изображения доктора Хатчинсона, прибывшего в Одессу вместе с Е. К. Воронцовой в сентябре 1823 г.

К осени 1823—зиме и весне 1824 г. относится пребывание Хатчинсона в Одессе и общение его с Пушкиным. Помимо письма Пушкина, имеется еще ряд свидетельств об этом периоде жизни Хатчинсона. Одно из них принадлежит тому же Вигелю: «Ночью с 15 на 16 мая <1824 г.> приехал в Одессу. Я нашел графа и графиню Воронцовых в большой печали: четырехлетняя, тогда единственная дочь их Александра,³⁴ прелестная девочка, сделалась опасно больна. Лысый доктор, особенно для нее из Лондона выписанный, не ручался за ее жизнь, но и не отнимал надежды у родителей».³⁵ Запись эта лишней раз свидетельствует о независимости Хатчинсона, который мог себе позволить откровенно «не ручаться за жизнь» единственной дочери наместника.

Другое свидетельство — рассказ А. И. Левшина (бывшего в те годы правителем походной канцелярии Воронцова), воспроизведенный П. В. Анненковым: «В самом доме наместника Пушкин часто встречался, например, с доктором-англичанином, по всем вероятностям страстным поклонником Шелли, который учил поэта нашего философии атеизма и сделался невольным орудием его катастрофы».³⁶ К известным фактам об атеизме доктора-англичанина, о близком знакомстве с ним Пушкина и о последствиях, к которым это привело, здесь добавлена деталь об увлечении Хатчинсона поэзией Шелли. В устах Левшина последнее должно было, очевидно, иллюстрировать степень «зараженности» доктора философией атеизма, иначе трудно объяснить, почему из всего,

³¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 834, л. 34 об., 39 об.

³² А. Эфрос пишет по поводу этих рисунков: «Необычной, бросающейся в глаза вышиной черепа интересен третий профиль, носящий тоже явно портретный характер и настойчиво повторенный Пушкиным на этой странице четыре раза <...> Однако для определенного иконографического решения данных нет» (Эфрос А. Рисунки поэта. М., 1933, с. 266).

³³ См.: Эфрос А. Рисунки поэта, с. 226.

³⁴ Здесь неточность: в мае 1824 г. дочери Воронцовых исполнилось 3 года.

³⁵ Вигель Ф. Ф. Записки, ч. 6, с. 168.

³⁶ Анненков П. В. Пушкин в александровскую эпоху, с. 260.

что могло относиться к Хатчинсону, Левшину запомнилась именно эта подробность.³⁷

Закономерно предположить, что знакомство Пушкина с человеком, который произвел на него столь сильное впечатление, могло найти какой-то отзвук в творчестве Пушкина тех лет. В этом плане представляет интерес пушкинская «Сцена из „Фауста“». Пушкин читал Гете весной 1824 г.: упоминание об этом содержится в том же письме, где поэт рассказывает об уроках атеизма, которые он брал у философа-англичанина. Живой и впечатлительный ум поэта едва ли оставил без внимания напрашивающуюся параллель между его собственными необычными отношениями с «умным афеєм» и отношениями Фауста с Мефистофелем. Параллелизм ситуации (умный бес посредством безупречных доказательств стремится обратить своего партнера к безбожью, чему тот не очень противится) усилен в данном случае и обратной параллелью — профессиональным сходством Фауста и Хатчинсона (ученый-естествоиспытатель, доктор, ботаник).

Не отразились ли подобного рода впечатления в «Сцене из „Фауста“», подсказанной, разумеется, прежде всего чтением Гете? Не ими ли объясняется, почему Пушкин первоначально назвал своей отрывок «Новая сцена между Фаустом и Мефистофелем» и почему местом действия является «Берег моря»? (как известно, в гетевском «Фаусте» совершенно иной местный колорит). Вероятно, и какие-то элементы диалога между Фаустом и Мефистофелем могли бы найти объяснения в свете сделанного предположения.

К весне 1824 г. отношения между Пушкиным и Воронцовым обострились. В Петербург полетели просьбы Воронцова «избавить» его от Пушкина.³⁸ Перехваченное письмо с признанием в атеизме пришлось кстати: 11 июля из Петербурга Воронцову была отправлена официальная бумага об увольнении и высылке поэта;³⁹ к ней прилагалась выдержка из перехваченного письма. 31 июля Пушкин покинул Одессу, а через месяц с небольшим стало известно о предстоящем отъезде из России Хатчинсона. 13 сентября 1824 г. он отправил из Белой Церкви письмо к Грэнвилу, которое последний приводит в своей «Автобиографии»: «Дорогой сэр, кажется, я упоминал в прошлом письме, что в Одессе у меня открылось сильнейшее кровохарканье (severe haemoptysis).

---

³⁷ В 1818 г. в Лондоне вышел небольшой сборник «шеллианских» стихотворений (Poems), автор которых скрыл свое имя под инициалами «W. H. H.» и уточнил: «A gentleman of Greenwich». Словарь псевдонимов расшифровывает эти инициалы как «W. H. Hutchinson» (Dictionary of Anonymous and Pseudonymous English Literature, vol. 4. Compl. by S. Halkett and J. Laing. London, 1928, p. 375). Нам, однако, не удалось установить, является ли автором сборника доктор Хатчинсон или его однофамилец.

³⁸ См.: Б. Л. Модзалевский. К истории ссылки Пушкина в Михайловское, с. 81—86.

³⁹ Дело о высылке... Пушкина. — Ведомости Одесского градоначальства, 1899, № 102, с. 2—3.

С тех пор у меня не проходит кашель, затруднено дыхание, боли в глубине груди, хотя зимой и весной я совершенно не выхожу на улицу. Этим летом у меня несколько раз открывалось более или менее интенсивное легочное кровотечение, а несколько недель назад я потерял при этом около ста унций крови за тридцать часов. С такими легкими я долго не протяну в этом сухом и резком климате, с его знойным летом и суровой зимой с холодными северными ветрами. Все это я только что сообщил графу Воронцову и посоветовал ему, не откладывая, искать другого врача. Он опять рассчитывает на Вашу любезность». ⁴⁰ Далее Хатчинсон просит Грэнвила как можно скорее организовать ему замену, убеждая, что его «возможно близкая смерть» «подвергнет графа опасности остаться в нужный момент без медицинской помощи», уверяет в глубокой привязанности к «семье графа» и сообщает об исключительно выгодных финансовых условиях его службы: эти сведения он просит использовать при переговорах с его преемником. ⁴¹

Грэнвилл приводит письмо Хатчинсона в качестве доказательства, что его автор уехал из России по болезни, а не по каким-то иным причинам. Что это за причины, Грэнвилл не поясняет, но по его полемическому тону («Но пусть об этом скажет само письмо») и глухим намекам на «несколько искаженные представления о русском дворянстве» можно заключить, что письмо должно было опровергнуть какие-то не очень лестные для Воронцовых пересуды.

Обстоятельства неожиданного отъезда Хатчинсона из России действительно таковы, что они открывают простор для самых различных предположений. Так, уже много лет спустя Л. П. Гроссман, изучая этот вопрос, пришел к выводу, что Хатчинсона «удалили за пределы России» как «вольнодумца, развращающего своими „уроками“ таких представителей русской молодежи, как Пушкин». ⁴² Л. П. Гроссман не знал опубликованного Грэнвиллом письма и исходил из общей ситуации. Г. Струве, возражая Гроссману, привел это письмо — подобно тому как это сделал за сто лет до него Грэнвилл — в качестве основного довода в пользу того, что отъезд был вызван не политическими причинами, а болезнью. ⁴³

Л. П. Гроссман действительно учел не все относящиеся к делу обстоятельства. Он, например, не принял во внимание, что Воронцовы буквально боготворили Хатчинсона, свято веря в его способность исцелять, а болели в семье Воронцовых тяжело и часто. В 1820 г. Воронцовы потеряли только что родившуюся дочь; в 1823 г. умер их годовалый сын; ⁴⁴ непрестанно болела любими-

---

⁴⁰ *Autobiography of A. B. Granville*, vol. 2, p. 228—229. Перепечатано в статье Г. Струве (*Struve G. Marginalia Pusckiniana...*, p. 303). Русский перевод публикуется впервые.

⁴¹ *Autobiography of A. B. Granville*, vol. 2, p. 229.

⁴² Гроссман Л. Кто был «умный афей»? с. 419.

⁴³ *Struve G. Marginalia Pusckiniana...*, p. 304.

⁴⁴ Архив кн. Воронцова, кн. 37. М., 1891, с. 70, 72.

мица отца — маленькая Александра. «Бог нас спас от ужасного несчастья, — писал Воронцов 22 апреля 1824 г., — маленькая наша очень крепко было заболела». Далее подробно сообщается о мерах, которые принял Хатчинсон, названный здесь «бесценным» доктором.⁴⁵ Несколько месяцев спустя Воронцов писал уже о себе: «Покой и лекарства нашего доктора восстановили мне здоровье <...> приехал же я сюда совсем слаб <...> дней семь ничего не ел <...> Доктор наш, однако, скоро смог помочь».⁴⁶ Не похоже, чтобы история с перехваченным письмом могла побудить Воронцова расстаться со столь необходимым ему человеком.

С другой стороны, была ли побудительной причиной отъезда доктора его болезнь, как это считают Грэнвилл и Струве? Пожалуй, приводимое ими письмо Хатчинсона не очень в этом убеждает. Картина скоротечной чахотки, столь впечатляюще изображенная доктором, его неоднократные упоминания, что жить ему осталось недолго, мало вяжутся с тем фактом, что умер он в почтенном возрасте, почти через три десятка лет после того, как у него якобы месяцами кровоточили легкие с потерей крови до ста унций (300 граммов) в сутки! Не очень убедительна и жалоба на знойное одесское лето: летом в Одессе Хатчинсон собственно никогда не был. Весну и лето 1823 г. он провел в Александрии — имении А. В. Браницкой под Белой Церковью, славившейся тенистыми парками и целебным воздухом,⁴⁷ и приехал в Одессу 6 сентября; в середине мая 1824 г. он должен был выехать с маленькой Александрой туда же, но из-за болезни ребенка отъезд состоялся 6 июня; все последующее время, вплоть до 13 сентября, которым датировано письмо к Грэнвиллу, Хатчинсон провел в Александрии.

Отметим еще два момента, имеющих отношение к рассматриваемому вопросу. В письме от 8 сентября 1824 г. (выдержки из него приведены выше) Воронцов, как и во многих других случаях, говорит о Хатчинсоне с теплотой и уважением, без тени опасения, что его «бесценный доктор» может вдруг умереть от чахотки или уехать в Англию. Между тем всего четыре дня отделяют это письмо от письма Хатчинсона с выражением твердой решимости уехать как можно скорее. Значит, решение об этом отъезде созрело или во всяком случае было объявлено между 8 и 13 сентября.

Что же случилось в эти дни?

Все лето Хатчинсон провел в Александрии, вдали от Воронцовых и от одесских новостей. Лишь в августе, когда в Алексан-

⁴⁵ ИРЛИ, архив Н. М. Лонгинова, ед. хр. 23633, л. 38—38 об. Александра умерла через несколько лет после отъезда Хатчинсона — в 1830 г. (Архив кн. Воронцова, кн. 37, с. 95).

⁴⁶ ИРЛИ, архив Н. М. Лонгинова, ед. хр. 23633, л. 70—70 об.

⁴⁷ Н. Н. Раевский-младший, гостивший в Александрии летом 1823 г., с восхищением писал родителям о ее парках, создававших, по его словам, «исключительно чистый воздух вокруг Александрии» (см. письмо от 23 июня 1823 г.: Архив Раевских, т. I. СПб., 1908, с. 227). Как известно, «пышные сады» под Белой Церковью воспеты Пушкиным в «Полтаве».

дрию приехала Е. К. Воронцова,⁴⁸ а затем А. Н. Раевский — постоянный пациент Хатчинсона,⁴⁹ впервые сложилась ситуация, когда доктору могло стать известно, что было перехвачено частное письмо Пушкина о беседах с ним, Хатчинсоном, что высказанные им в ходе этой (опять-таки частной) беседы взгляды были расценены самим императором как «зловредные доктрины»⁵⁰ и что именно за это уволили со службы и выслали поэта, которого он глубоко уважал и, как теперь оказалось, столь неожиданным для себя образом подвел.⁵¹

Трудно сказать, какие именно подробности о причинах высылки Пушкина сообщили Хатчинсону Е. К. Воронцова и А. Н. Раевский. Несомненно лишь, что разговоры о Пушкине возникали в Александрии часто и велись довольно открыто — в них участвовала даже трехлетняя Александра.⁵² Однако что бы Хатчинсон не узнал, он не мог по понятным причинам высказать сво-

---

⁴⁸ Местопребывание Хатчинсона и Воронцова летом 1824 г. уточнено по письмам М. С. Воронцова от 22 апреля и 9 июня из Одессы, от 22 июня из Гурзуфа, от 27 июля и 11 августа из Симферополя, от 8 сентября из Александрии и письмам Е. К. Воронцовой от 24 августа (с припиской М. С. Воронцова) из Одессы и от 13 сентября из Александрии (ИРЛИ, архив Н. М. Лонгинова, ед. хр. 23633, л. 38—79). Ср.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951, с. 480 (июнь 14), 495 (июль 24), 496 (июль 25), 507 (август 12).

⁴⁹ О том, что А. Н. Раевский систематически лечился у Хатчинсона, свидетельствует рапорт Воронцова Александру I от 23 мая 1824 г.: «... в числе военных чиновников, в Одессе находящихся, проживает здесь полковник 6-го Егерского полка Раевский <...> Он, будучи долго весьма болен, уволен за границу до излечения еще в 1822 году, но, познакомившись в Белой Церкви с доктором, приехавшим со мною из Англии, начал у него лечиться и, следуя советам, нашел отъезд в чужие края ненужным, ибо в продолжении немного больше года приведен из отчаянного почти состояния в положение, по сравнению с прежним здоровое» (Одесский областной архив, Архив бывшего Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторского управления, секретная часть, 1824 г., дело № 7, л. 14).

⁵⁰ См. письмо гр. Нессельроде к М. С. Воронцову от 11 июля 1824 г.: Дело о высылке... Пушкина, с. 2—3. Ср. замечание Пушкина в «Воображаемом разговоре с Александром I»: «Ваше Величество, как можно судить человека по письму, писанному товарищу, можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление и две пустые фразы судить как бы всенародную проповедь?» (XI, 23).

⁵¹ Как Е. К. Воронцова, так и А. Н. Раевский были в то время уже прекрасно осведомлены, в чем обвинял Пушкина официальный Петербург. Об этом, в частности, свидетельствует письмо А. Н. Раевского из Александрии от 21 августа 1824 г., адресованное Пушкину и отправленное с явным расчетом на перлюстрацию; автор письма дважды отчитывает Пушкина за «неуважение к религии»: «...если есть нечто, в чем я могу вас упрекнуть, так это лишь в недостаточном уважении к религии — хорошенько запомните это, ибо не впервые я об этом вам говорю» (XIII, 106; перевод — с. 529); и в конце письма: «...питайте уважение к религии, — и... вас выпускают из этой проклятой деревни» (XIII, 107; перевод — с. 531).

⁵² Последнее явствует из того же письма А. Н. Раевского от 21 августа 1824 г., в котором Раевский, иносказательно упомянув о Е. К. Воронцовой, добавляет: «Даже ее прелестная дочка вспоминает о вас, она часто говорит со мной о сумасбродном г-не Пушкине и о тросточке с собачьей головкой, которую вы подарили ей» (XIII, 106; перевод — с. 530).

его отношения к услышанному до встречи с Воронцовым. Воронцов же приехал в Александрию в последних числах августа совершенно разбитый болезнью, и, разумеется, ни о каком серьезном разговоре до его выздоровления не могло быть и речи. Как только Воронцов поправился,⁵³ Хатчинсон, не откладывая, объяснился с ним: произошло это, как мы знаем из письма Хатчинсона, 13 сентября.

Анализируя изложенные выше обстоятельства, нельзя не прийти к выводу, что инициатива отъезда принадлежала Хатчинсону и что наиболее вероятная причина, вызвавшая это решение, состояла в том, что ему стала известна история с перехваченным письмом и высылкой Пушкина.

На смену Хатчинсону по рекомендации Грэнвила в январе 1825 г. прибыл доктор Роберт Ли,⁵⁴ а Хатчинсон возвратился в Англию.⁵⁵ В России Хатчинсон составил себе весьма значительное состояние,⁵⁶ что позволило ему по возвращении на родину трудиться не столь интенсивно, как прежде. Он поселился в деревушке Айлуорт (Isleworth) на Темзе, в 15 милях от Лондона, где занимался врачебной практикой. Хатчинсон продолжал состоять в Лондонском медико-хирургическом обществе, однако после 1827 г. подписанные его именем статьи в медицинской литературе не появлялись.

Хатчинсон скончался в Айлуорте 18 марта 1850 г. Немногословное сообщение о его смерти поместили две лондонские медицинские газеты: «London Medical gazette» от 29 марта и «Medical Times» от 30 марта 1850 г.⁵⁷

---

⁵³ В письме к Н. М. Лонгинову от 8 сентября 1824 г. Воронцов сообщает, что он близок к выздоровлению после очень тяжелой болезни (ИРЛИ, архив Н. М. Лонгинова, ед. хр. 23633, л. 70—70 об., 71).

⁵⁴ Autobiography of A. V. Granville, vol. 2, p. 230. Ср. письмо Воронцова к Н. М. Лонгинову от 17 сентября 1824 г.: ИРЛИ, архив Н. М. Лонгинова, ед. хр. 23633, л. 98 об. Доктор Ли также оставил воспоминания о своем пребывании в России (Lee R. The Last Days of Alexander and the first Days of Nicholas I. London, 1854): об обстоятельствах своего поступления на службу к Воронцову Ли не упоминает.

⁵⁵ Первое упоминание о Хатчинсоне после его возвращения в Лондон принадлежит С. Р. Воронцову, который в письме от 17 августа 1825 г. сообщает сыну в Одессу, что переслал Хатчинсону прибывшее для него из Одессы письмо (Архив кн. Воронцова, кн. 17. М., 1880, с. 566).

⁵⁶ Хатчинсон писал Грэнвилу из Одессы: «Должен заметить, что врачебная практика, помимо службы у графа <Воронцова>, принесла мне значительную сумму денег (considerable sums of money); к тому же граф не раз щедро вознаграждал меня сверх установленного жалования, которое, таким образом, не составило и половины того, что я действительно заработал» (Autobiography of A. V. Granville, vol. 2, p. 229).

⁵⁷ Тот факт, что Хатчинсон продолжал заниматься врачебной практикой, состоял членом Медико-хирургического общества и о его смерти было напечатано в медицинских газетах, опровергает сообщение А. И. Левшина, что «лет пять спустя после истории с Пушкиным он встретил того же самого Гунчинсона в Лондоне уже ревностным пастором англиканской церкви» (см.: Анненков П. В. Пушкин в александровскую эпоху, с. 260; это сообщение повторено рядом исследователей).

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1975 ГОДА

Настоящий библиографический указатель продолжает публикацию аналогичных перечней, помещавшихся во всех предшествующих выпусках «Временника Пушкинской комиссии», и следует принятым, обычным, уже неоднократно излагавшимся в этом издании принципам составления подобных обзоров литературы о Пушкине. Настоящий указатель ограничен хронологическими пределами 1975 года. Следует иметь в виду, что для удобства пользования литература о Пушкине учебно-методического характера выделена в особый отдел.

- Аваров Всеволод. На берегах Сороти. Докум. повесть. М., Изд-во ДОСААФ, 1975, 79 с. с ил.
О Пушкинских Горах после освобождения от фашистских захватчиков.
- Акутин Юрий. Издревле сладостный союз поэтов меж собой связует... — Наука и жизнь, 1975, № 11, с. 137—139.
Пушкин и А. Ф. Вельтман.
- Андроников Иракий. Великая эстафета. Воспоминания. Беседы. М., «Дет. лит.», 1975, 303 с. (Библиотечная серия).
Стр. 205—215: «Вас приглашает Гейченко». Стр. 216—220: «Пушкинский праздник».
- Андроников Иракий. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1, 2. М., «Худож. лит.», 1975.
Т. 1. Стр. 311—342: «Тетрадь Василия Завелейского» [впервые: Прометей. Т. 5. М., 1968, с. 208—299].
Т. 2. Стр. 177—180: «Замечательный пушкинист» [С. М. Бонди. Впервые в кн.: Андроников И. Я хочу рассказать вам... М., 1962, с. 503—506].
- Арамян А. Г. А. Цатурян — переводчик Пушкина. — В кн.: Связи армянской литературы с литературами народов СССР. Вып. 1. Ереван, 1975, с. 105—113. (АН Арм. ССР. Ин-т литературы им. М. Абебяна).
- Архипова Л. П. [Рец. на кн.:] Раевский Н. Портреты заговорили. Алма-Ата, «Жазуши», 1974. — Звезда, 1975, № 2, с. 220—221.
- Афанасьева З. Дом в Приютино. — В мире книг, 1975, № 7, с. 82.
- Афанасьева З. Дом станционного смотрителя. — В мире книг, 1975, № 8, с. 89—90.
- Бабаев Эдуард. Поэзия Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения и поэмы. М., «Транспорт», 1975, с. 3—20.
- Басина М. Город поэта. Докум. повесть. Для сред. и ст. возраста. Изд. 2-е. Л., «Дет. лит.», 1975, 270 с. с ил. (По дорогим местам).
Оформл. Г. П. Губанова. Фотоил.: М. А. Величко.
О жизни Пушкина в Липее.

Белые ночи. Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л., Лениздат, 1975, 527 с.

Стр. 366—448: Л. Февчук. Семья Пушкина в портретах и документальных фотографиях. Стр. 449—445: М. Дахие. Драгоценный слиток. Пушкиниана Нади Рушевой.

Березкин Григорий. Купала и Пушкин. — Неман, 1975, № 9, с. 167—182.
Благой Д. Д. Два стихотворения Пушкина о Георгии Черном. — В кн.: Славяне и Запад. Сборник статей к 70-летию И. Ф. Бэлыз. М., «Наука», 1975, с. 17—31. (АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры. Ин-т славяноведения и балканистики).

Благой Д. Д. Пушкин в развитии мировой литературы. 3. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1975, т. 34, № 2, с. 99—114.

Благой Д. Пушкин и декабристы. — Октябрь, 1975, № 12, с. 185—195.
Бобровникова О. В., Майстров Л. Е. «Солнечные часы» Тригорского парка. — В кн.: Историко-астрономические исследования. Вып. XII. М., «Наука», 1975, с. 127—137.

Богач Г. Ф. Пловец и Ардон. (А. С. Пушкин и В. Ф. Раевский). — Сибирь, Иркутск, 1975, № 3, с. 85—97.

Бозырев В. Извечно пушкинской природе жить. — Юный натуралист, 1975, № 6, с. 43—45 с фото.

Природа Пушкинского заповедника.

Ботина Л. Г. К вопросу о стилистической роли русского поэтического периода. (На материале поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова). — Труды Самарк. гос. ун-та им. А. Навои, 1975, Новая серия, вып. 265. Исследования по русскому и славянскому языкознанию, VI, с. 53—64.

Брудный Дм. Пушкин и Грузия. — В мире книг, 1975, № 6, с. 65—66.
Рец. на кн.: Шумит Арагва предо мною... Тбилиси, «Мерани», 1974.

Брюсов Валерий. Собрание сочинений. В 7-ми т. Т. 7. Статьи о Пушкине. Статьи об армянской литературе. «Учители учителей». М., «Худож. лит.», 1975, 526 с.

Статья о Пушкине. Стр. 7—19: «Пушкин в Крыму» [впервые в кн.: Пушкин. [Сочинения]. Т. II. СПб., Брокгауз и Ефрон, 1908, с. 89—102]. Стр. 19—30: «Гавриилиада» [впервые: там же, с. 602—606]. Стр. 30—61: «Медный всадник» [впервые: там же, т. III. СПб., 1909, с. 456—472]. Стр. 61—99: «Стихотворная техника Пушкина» [впервые: там же, т. VI. Пг., 1915, с. 349—367]. Стр. 99—104: «Маленькие драмы Пушкина» [впервые в кн.: Брюсов В. Мой Пушкин. М.—Л., 1929, с. 167—172]. Стр. 105—110: «Записка о правописании в издании сочинений А. С. Пушкина» [впервые: там же, с. 207—212]. Стр. 110—115: «Разносторонность Пушкина» [впервые: там же, с. 202—206]. Стр. 115—127: «Пушкин и крепостное право» [впервые: Печать и революция, 1922, № 2, с. 3—12]. Стр. 127—148: «Звукопись Пушкина» [впервые: там же, 1923, № 2, с. 48—62]. Стр. 148—163: «Левизна Пушкина в рифмах» [впервые: там же, 1924, № 2, с. 81—92]. Стр. 163—178: «Пушкин-мастер» [впервые в кн.: Пушкин. Сб. 1. М., 1924, с. 97—114]. Стр. 178—196: «„Пророк“. Анализ стихотворения» [впервые в кн.: Брюсов В. Мой Пушкин, с. 279—297].

Бунарян Г. Г. Город муз. Литературные памятные места города Пушкина. Л., Лениздат, 1975, 368 с.

Стр. 41—77: «Отечество нам Царское Село». Стр. 95—113: «Лето 1831 года».

Бураго С. Б. Пушкинская юбилейная конференция в Киеве. — В кн.: Вопросы русской литературы. Вып. 2 (26). Респ. межвед. науч. сборник. Львов, 1975, с. 148—152. (Черновиц. гос. ун-т).

Изложение докладов, прочитанных на конференции, посвященной 175-летию со дня рождения Пушкина (Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Киевский университет и общество «Знание»).

- Бурмагина Валентина Гавриловна. Глагольная синонимика первой трети XIX века. (На материале канонических и черновых текстов А. С. Пушкина и произведений его современников). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Новосибирск, 1975, 22 с. (Новосиб. гос. ун-т).
- Бурсов Б. Судьба Пушкина. Ч. 2. — Звезда, 1975, № 11, с. 121—164. Ч. 1: Звезда, 1974, № 6.
- Быкова О. Е. Пушкинские произведения на Буковине в XIX веке. — В кн.: Вопросы русской литературы. Вып. 2 (26). Респ. межвед. науч. сборник. Львов, 1975, с. 10—18 (Черновиц. гос. ун-т).
- В краю великих вдохновений. Прогулки по Пушкинскому заповеднику. Михайловское. Тригорское. Петровское. Святогорский монастырь. In the land of great inspiration. The Pushkin reserve. Mikhailovskoye. Trigorskoye. Petrovskoye. Svyatogorsky monastery. Науч. консультант С. С. Гейченко. М., «Планета», 1975, 40 с.; 79 вкл. л.
Фотоальбом. Фотографии Е. Кассина, В. Савостьянова. Художник Д. Бисти. Подбор текстового материала С. Барабаша. Перевод на английский язык Н. Джонстон.
- Васильев Н. «Мянувшее меня объемлет живо». — Нева, 1975, № 9, с. 219—220.
Публикуется схема маршрута путешествия Пушкина в Уральск в 1833 г. и обратного пути из Уральска в Симбирск через Бузулук.
- Викторова К., Тархов А. «История села Горюхина». — Знание — сила, 1975, № 1, с. 33—34.
- Виноградов Л. Пушкин: лед и пламень полемики. — В мире книг, 1975, № 10, с. 80—82.
Рец. на кн.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Новонайденный автограф Пушкина. М.—Л., «Наука», 1968.
- Виноградова В. Н. Пушкин в Одессе. Библиогр. список. Изд. 2-е. Одесса, 1975, 24 с. (Одес. гос. науч. б-ка им. А. М. Горького).
- Владимиров Е. В. А. С. Пушкин и П. П. Хузангай. — В кн.: Чувашский язык и литература. Чебоксары, 1975, с. 175—184. (Труды Науч.-исслед. ин-та при Совете Министров Чуваш. АССР, вып. 59).
- Власова Л. Д. Прерванные структуры в стихотворном синтаксисе А. С. Пушкина. — В кн.: Очерки по стилистике русского языка. Вып. 2. Курск, 1975, с. 56—68. (Науч. труды Курского гос. пед. ин-та, т. 54).
- Вопросы оперной драматургии. Учеб. пособие для муз. и театр. вузов. Сборник статей. Сост., общ. ред. и предисл. Ю. Н. Тюлина. М., «Музыка», 1975, 315 с.
Стр. 168—195: Н. Остапенко. О двух авторских редакциях оперы «Борис Годунов» Мусоргского. Стр. 195—227: Ю. Тюлин. Об опере «Борис Годунов» в редакциях Мусоргского и Римского-Корсакова.
- Вопросы художественного метода, жанра и характера в русской литературе XVIII—XIX веков. Сборник трудов. М., 1975, 300 с. (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. Каф. рус. лит.).
Стр. 68—81: Э. Н. Киреева. Катенин и Пушкин (проблема историзма). Стр. 276—281: К. А. Уваров. А. С. Пушкин о «Слове о полку Игореве».
- Воробьева Тамара. Потомок Пушкина. — Неман, 1975, № 1, с. 190—191.
Лев Анастольевич Пушкин — внучатый племянник поэта.
- XVIII век. Сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. Л., «Наука», 1975, 316 с. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).
Стр. 107—112: Ю. В. Стенник. Традиции торжественной оды XVIII века в лирике Пушкина периода южной ссылки («Наполеон»). Стр. 284—291: Г. П. Макогоненко. Пушкин и Гете. (К истории истолкования пушкинской «Сцены из Фауста»).

Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л., «Наука», 1975, 135 с. с ил. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. (Пушкинская комис.)).

Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и сообщения. Л. С. Сидяков. К истории работы Пушкина над второй главой «Евгения Онегина»; Р. Е. Теребеняга. Неизвестная запись Пушкина к «Слову о полку Игореве»; Е. М. Двойченко-Маркова. Заметки о Пушкине и беженцах этерии в Киприне; Л. М. Аринштейн. Статья о Пушкине в английском журнале 1850-х годов. — II. Обзоры. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1973 г.; В. Е. Холшевников. О слове рифм Пушкина; Л. С. Сержан, Ю. В. Ваников. Об изучении французского языка Пушкина. (К постановке вопроса). — III. Мелкие заметки. Я. М. Боровский. К тексту наброска «Участь моя решена...»; Л. А. Черейский. Три заметки к биографии и сочинениям Пушкина. 1. К датировке одного стихотворения Пушкина. 2. Комментарий к письму Пушкина. 3. История одной вишетки; И. И. Грибушин. Из наблюдений над текстами Пушкина. 1. К «Скупому рыцарю». 2. Выигрыш на тройку и семерку до «Пиковой дамы». 3. «Цертелова древние стихотворения»; М. П. Алексеев. Заметки на полях; Б. А. Протоклитов. Рисунки Пушкина «Золотые ворота Карадага». Послел. Т. Г. Цявловской; Г. И. Назарова. Неизвестные портреты Наполеонов; А. Н. Шустов. Жуковский и стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»; В. Д. Рак. К истории четверостишия, приписанного Пушкину; Л. А. Шейман. Два одесских некролога о Пушкине; Л. И. Вольперт. Еще о «славной шутке» госпожи де Сталь. — IV. Хроника. О. А. Пини. Институт русской литературы (Ленинград); Н. Островская. Пушкинские дни в Одессе; Б. А. Трубечкой. Пушкинские дни в Молдавии; А. Н. Блохинцев. Дни Пушкина в Языковском парке; Л. А. Казарская. Пушкинские места Верхневолжья.

Гаджиев А. Д. «Путешествие в Арарум» как художественное произведение. — Учен. зап. вузов М-ва высш. и средн. спец. образования АзССР, 1975. Сер. XII. Языки и литература, № 2, с. 87—92.

Гиллельсон М. И. О дневниковой записи А. С. Пушкина [1834 г.] — Рус. лит., 1975, № 4, с. 156—159.

Гиллельсон М. О друзьях Пушкина. — Звезда, 1975, № 2, с. 210—217.

Рец. на кн.: Гордих Я. Годы борьбы. — Звезда, 1974, № 6.

Гозенпуд А. А. «Борис Годунов» М. П. Мусоргского во Франции (1876—1908). — В кн.: Восприятие русской культуры на Западе. Очерки. Л., «Наука», 1975, с. 225—248.

Гозенпуд А. Русский оперный театр между двух революций 1905—1917. Л., «Музыка», 1975, 368 с. (Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии).

Стр. 205—226: «Русские сезоны» в Париже. «Борис Годунов» Мусоргского. Стр. 233—274: «Золотой петушок» Римского-Корсакова. Стр. 345—354: «Каменный гость» Даргомыжского в постановке Мейерхольда.

Голлер Н. И. В старинном доме на Мойке. Новые исследования о последней квартире А. С. Пушкина. — Стр-во и архитектура Ленинграда, 1975, № 1, с. 38—41.

Голлер Н. «На Мойке, близ Конюшенного мосту...». — Нева, 1975, № 3, с. 209—211.

Григорьева М. [Рец. на кн.:] Домик станционного смотрителя. Музей дорожного быта начала XIX века. Сост. Н. И. Грановская. Л., Лен-издат, 1974. — Звезда, 1975, № 8, с. 220—221.

Данина А. [Рец. на кн.:] «Прометей», № 10. М., «Мол. гвардия», 1974, — Звезда, 1975, № 6, с. 214—215.

Дивинский Б. Саади в творчестве Пушкина. — Простор, Алма-Ата, 1975, № 6, с. 118—121.

Долинина Наталья. Души высокая свобода... — Аврора, 1975, № 11, с. 71—74.

Пушкин и Пущин.

Долматовский Евг. Было. Записки поэта. Изд. 2-е, расшир. и доп. М., «Сов. писатель», 1975, 608 с.

Стр. 243—253: «Паломничество в Михайловское». Стр. 253—262: «Пушкин на войне» [публикуется впервые, написано в 1974 г.]. Стр. 538—541: «Под небом Африки моей». Родственники Пушкина.

Домбровский Ю. «И я бы мог...». Заметки и размышления писателя. — Новый мир, 1975, № 12, с. 205—216.

Драбкина Е. Я. Кастальский ключ. Эссе. М., «Дет. лит.», 1975, 125 с. Ленин и Пушкин.

Впервые: Юность, 1972, № 9, с. 70—93; № 10, с. 76—91.

Елизарова М. Н. Пушкин в Казани. Казань, Таткнигоиздат, 1975, 31 с. с ил. (Казанский музей А. М. Горького).

Елкин В. Г. «И для него воскресли вновь...» (О пушкинском послании «К***»). — В кн.: Вопросы литературы. Художественный метод — художественное своеобразие. Вып. 9. Владимир, 1975, с. 45—68.

Енколопов И. К. Пушкин в Грузии и под Эрзерумом. Тбилиси, «Мерани», 1975, 171 с.

Содерж.: Предисловие. — I. Пушкин и Восток; II. Интерес Пушкина к Грузии; III. Пушкин и освободительные войны России на Ближнем Востоке; IV. В пути; V. Тифлис времен Пушкина; VI. Пушкин в Тифлисе и Кахетии; VII. Пушкин на Кавказском фронте. Встреча со старыми друзьями. Военные впечатления; VIII. О «Путешествии в Арзрум»; IX. Пушкин и грузинская литература. — Приложения. Хронограф путешествия Пушкина в Эрзерум; П. Г. Ханжонков. Рассказ кавказского ветерана о Пушкине; Документы о слежке за А. С. Пушкиным; Э. В. Бриммер. Служба артиллерийского офицера; Н. И. Ушаков. [Воспоминания]; А. С. Гангелов. Воспоминания декабриста; М. В. Юзефович. Памяти Пушкина; И. Л. Радожицкий. Из воспоминаний; М. И. Пущин. Встреча с А. С. Пушкиным за Кавказом; Письмо Султан Кази-Гирея; М. Ф. Ахундов. Восточная поэма на смерть Пушкина.

Жезлова Е. Судьба близкая, дорогая. Работа над сборником воспоминаний об А. С. Пушкине. — В мире книг, 1975, № 1, с. 15—18.

Заметки редактора издательства «Художественная литература».

Жезлова Е. «Счастливая пора...». — Наука и жизнь, 1975, № 5, с. 156.

Рец. на кн.: А. С. Пушкин. Болдинская осень. Сопроводит. текст В. И. Порудоминского и Н. Я. Эйдельмана. М., 1974.

Западов А. Чудо «Пиковой дамы». — В кн.: Западов А. В глубине строки. О мастерстве читателя. Изд. 2-е, доп. М., «Сов. писатель», 1975, с. 45—72.

Записки краеведов. [Сб. 2]. Очерки. Воспоминания. Статьи. Документы. Хроника. Горький, Волго-Вятск. кн. изд-во, 1975, 167 с.

Стр. 86—107: Болдинские чтения. К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Н. И. Куприянова. Осень 1830-го. (Архивные находки); М. Д. Курмачева. Записки допросов 14 болдинских крестьян — участников восстания под предводительством Е. И. Пугачева; В. В. Ниякий. Потомки Л. С. Пушкина — болдинские помещики и дворянские деятели. (К истории болдинского имения); Л. М. Малышкина. «Вотчинная контора Пушкиных».

Звозников А. А. Исследование прозы Пушкина в последние годы. — Рус. лит., 1975, № 1, с. 187—202.

«...И назовет меня всяк сущий в ней язык...». Наследие Пушкина и литературы народов СССР. (Статьи и материалы). Ереван, 1975, 366 с. (Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) АН СССР. Арм. гос. пед. ин-т им. Х. Абовяна).

Содерж.: От редактора. — I. М. Садыхов. Пушкин и азербайджанская литература; Ю. М. Еганян. Пушкин и Армения;

М. Г. Ларченко. Пушкинские традиции в белорусской поэзии; И. С. Богомоллов. Пушкин и грузинские романтики; Роман Камысов, Беркут Исаков. Пушкин и казахская литература; К. Джидеева. Сопряжение чувств и мыслей (Пушкин в киргизских переводах); Язеп Османис. Пушкин на латышском языке; Р. К. Сидеравичюс. Традиции Пушкина в литовской литературе; И. К. Вартичан, К. Ф. Попович. Пушкин и молдавская литература; Назира Караматуллаева. Пушкин в Таджикистане; А. Д. Грачева. Пушкин и туркменская литература; С. Н. Иванов. Пушкин на узбекском языке и вопросы сопоставительной поэтики; Ф. Я. Прийма. Пушкин и украинское народно-поэтическое творчество; С. Г. Исаков. О восприятии творчества А. С. Пушкина в Эстонии. — II. З. В. Кирилук. Лирика Пушкина и украинский читатель; Нурджемал Кулиева. Пушкинские традиции в романе «Сойги» А. Кекилова; С. Г. Лалаханян. Пушкин и Туманян; П. Т. Саакян. «Медный всадник» Пушкина и «Чугунный человек» Чаренца; Л. В. Айрумян. «Евгений Онегин». Первые армянские переводы; В. А. Авакян. Сказки А. С. Пушкина в армянском переводе; В. М. Варганян. К истории издания произведений Пушкина на армянском языке. — III. Н. А. Восканян. Пушкин и литературы народов СССР (материалы для библиографии).

Рец.:

Левкович Я. — Звезда, 1977, № 3, с. 220—221.

Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1975, т. 34, № 6.

Стр. 483—495: Д. Д. Благой. Пловцам я чел. (Пушкин и декабристы). Стр. 496—506: В. В. Пугачев. Декабрист Н. И. Тургенев и пушкинская «Деревня». Стр. 515—522: Я. С. Билинкис. Об авторском присутствии в «Евгении Онегине». Стр. 545—547: Л. Г. Фризмэн. О литературных источниках одного стихотворения Пушкина [«Что в имени тебе моем?»].

Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., «Наука», 1975, 340 с. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).

Содерж.: От автора. — Пушкин в работе над «Полтавой». — Мицкевич в стихах Пушкина. (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов») [впервые: Учен. зап. Чкаловского гос. пед. ин-та им. В. П. Чкалова, 1952. Серия ист.-филол. наук, вып. 6, с. 171—214]. — «Роман на Кавказских водах». Неосуществленный замысел Пушкина [впервые: Пушкин и его современники, вып. XXXVII. Л., 1928, с. 68—99]. — Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов [впервые, под заглавием «Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов», в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 2. М.—Л., 1958, с. 7—48]. — Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» [впервые в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. М.—Л., 1953, с. 266—297]. — Пушкин и В. Ф. Одоевский [впервые в кн.: Пушкин в мировой литературе. Л., 1926, с. 289—308, 394—399]. — Справки о первоначальных публикациях статей, вошедших в настоящей сборник. — Указатель имен. — Указатель произведений Пушкина.

Рец.:

Назарова Л. Н. — Звезда, 1976, № 6, с. 219—220.

Годдес Е. А. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1976, т. 35, № 5, с. 472—474.

Ильин М. А. Пушкинское кольцо Верхневолжья. — В кн.: Памятники отечества. Кн. 2. М., «Современник», 1975, с. 223—235. (Всерос. о-во охраны памятников истории и культуры).

Иовва И. Ф. Новые материалы о связях Пушкина с декабристами. — Рус. лит., 1975, № 2, с. 133—136.

Иовва И. Ф. А. С. Пушкин и дело Владимира Раевского. — Ист. зап., 1975, т. 96, с. 378—379.

- Каратаев Мухамеджан. Пушкин и казахская литература. — В кн.: Каратаев М. Свет русской культуры. Алма-Ата, «Казахстан», 1975, с. 49—62.
- Написано в 1937—1959 гг.
- Катанов Василий. Тропа к Пушкину. — В кн.: Катанов Василий. Друзья на всю жизнь. Заметки книголюбца. Тула, Приокск. кн. изд-во, 1975, с. 34—43.
- Кирьяков З. В. Новая книга о прозе Пушкина. [Рец. на кн.:] Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина. Рига, Изд-во Латв. ун-та, 1973. — В кн.: Вопросы русской литературы. Вып. 1 (25). Львов, «Вища школа», 1975, с. 133—135. (Черновиц. гос. ун-т).
- Кирпотин В. О Пушкине, о личности, смене поколений и надидви- дуальных ценностях. — Новый мир, 1975, № 6, с. 244—255.
- Кишкин Л. С. Гербарий семьи Пушкина. — Природа, 1975, № 3, с. 123—128.
- Куриленко Р. [Рец. на кн.:] Зажурило В. К., Кузьмина Л. И., Наварова Г. И. Пушкинские места Ленинграда. Л., «Лениздат», 1974. — Звезда, 1975, № 2, с. 219.
- Курляндская Г. Б. Тургенев и Пушкин. — Науч. труды Курск. гос. пед. ин-та, 1975, т. 50, с. 3—43.
- Кусов Генрий. Поиски краеведа. Орджоникидзе, «Ир», 1975, 160 с. Стр. 25—33: «Какой аул посетил поэт?» [комментарий к «Путешествию в Арзрум во время похода 1829 года»]. Стр. 35—51: «Любимая картина А. С. Пушкина» [история картины Н. Чернецова «Вид места Дарьял в Кавказских горах»].
- Лазня В. В. Эвфония пушкинского стиха в переводе У. Арндта (на материале «Евгения Онегина»). — В кн.: Исследования по романской и германской филологии. Киев, «Вища школа», 1975, с. 211—214. (Киевский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко).
- Лапкина Г. А. Движущийся мир поэзии Пушкина. — Нева, 1975, № 11, с. 193—195.
- Рец. на кн.: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830—1833). Л., «Худож. лит.», 1974.
- Лапкина Г. А. А. С. Пушкин. — В кн.: Очерки истории русской театральной критики. Конец XVIII—первая половина XIX века. Под ред. А. Я. Альтшуллера. Л., «Искусство», 1975, с. 170—178. (Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии).
- В главе «Развитие профессиональной театральной критики».
- Лиюкумович Тимофей. Фронтовые дороги потомков Пушкина. — Неман, 1975, № 7, с. 186—187.
- Ломинадзе С. [Рец. на кн.:] Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М., «Наука», 1974, 208 с. — Новый мир, 1975, № 6, с. 283—284.
- Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. Тарту, 1975, 109 с. (Тарт. гос. ун-т).
- Макаров А. А. В. А. Жуковский — редактор Пушкина. — В сб.: Книга. Исследования и материалы. Сб. 30. М., «Книга», 1975, с. 68—91. (Всесоюз. кн. палата).
- Мануйлов В. А. Пушкин и книга. — Звезда, 1975, № 6, с. 202—209.
- Мануйлов В. А. [Рец. на кн.:] А. П. Керн (Маркова-Виноградская). Воспоминания. Дневники. Переписка. М., «Худож. лит.», 1974. — Звезда, 1975, № 9, с. 219—220.
- Мастерство перевода. Сб. 10. 1974. М., «Сов. писатель», 1975, 502 с. Стр. 299—318: О. Улична. О переводчике, поэте и ... критике [рец. на кн.: Dohnal V. Překladatel a básník. Petr Kříčka a české i sízi překlady z Ruřkína. Praha, 1970]. Стр. 345—355: А. Санг. «Евгений Онегин» на эстонском языке [пер.: Б. Альвер].
- Машинский С. И. Поэзия критической прозы. — В кн.: Машинский С. Слово и время. Статьи. М., «Сов. писатель», 1975, с. 198—252. Пушкин-критик.

- Впервые в кн.: В мире Пушкина. М., 1974, с. 447—495.
- Мейлах Борис.** Талисман. Книга о Пушкине. М., «Современник», 1975, 367 с. с ил.
- Рец.:
Хижадзе Лина. Тема Кавказа в творчестве Пушкина. — Лит. Грузия, 1975, № 9, с. 90—93.
- Михайлова Н. И.** Болдинские чтения. — Вестн. МГУ, 1975. Сер. X. Филология, № 3, с. 92—93.
- Изложение докладов, прочитанных на научной конференции в Музее-заповеднике А. С. Пушкина в Болдине в сентябре 1974 г.
- Молок Ф. А.** Пушкинские юбилеи в Чехословакии. — Рус. лит., 1975, № 1, с. 202—210.
- Московская изобразительная пушкиниана.** [Альбом. В 2-х вып.]. Авт. коллектив: Л. И. Вурч и др. Науч. ред.: Е. В. Муза. Вып. 1. Портреты Пушкина. Портреты современников Пушкина. Виды пушкинских мест. М., «Изобразит. искусство», 1975, 271 с. с ил.
- Назарова Л. Н.** [Рец. на кн.:] Пушкинский Петербург. Л., «Худож. лит.», 1974. — Звезда, 1975, № 6, с. 213—214.
- Назирова Р. Г.** Петербургская легенда и литературная традиция. — В кн.: Традиции и новаторство. Вып. 3. Уфа, 1975, с. 122—135. (Учен. зап. Башк. гос. ун-та, вып. 80. Серия филол. наук, 26).
- Легенда о Петербурге и «Медный всадник» Пушкина.
- Научные доклады высшей школы.** Филологические науки, 1975, № 2. Стр. 90—91: А. И. Моисеев. Как читался 6-й стих 33-й строфы 2-й главы «Евгения Онегина» (И русский *Н* как *N* французский)? Стр. 91—92: С. А. Рейсер. Еще раз о чтении 6-го стиха 33-й строфы 2-й главы «Евгения Онегина». Стр. 125—127: Л. П. Пахарева. Болдинские чтения 1974 года.
- Непомнящий В. О** сказках Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Сказки. М., «Худож. лит.», 1975, с. 3—23. (Нар. б-ка).
- О Некрасове.** Статьи и материалы. Вып. IV. Ярославль, Верхне-Волж. кн. изд-во, 1975, 319 с.
- Стр. 91—108: А. М. Гаркави. Пушкинская традиция в поэме Некрасова «Несчастные». Стр. 109—115: Н. Н. Скатов. «Пушкинское» стихотворение Некрасова («Элегия»).
- Ободовская И., Дементьев М.** Вокруг Пушкина. Известные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., «Сов. Россия», 1975, 384 с. с ил.
- Содерж.: Д. Благой. «Погибельное счастье». — От авторов. — Семья Гончаровых. — Наталья Николаевна Пушкина и ее письма. — Тексты писем Н. Н. Пушкиной [впервые, в сокращении: Москва, 1974, № 5, с. 185—200; Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1974, т. 33, № 1, с. 60—74]. — Сестры Гончаровы и их письма [впервые: Москва, 1973, № 10, с. 181—200]. — Тексты писем Е. Н. и А. Н. Гончаровых. — Комментарии.
- Рец.:
Смирнов Ник. Вокруг Пушкина. — Мол. гвардия, 1976, № 10, с. 291—295.
- Озеров Лев.** Поэма поэм. — В кн.: Пушкин А. С. Медный всадник. Петербургская повесть. М., «Дет. лит.», 1975, с. 47—54.
- Павлова Е. Няня А. С. Пушкина.** — Дошкольное воспитание, 1975, № 3, с. 63—66.
- Памятники культуры.** Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1974. М., «Наука», 1975, 462 с. (АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры).
- Стр. 121—140: Ю. Н. Тынянов. О композиции «Евгения Онегина». Публик. и вступит. статья А. П. Чудакова. Стр. 314—336; Е. В. Павлова. Пушкинская коллекция Я. Г. Зака.
- Панова Вера.** О балладе Пушкина «Жених». — Аврора, 1975, № 6, с. 59—60.

- Панорама - 7. [Ежегодник]. М., «Мол. гвардия», 1975, 192 с.
Стр. 85—99: Н. Кузьмин. Иллюстрируя Пушкина. Стр. 101—116: С. Магидсон. Звучащий «Онегин».
- Паперно И. А. О двуязычной переписке пушкинской эпохи. — Учен. зап. Тарт. ун-та, 1975, вып. 358. Труды по рус. и славян. филологии, № 24, с. 148—156.
- Петров С. М. А. С. Пушкин. — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. Сказки. Драматические произведения. «Евгений Онегин». М., «Моск. рабочий», 1975, с. 5—35. (Школьная б-ка).
- Петров С. М. Художественная проза Пушкина. — В кн.: Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10-ти т. Т. 5. М., 1975, с. 529—561.
- Петровский Ю. Пушкин и декабристы. — Звезда, 1975, № 12, с. 60—70.
- Пирцхалава Г. А. Сравнительный лексико-стилистический анализ стихотворений Ломоносова, Державина, Пушкина «Памятник». — Труды пед. ин-тов ГССР. Серия педагогики и психологии, Тбилиси, 1975, вып. 2, с. 313—321.
- Плашевский Юрий. Что говорят портреты. — Простор, Алма-Ата, 1975, № 7, с. 119—124.
Рец. на кн.: Раевский Н. Портреты заговорили. Алма-Ата, «Жазушы», 1974.
- По пушкинским местам. [Альбом. Вступит. статья М. А. Дудина. Гравюры худ. В. М. Васильева]. Л., Лениздат, 1975, [4] с., 13 л. ил.
- Пожидаева Л. [Рец. на кн.:] Бражни И. Ликующая муза. Новосибирск, Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974. — Звезда, 1975, № 6, с. 216—217.
- Польская Евг. Пушкинский Владикавказ. — Лит. Осетия, 1975, № 46, с. 93—97.
- Попов С. А. Пушкин в Оренбуржье (по архивным материалам). — В кн.: Южно-Уральская конференция по археографии и источниковедению истории литературы и языка. Тезисы докладов и сообщений. Уфа, 1975, с. 18—19. (Южно-Уральское отд-ние Археографической комис. АН СССР. Ин-т истории, яз. и лит. Башк. филиала АН СССР. Оренб. обл. отд-ние ВООПИК).
- Проблемы литературных жанров. Материалы второй науч. межвуз. конференции 30 сентября—4 октября 1975 года. Томск, 1975, 216 с. (Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева).
Стр. 56—57: Г. И. Дербенев. О жанровой природе стихотворений «Я памятник себе воздвиг» А. С. Пушкина и «Ассаргадон» В. Я. Брюсова. Стр. 58—60: А. С. Янушкевич. Особенности жанрового движения в прозе А. С. Пушкина.
- Проблемы пушкиноведения. Сборник науч. трудов. Л., 1975, 176 с. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
Содерж.: Ю. Н. Чумаков. Дон Жуан Пушкина; Л. С. Сидяков. «Евгений Онегин» и незавершенная проза Пушкина 1828—1830 годов (характеры и ситуации); Ю. М. Лотман. Посвящение «Полтавы» (текст, функция); В. С. Белькинд. Еще раз о «загадке» И. П. Белкина; Г. В. Краснов. «Апокалипсическая песнь» А. С. Пушкина (к спорам о стихотворении «Герой»); К. И. Соколова. Элегия П. А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А. С. Пушкина; Л. И. Вольперт. «Фоблас» Луве де Кувре в творчестве Пушкина; А. И. Журавлева. Островский и Пушкин (место в литературном процессе); М. Т. Ефимова. Заметки о Пушкине в дневниках Пришвина; Н. Л. Вершинина. Пушкин и Толстой; В. Н. Голицына. Стихотворение Н. Заболоцкого «Когда бы я недвижимым трупом...» и некоторые вопросы пушкинской традиции; Е. А. Маймин. Стихотворение С. П. Шевырева «Послание к А. С. Пушкину»; М. Н. Виротайнен. Ирония в повести Пушкина «Пиковая дама».
- Проблемы языка и стиля в литературе. Волгоград, 1975, 184 с. (Волгоградский пед. ин-т им. А. С. Серафимовича).

Стр. 158—171: Л. М. Шелгунова. Из наблюдений над языком повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка». (Художественная значимость прилагательных, обозначающих цвет). Стр. 178—184; Л. И. Скокова. Из наблюдений над переводом А. С. Пушкина отрывка поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод».

- Прокопович Е. Н. Из наблюдений над синтаксисом времен в художественной прозе А. С. Пушкина. — В кн.: Русский язык. Сборник трудов. М., 1975, с. 252—258. (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина).
- Прокудин С. Б. К вопросу о повествовательной структуре «Повестей Белкина». — В кн.: По законам жанра. [Сборник статей]. Тамбов, 1975, с. 76—91. (Тамб. гос. пед. ин-т).
- Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Изд. 2-е, испр. Т. 10. Науч. ред. и сост. Т. Г. Цявловская. Худ. Ю. Нолев-Соболев. М., «Мол. гвардия», 1975, 424 с. с ил.
- А. С. Пушкин в стихах советских поэтов. Сост. и вступит. статья И. Т. Трофимова. М., «Просвещение», 1975, 110 с. (М-во просвещения РСФСР. Науч.-исслед. ин-т школ).
- Пушкин и литература народов Советского Союза. Сборник статей. Ред. коллегия: К. В. Айвазян и др. Ереван, 1975, 519 с.; 1 л. портр. (Ереван. гос. ун-т. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР).

Содерж.: От редакции; М. П. Алексеев. Любовь народная. — Раздел I. Н. В. Осмаков. Пушкин в меняющемся мире. (К истории восприятия его творчества читателями и критикой); У. Р. Фохт. Лирика Пушкина в ее развитии; С. Г. Бочаров. Поэтическое предание и поэтика Пушкина; И. Ф. Бэлза. Пушкин и русская художественная культура; Н. Н. Воробьева. Пушкин и проблема историзма поэтической мысли. — Раздел II. А. Л. Гришунин. Пушкин и Грибоедов; Н. В. Фридман. К истории борьбы Пушкина и Гоголя с реакционной литературой; Н. К. Гей. Пушкин и Толстой: движение стиля; С. А. Небольсин. О «равнодушной природе» и сопротивлении «стихиям» (Пушкин и Блок); В. Ю. Троицкий. Пушкин и Горький; З. С. Паперный. «Поворачивание памятника» (Пушкин и Маяковский); Ю. Л. Прокушев. Вперед к Пушкину (Пушкин и Есенин) [впервые в кн.: Прокушев Ю. Подвиг Пушкина. М., 1974, с. 43—61]. — Раздел III. Н. Е. Крутикова. Пушкин и украинская литература; Д. В. Чалый. Творчество Пушкина и Шевченко в типологическом сопоставлении; Н. Н. Павлюк. Первый украинский перевод «Полтавы» в литературно-критическом контексте своего времени; И. Я. Заславский. П. А. Гравовский — переводчик Пушкина; В. М. Казберук. Роман Пушкина «Евгений Онегин» и поэма Коласа «Новая земля»; В. С. Шадури. Пушкин и грузинская литература; Л. Д. Хихадзе. О восприятии творчества Пушкина в Грузии в 60-х годах XIX века; О. А. Баканидзе. Изучение Пушкина в грузинском советском литературоведении; С. Г. Асадуллаев. Из истории восприятия и оценки творчества Пушкина в Азербайджане; Ш. Д. Курбанов. Пушкин и дореволюционная интеллигенция Азербайджана; Р. Р. Сафаров. К вопросу о развитии пушкинских традиций в азербайджанской советской поэзии; К. В. Айвазян. «Путешествие в Арзрум» Пушкина (Пушкин в Армении) [впервые, в другой редакции, в кн.: Труды Первой и Второй Всесоюзных пушкинских конференций 25—27 апреля 1949 г. и 6—8 июня 1950 г. М.—Л., 1952, с. 158—191]; С. А. Гуллакян. К вопросу об источниках «Гавриилиады» [впервые: Лит. Армения, 1974, № 6, с. 83—96]; С. К. Даронян. «Его десница меч разящий». (Пушкин и Налбандян); М. Г. Джанполадян. Пушкин и Ованес Туманян; Э. М. Джрбашян. Пушкинские традиции в поэзии Чаренца; З. А. Ахметов. Пушкин и Казахстан; Ш. К. Сатпаева. Пушкин и Абай; В. А. Вавере. Пушкин и ла-

тышская поэзия (до 1940 г.); С. Г. Исаков. О восприятии творчества Пушкина в Эстонии конца XIX века; М. Х. Гайнуллин. Пушкин и дооктябрьская татарская литература; С. Л. Зухба. Пушкин и абхазская литература; В. И. Мартынов. Пушкин и коми литература; И. В. Пухов. Пушкин на якутском языке; Р. Ф. Юсуфов. Пушкин в дагестанских литературах.

Рец.:

Нольман М. — Ист.-филол. журнал, 1975, № 4, с. 218—222.

Амирбекия А. — Вестн. Ереван. ун-та. Обществ. науки, 1976, № 1 (28), с. 271—276.

Гаджиев Агиль. Осваивая великое наследие. — Лит. Азербайджан, 1976, № 9, с. 138—139.

Мещеряков В. Дорогие каждому имена. — В мире книг, 1976, № 8, с. 75.

Пушкинские конференции. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1975, т. 34, № 1, с. 88—93.

Стр. 88—90: В. Сайтанов. [Конференция в Институте мировой литературы]. Стр. 90—92: Р. В. Иезуитова и О. А. Пини. [XXIII Пушкинская конференция]. Стр. 92—93: Д. Белкин. [Конференция «Творчество А. С. Пушкина в странах зарубежного Востока»].

Пушкинские места Москвы и Подмосковья. Туристская схема. Текст Н. М. Волович. М., Гл. упр-ние геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1975, 1 л. карт.

Пуцин И. И. Записки о Пушкине. Переизд. [Вступит. статья «Пуцин и Пушкин» А. Слонимского]. М., «Дет. лит.», 1975, 63 с. с ил., портр. и факс. (Школьная б-ка).

Решидова Н. К. Суждения Пушкина о романтизме в 30-е годы. — В кн.: Сборник аспирантских работ Казанского университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Гуманитарные науки. Литературоведение. Педагогика. Казань, 1975, с. 63—74.

Руденская Мария. Келья Пушкина. — Аврора, 1975, № 9, с. 73—75 с ил. О реконструкции Лицея.

Русская музыкальная литература. Изд. 4-е. Вып. 2. Л., «Музыка», 1975. Стр. 150—188: «Борис Годунов» [Мусоргского].

Сазонова С. Занимательность как художественный прием «Повестей Белкина». — Подъем, 1975, № 5, с. 123—127.

Сайтанов В. Проблемы пушкинской биографии. — Лит. в школе, 1975, № 3, с. 82—84.

Рец. на кн.: Мейлах Б. С. Жизнь Александра Пушкина. Л., «Худож. лит.», 1974.

Сергеев М. Перо поэта. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975, 285 с.

Содерж.: Сибирские злоключения Арапа Петра Великого [первые в альманахе: Ангара, № 6. Иркутск, 1970, с. 56—87]. — Вся жизнь — один чудесный миг [первые: отд. изд. М., 1969]. — Пушкин. Цикл стихотворений. — Перо поэта [первые: Дальний Восток, 1974, № 6, с. 131—138]. — Меж Петербургом и Москвой [стихи].

Сидоров А. А. «Евгений Онегин» в иллюстрациях Н. В. Кузьмина. — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., «Худож. лит.», 1975, с. 317—322.

Сидяков Л. С. Проза и поэзия Пушкина. Соотношение и взаимодействие. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Тарту, 1975, 48 с. (Тарт. гос. ун-т).

Сидяков Л. С. Пушкинская проза и задачи ее изучения. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1975, т. 34, № 5, с. 418—425.

Скатунов Н. Н. Два стихотворения Пушкина. «Деревня», «Вновь я посетил». — Рус. речь, 1975, № 4, с. 28—37.

Сквозников В. Лирика Пушкина. М., «Худож. лит.», 1975, 88 с. (Массовая ист.-лит. б-ка).

- Сокольский М. «Говорить только правду...». Из творческой истории оперы «Борис Годунов». [С предисл. Д. Шостаковича]. — Театр, 1975, № 3, с. 112—121.
- Солодкина Д. «Пиковая дама» [в Большом театре Союза ССР]. — Сов. музыка, 1975, № 3, с. 55—57.
- Соскин В. «Род Пушкиных мятежный...». К творческой истории трагедии Пушкина «Борис Годунов». С коммент. Н. Винокур. — Наука и жизнь, 1975, № 9, с. 104—105.
- Стефанчук Л. Г. [Рец. на кн.:] Лобикова Н. М. Пушкин и Восток. Очерки. М., «Наука», 1974. — Народы Азии и Африки, 1975, № 5, с. 231—233.
- Суздальский Ю. П. «Арион» Пушкина. — В кн.: Литература и мифология. Сборник науч. трудов. Л., 1975, с. 3—21. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Стр. 21—22: Некролог Ю. П. Суздальского; Библиография печатных трудов.
- Суржок Анна. Пушкин и калмыки. Элиста, Калм. кн. изд-во, 1975, 119 с. с ил.
- Рец.:
 Степаненко Иван. О книге «Пушкин и калмыки». (Заметки). — В альм.: Свет в степи, № 2. Элиста, 1976, с. 139—141.
- Теребенина Р. Е. Пушкин и З. А. Волконская. — Рус. лит., 1975, № 2, с. 136—145.
- Терещенко Е. Брюсов о «Медном всаднике» Пушкина. — В кн.: Брюсовский сборник. Ставрополь, 1975, с. 157—173. (Ставропольский гос. пед. ин-т).
- Тимина С. И. Теоретическое и практическое значение изучения рукописей А. С. Пушкина для текстологии советской литературы. — В кн.: XXVII герценовские чтения. Литературоведение. Науч. доклады. Л., 1975, с. 11—17. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Тинов Н. Судьба поэта. — В мире книг, 1975, № 6, с. 66—67.
- Рец. на кн.: Мейлах Б. С. Жизнь Александра Пушкина. Л., «Худож. лит.», 1974.
- Тойбин И. М. Пушкин и проблема своеобразия исторических судеб России в дискуссиях конца 1820-х—начала 1830-х годов. — В кн.: Проблемы историзма в художественной литературе. Курск, 1975, с. 31—46. (Науч. труды Курск. гос. пед. ин-та, т. 41).
- Трубецкой Б. «Я был дружен с майором Раевским...». — Кодры, Кишинев, 1975, № 12, с. 127—131.
- Тузова Л. Портрет в романе А. С. Пушкина «Арап Петра Великого». — Труды Кирг. гос. ун-та. Филол. науки, Фрунзе, 1975, вып. XXI. Серия «Вопросы поэтики», № 3, с. 11—19.
- Тюлин Ю. Об опере «Борис Годунов» в редакциях Мусоргского и Римского-Корсакова. — В кн.: Вопросы оперной драматургии. Учеб. пособие для муз. и театр. вузов. Сборник статей. Сост., общ. ред. и предисл. Ю. Н. Тюлина. М., «Музыка», 1975, с. 195—227.
- Ушаков Николай. Начиная Пушкин. — В кн.: Мастерская. Уроки литературного мастерства. Вып. 1. М., «Мол. гвардия», 1975, с. 69—72.
- Февчук Л. «Писана для поэта Пушкина». — Нева, 1975, № 1, с. 219—220. О дате создания Н. Г. Чернецовым картины «Вид Дарьяльского ущелья».
- Фельдман О. Судьба драматургии Пушкина. «Борис Годунов». «Маленькие трагедии». М., «Искусство», 1975, 311 с. (Ин-т истории искусств М-ва культуры СССР).
- Содерж.: Ч. 1. Формирование драматической системы Пушкина; Ч. 2. Пьесы Пушкина в русском театре; Библиографические примечания; Указатель имен.
- Френкель В. Наука в пушкинском «Современнике». — Наука и жизнь, 1975, № 4, с. 51—54.

Сокращенное изложение некоторых вопросов о популяризации науки в «Современнике», подробно освещенных в статье М. П. Алексеева «Пушкин и наука его времени» (Пушкин. Исследования и материалы. Т. 1. М.—Л., 1956, с. 9—125). Сотрудничество П. Б. Козловского в пушкинском «Современнике».

Френкель В. Я. Пушкин и точные науки. — Квант, 1975, № 8, с. 28—32.

Отражение точных наук в произведениях Пушкина. Сведения об использовании Пушкиным некоторых научных терминов.

Фрумина И. Зрелость таланта. — Сов. музыка, 1975, № 8, с. 11—14.

О вокальном цикле композитора Д. Клебанова «Песни западных славян», посвященном Пушкину.

Хижадзе Л. Д. О первом переводе прозы А. С. Пушкина на грузинский язык. — Труды Тбил. гос. ун-та, Литературоведение, 1975, № 163, с. 93—103.

О переводе повести «Выстрел», осуществленном в 60-х гг. XIX в. А. Н. Пурцеладзе.

Ходоров А. [Рец. на кн.:] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Вступит. статья В. Э. Вацура, сост. и примеч. В. Э. Вацура, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М., «Худож. лит.», 1974. — Звезда, 1975, № 2, с. 218—219.

Цыбин Владимир. Пушкинское в Есенине. — Москва, 1975, № 10, с. 170—177.

Цявловская Т. Г. Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., «Наука», 1975, с. 195—218. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)).

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Отв. ред. В. Э. Вацура. Л., «Наука», 1975, 519 с., 1 л. портр. (АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комис.).

Чичерин А. В. Пушкинские замыслы прозаического романа. — В кн.: Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. Изд. 2-е. М., «Сов. писатель», 1975, с. 66—119.

Чумраева Н. В. «Песнь о вещем Олеге». — Рус. речь, 1975, № 5, с. 149—151.

Шахиди Мунира. Пушкин и Восток. — Памир, 1975, № 8, с. 86—87. Рец. на кн.: Лобикова Н. М. Пушкин и Восток. М., «Наука», 1974.

Шировков В. «Тверская» пушкиниана. — Юность, 1975, № 4, с. 77.

Рец. на кн.: Пьянов А. «Берег, милый для меня». М., «Моск. рабочий», 1974.

Шольц А. Е. Тургенев о Ленском Чайковского. — Науч. труды Курск. пед. ин-та, 1975, т. 50, с. 163—169.

Штейнпресс Б. Нотография музыкальной пушкинианы. — Муз. жизнь, 1975, № 16, с. 24.

Рец. на кн.: Винокур Н. Г. и др. Пушкин в музыке. М., «Сов. композитор», 1974.

Эйделман Н. В. Везварум. М., «Дет. лит.», 1975, 191 с. с ил.

Стр. 13—26: «Что наши, что друзья?» [впервые: Знание — сила, 1972, № 4, с. 32—36; № 5, с. 41—46]. Стр. 27—49: «Саранча летела...» [впервые: Знание — сила, 1968, № 8, с. 30—35; № 9, с. 37—42]. Стр. 66—76: «Единственный судья» [Пушкинская коллекция, собранная П. И. Миллером].

Учебно-методическая литература

Анализ художественного текста. Сборник статей. Вып. 1. М., «Педагогика», 1975, 119 с. (Науч.-исслед. ин-т преподавания рус. яз. в нач. школе. Акад. пед. наук СССР).

Стр. 53—61: Л. Максимов. «Кавказ» А. С. Пушкина (лингвистический комментарий). Стр. 69—79: И. Каплан. «Памятник» А. С. Пушкина (опыт анализа).

Баранникова Л. И. К вопросу о роли А. С. Пушкина в формировании функционально-стилевого многообразия русского литературного языка. — В кн.: Исследование языка художественных произведений. (Материалы XVII зональной конференции кафедр русского языка Среднего и Нижнего Поволжья, посвященной памяти проф. В. А. Малаховского, 20—22 мая 1974 г.). Куйбышев, 1975, с. 155—160. (М-во просвещения РСФСР. Куйбышевский гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева).

Васильева А. Н. «Послание в Сибирь», «Я вас любил». — В кн.: Васильева А. Н. Стилистические разработки по русской классике. Материалы в помощь преподавателям рус. яз. и рус. литературы как иностранной. Ч. 1. М., Изд-во Моск. ун-та, 1975, с. 30—53.

Васильева Н. В мир Пушкина. — Воспитание школьников, 1975, № 1, с. 65—69.

О Всероссийском слете юных пушкинистов (Ленинград, 1974).

Войтоловская Э. Л., Румянцева Э. М. Практические занятия по русской литературе XIX века. [Учебник]. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., «Просвещение», 1975, 286 с.

Гл. IV. Анализ художественного произведения. Стр. 136—164: Портрет героя в художественном произведении. (Портрет Пугачева в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»).

Зеленков В. А. Проблемное изучение романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в школе. — В кн.: Зеленков В. А. и Зильберман Б. Г. Проблемное преподавание литературы в школе. Казань, Татар. кн. изд-во, 1975, с. 69—165.

Зеленикина Л. А. Опыт проведения спецсеминара по изучению языка и стиля А. С. Пушкина. — В кн.: Исследование языка художественных произведений. Куйбышев, 1975, с. 25—29.

Китов Ф. И. «...Для всех народов и поколений» (А. С. Пушкин. «Кавказский пленник»). — В кн.: Проблемы функционального изучения литературы. Классическая литература и современность. Ставрополь, 1975, с. 60—78. (Ставропольский гос. пед. ин-т).

Литература в школе, 1975, № 5.

Стр. 40—46: Л. С. Бобрин. Работа над пушкинским эпитетом в V классе. Стр. 46—49: Н. К. Малюткина. Как школьники понимают пушкинский текст. Стр. 49—51: Н. С. Русина. Урок по роману «Евгений Онегин» с привлечением оперы Чайковского.

Мещерякова Н. Я. А. С. Пушкин. «У лукоморья дуб зеленый...», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». — В кн.: Изучение литературы в IV классе. Метод. пособие к учебнику — хрестоматии для IV кл. «Родная литература». Под ред. Н. И. Кудряшева. М., «Просвещение», 1975, с. 134—146.

Московский А. П. Бездна пространства (о символике стихотворения А. С. Пушкина «Пророк»). — В кн.: Преподавание русского языка и литературы в школе. Иркутск, 1975, с. 79—102. (М-во просвещения РСФСР. Иркутск. гос. пед. ин-т).

Овсянникова А. М. О повторении темы «Лирика А. С. Пушкина» в группах гуманитарного цикла подготовительного отделения. — В кн.: О преподавании литературы. Иваново, 1975, с. 63—69. (Иван. гос. ун-т).

Ряпасова К. А. Анализ лирического стихотворения [«Осень»] и его эстетическое восприятие учащимися. (Из опыта преподавания). — В кн.: Эстетическое воспитание детей. Свердловск, 1975, с. 56—62. (Науч. труды Свердловск. пед. ин-та, сб. 236).

Добавление к «Пушкиниане 1974 года»

А. С. Пушкин. Рекомендательный указатель литературы. (К 175-летию со дня рождения поэта). Тбилиси, 1974, 99 с. (М-во культуры ГССР. Гос. респ. б-ка ГССР им. К. Маркса).

Текст на груз. и рус. яз.

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

О ПЕСНЯХ В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ»

Связь «Капитанской дочки» с сокровищами народного творчества с большой полнотой раскрыта в нашем литературоведении. Особенно это касается песен, вошедших в окончательный текст пушкинского романа: все они давно учтены и подробно прокомментированы,¹ и относительно их возможны лишь единичные уточнения. Меньше изучен в этом отношении черновой текст романа, на который мы и обращаем основное внимание.

1. «Заря утрення взошла»

О своей ссоре с Гриневым Швабрин рассказывает комендантше в главе IV так: «...Петр Андреич сочинил недавно песню и сегодня запел ее при мне, а я затянул мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять в полночь.

Вышла разладаца. Петр Андреич было и рассердился; но потом рассудил, что всяк волен петь, что кому угодно. Тем и дело кончилось» (VIII, 303). Черновой текст был иным. В академическом издании он передан так: «...и сегодня запел ее при мне / на голос:

Капитанская дочь
Не ходи гулять в полночь
Заря утрення взошла
Ко мне Машенька пришла,

а я затянул мою любимую / А я запел ее на голос...» (VIII, 871—872).

Первые два стиха в черновом тексте — начало песни из сборника Н. А. Львова и Ивана Прача.² Источник следующих двух пока не найден. В издании «Капитанской дочки» в серии «Литературные памятники» указано, что цитата из песни о капитанской дочери в рукописи «имела продолжение».³ Б. В. Томашевский отмечал, что последних двух стихов

¹ См.: Орлов А. Народные песни в «Капитанской дочке» Пушкина. — Художественный фольклор, вып. 2—3. М., 1927.

² Русские народные песни, собранные Н. А. Львовым. Напевы записал и гармонизировал Иван Прач. СПб., 1796, разд. II, № 63, с. 63.

³ Пушкин А. С. Капитанская дочка. М., 1964 (серия «Лит. памятники»), с. 250.

«нет у Прача».⁴ Являются ли эти строки продолжением предыдущих, каков их источник — вот вопросы, на которые надо ответить.

Рассматриваемые стихи — начало совершенно самостоятельной литературной песни, которая, судя по числу перепечаток, была довольно популярна в начале XIX в. Приведем ее первую строфу:

Заря утренняя взошла,
Ко мне Пашинька пришла;
С ней утехи прилетели,
Птички громче все запели —
День веселия настал.⁵

Таков источник этой песни, не являющейся продолжением текста о капитанской дочери. Вариант черновика может быть осмыслен вполне однозначно: первые две строки играют роль нотной записи — фиксируют мелодию, а две следующие — и есть текст песни. По словам Швабрина, песня «Заря утренняя взошла» якобы пелась Гриневым «на голос» песни «Капитанская дочь». Швабрин приписывает Гриневу сочинение песни, в которой по сравнению с текстом песенников изменено лишь имя (вместо Пашиньки — Машенька, намекающая на Машу Мионову). Окончательный текст Пушкин упростил, оставив, однако, и ядовитое напоминание Швабрина о сочинительстве Гринева (чуть раньше в этой же главе он разобрал другую подражательную песню Петруши — «Мысль любовну истребляя»), и «грубые обиняки» его: ведь намек на Машу в окончательном тексте тоже остался, так как и она — капитанская дочь.

2. «Во беседах во веселых»

Известие о взятии пугачевцами Нижнеозерской крепости и гибели ее коменданта в главе VI заставляет Гринева вспомнить о том, как этот офицер с молодой женой проездом из Оренбурга останавливался у Ивана Кузьмича (VIII, 319). В рукописи этот эпизод имел продолжение: «Помню даже, что Марья Ивановна была недовольна мною за то, что я слишком разговорился с прекрасною гостьей, и во весь день не сказала мне ни слова, и вечером ушла, со мною не простившись, а на другой день, когда подходил я к комендантскому дому, то услышал ее звонкий голосок: Марья Ивановна напевала простые и трогательные слова старинной песни:

Во беседах во веселых не засиживайся,
На хороших, на пригожих не заглядывайся».

(VIII, 878)

---

⁴ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 6. М., Изд. АН СССР, 1957, с. 786.

⁵ Новейший и полный российский общенародный песенник, содержащий в себе всеобщее собрание всех родов новейших и употребительнейших песен... Изданный Ж. Г. Т. А. К. М., 1810, № 42, с. 55. Входила песня и в другие сборники, см.: Новейший всеобщий и полный песенник, или Собрание всех употребительных, доселе известных новых и старых отборных лучших в сем роде сочинителей, в 6-ти частях, ч. 1. СПб., 1819, № 10, с. 11; Избранный песенник, ч. 1. М., 1820, № 8, с. 9; Новый полный всеобщий песенник, содержащий в себе собрание всех лучших и доселе известных, употребительных и новейших всякого рода песен, ч. 2. СПб., 1820, № 124, с. 124—125.

На цитатный характер песни Маши уже указывалось (VIII, 1088), но источник ее пока не выяснен. Неизвестно даже, процитировал ли Пушкин фольклорное произведение или сам сочинил этот отрывок, стилизованный под народную песню. В наиболее известных сборниках песен пушкинского времени сходных текстов не удастся найти. Отдаленную параллель можно отметить лишь в книге III «Собрания разных песен» М. Д. Чулкова (№ 188 — «Ты не вейся, ты не вейся»). Здесь девица так говорит неверному молодцу, поднося ему чару вина, в которую она «зелье подпускала»:

Ах, ты пей, моя надежда, да не упивайся,
На хороших, на пригожих да не сподевайся.⁶

Текст Чулкова, далекий от пушкинского, все же позволяет увидеть в последнем явно фольклорные формулы. Следовательно, более близкие к рукописи «Капитанской дочки» варианты можно попытаться найти в записях народных песен позднейшего времени. Несколько таких публикаций можно назвать.

Вот, например, песня «Я пойду ли, молоденька» из собрания П. В. Шейна, записанная в Костромской губернии. Здесь девица, как и в двух следующих вариантах, усаживает молодца на коня и на прощание наказывает ему:

Ты поедешь, молодец,
По чужим городам.
По беседам, по пирам
Не нахаживайся,
Хоть найдешь меня получше —
Не заглядывайся.⁷

Еще один вариант — в песне Белозерья «Что домик возле домика»:

Ты поедешь, моя радость,
На чужу сторону,
Ты по селам, по деревням
Не заставляйся,
На хороших, на пригожих
Не засматривайся.⁸

Третий, пожалуй, самый близкий вариант, записан уже в наше время — в г. Нытве Пермской области в 1953 г. Это песня «Белый снег выпадал»:

Ты поедешь, мил, далеко —
На чужую сторону.
На чужой сторонке
Не заезживайся,

---

⁶ Чулков М. Д. Соч., т. I. СПб., 1913, с. 710—711.

⁷ Народные лирические песни. Изд. 2-е. Л., 1961 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 199.

⁸ Соколовы Б. М. и Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. Пг., 1915, № 482, с. 447.

На веселых на беседах
Не засиживайся,
На хороших на красавиц
Не заглядывайся.⁹

Не приводим варианты, в которых сходство менее заметно.

Итак, приведенный Пушкиным текст — не стилизация, а отрывок из подлинной народной песни о прощании девицы с уезжающим молодцем. Скорее всего, он пришел к Пушкину устным путем, ибо наиболее близкие параллели встречаются лишь в позднейших записях. Текстуально особенно близок к нему вариант, записанный на Урале. Формулу «на хороших, на пригожих», которой в уральской записи нет, находим в сборниках Чулкова и Белозерском.

Почти полное совпадение текста в рукописи Пушкина с уральской записью позволяет выдвинуть предположение, нуждающееся в дополнительной проверке: не услышал ли Пушкин эту песню на Южном Урале во время сбора материалов по истории пугачевского движения?

3. «Правда-истина» или «правда истинна»?

В главе VIII Гринев слышит, как Пугачев запекает «заунывную бурлацкую песню», которую он называет своей «любимой», — «Не шуми, мати зеленая дубровушка» (VIII, 330—331). В автографе романа Пушкин переписал лишь семь стихов из нее, включая «Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал», а затем указал: «и проч. стр. 147» (VIII, 882). В примечаниях академического издания указано, что страница отмечена для переписчика по сборнику М. Д. Чулкова в издании Н. И. Новикова 1780 г., «откуда эту песню надо выписать; таким образом, отличия текста „Современника“ от текста Чулкова объясняются или описками или опечатками» (VIII, 923).

Ряд таких погрешностей в тексте песни уже исправлен. Но нам представляется, что строка 10-я до сих пор печатается с нарушением авторской воли. В тексте романа мы читаем ее в такой редакции: «Все правду скажу тебе, всю истину».¹⁰ Между тем в издании Новикова она напечатана иначе: «Все правду скажу тебе, всю истинну».¹¹ Этот же текст, естественно, находим и в «Собрании разных песен» Чулкова (кн. I, № 131),¹² и в ряде других изданий.¹³

Строки близки, но отличаются одним смысловым оттенком. В народном тексте слово «истинну» — краткое прилагательное, определяющее «правду», т. е. речь идет об «истинной правде». В тексте «Капитанской

⁹ Христиансен Л. Л. Уральские народные песни. М., 1961, № 93, с. 155.

¹⁰ Акад., VIII, 331; Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 6, с. 474; Пушкин А. С. Капитанская дочка, с. 50.

¹¹ Новое и полное собрание российских песен, ч. 1. М., 1780, № 134, с. 147.

¹² Чулков М. Д. Соч., т. I, с. 173.

¹³ См.: Новейший и полный российский общенародный песенник..., № 252, с. 254; Новейший всеобщий и полный песенник..., ч. 2, № 131, с. 129; Избранный песенник, ч. 4, № 569, с. 542, и др.

дочки» то же слово с одним «н» становится существительным, и выражение уже означает «правду-истину».

Других пушкинских записей этой песни нет. В «Дубровском» приведены только первые два стиха (VIII, 222). В 1836 г. Пушкин перевел прозой на французский язык 11 русских народных песен для Лёве-Веймара. Первой в этом цикле является как раз рассматриваемая. Но обращение к французскому тексту не вносит ясности: Пушкин переводил сокращенно, передавая общий смысл и отвлекаясь от особенностей фольклорной поэтики. Здесь добрый молодец обещает царю сказать «toute la verité» — «всю правду».¹⁴ Остается обратиться к другим писателям этого времени, чье понимание текста песни может в какой-то мере дать новые аргументы. Например, Лермонтов в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» один из эпизодов построил на переработке текста той же песни:

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной...¹⁵

Следовательно, Лермонтов воспринимал эту формулу именно так, как она печаталась в сборниках Чулкова, Новикова и др. Почему же описка или опечатка в тексте переписчика до сих пор не исправлена? Может быть, дело в том, что старые песенники — книги редкие, а народные песни из них большей частью перепечатаны в антологии А. И. Соболевского, где варианты конца XVIII—начала XIX в. даны с отступлением от оригиналов, в том числе с одним «н» в слове «истину».¹⁶ Это могло способствовать сохранению ошибки. Во всяком случае, недвусмысленное указание Пушкина на текст сборника Новикова надо выполнить и печатать эту строку по нему: «Всее правду скажу тебе, всю истину».

И. И. Грибушин

ИЗ РАЗЫСКАНИЙ О СТИХОТВОРЕНИЯХ ПУШКИНА

1. Об одной пушкинской эпиграмме

В Институте рукописей Академии наук Грузинской ССР среди многих хранящихся там документов находятся различные альбомы со стихотворениями русских авторов первой половины XIX в. Один из них принадлежал Михаилу Александровичу Накашидзе, занимавшему ответственный служебный пост на Кавказе.¹ В нем имеется много оригинальных стихотворений, часть которых не напечатана. Сюда входят произведения И. И. Дмитриева, А. Е. Измайлова, Д. Горчакова, С. Н. Марина и других, а также стихотворения за подписью «Пушкин». К ним относятся «Смуг-

¹⁴ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 611.

¹⁵ Лермонтов М. Ю. Соч. в 6-ти т., т. 4. М.—Л., 1955, с. 105.

¹⁶ Соболевский А. И. Великорусские народные песни, т. 6. СПб., 1895, № 424 и сл., с. 331.

¹ См.: Кавказский календарь на 1895 г., с. 143.

лянка», «Не верю чести игрока» и эпиграмма «На женитьбу ген. Н. М. Сипягина».

Эти стихотворения при жизни Пушкина не были напечатаны и из-за отсутствия автографов не получили признания; лишь за последнее время они подверглись тщательному исследованию специалистов, установивших, что первые два стихотворения вовсе не Пушкина и что только последнее, т. е. «На женитьбу ген. Н. М. Сипягина», действительно принадлежит ему.

Сейчас оно вошло в 16-томное академическое издание «Полного собрания сочинений» А. С. Пушкина (II, 485, 1002). Автограф его не сохранился. Опубликованный текст эпиграммы не отличается от указываемого текста в альбоме Накашидзе, но эта копия автографа в академическом издании не учтена.

Николай Мартемьянович Сипягин был хорошо известен Пушкину еще в бытность его лицеистом, когда Сипягин являлся начальником штаба гвардейского корпуса в Царском Селе. На этом посту, уже имея большие боевые заслуги, он стал известен многими либеральными мерами: он учредил военный журнал, ввел преподавание в воинских частях по ланкастерской системе, устраивал лекции для офицеров.²

В 1818 г. Сипягин женился на М. В. Всеволожской, сестре приятеля Пушкина. К этому году и можно отнести стихотворение.

Имеющийся в Государственном Литературном музее Грузии портрет Сипягина всецело подтверждает юмористическое описание, данное Пушкиным, где говорится про его «плешь»: ³

НА ЖЕНИТЬБУ ГЕН. Н. М. СИПЯГИНА

Убор супружеский пристало
Герою с лаврами носить,
Но по несчастью так их мало,
Что нечем даже плешь прикрыть.
(II, 485)

Генерал Сипягин был тесно связан с Грузией; с середины 1827 г. по день смерти (в октябре 1828 г.) он являлся помощником главноначальствующего на Кавказе генерала И. Ф. Паскевича и начальником гражданского управления края.

Именно ему, совместно с А. С. Грибоедовым, принадлежит идея издания газеты «Тифлиссские ведомости», учреждения в Тбилиси большой ярмарки и проведения в крае полезных мероприятий, которые он, однако, не согласовывал с Паскевичем, что в конечном результате вызвало к Сипягину неприязнь последнего. Сипягин принимал близкое участие в делах Грибоедова. В день его свадьбы (22 августа 1828 г.) он устроил званый обед в честь молодых, а спустя четыре дня «большой бал; он начался польским и был открыт самим хозяином с новобранною».⁴

В начале октября 1828 г. Сипягин заболел и, несмотря на все принятые меры, в том числе и домашнего врача генерала Паскевича (Мар-

² Подробнее см.: Ениколопов И. Пушкин в Грузии и под Эрзурумом. Тбилиси, 1975, с. 83—85.

³ Другой портрет Сипягина см. в кн.: Русские портреты XVIII и XIX столетий, т. II. СПб., 1906, табл. 183.

⁴ Русская старина, 1874, т. II, с. 296—297.

тыненко), скончался. Молва тогда же приписала такой печальный исход Паскевичу. Прах Сипягина был скрытно вывезен в близ расположенную дачную местность Коджори и там погребен. О загадочной смерти Сипягина упоминает и Пушкин в «Путешествии в Арзрум» (гл. 2), где он пишет: «Генерал Сипягин», говорят, умер оттого, что его домовый лекарь, приехавший с ним из Петербурга, испугался приема, предлагаемого тамошними докторами, и не дал одного больному. Здешние лихорадки похожи на крымские и молдавские и лечатся одинаково» (VIII, 459).

Некоторые современники по-иному раскрывали реальные обстоятельства внезапной смерти Сипягина. Так, весьма осведомленный Александр Яковлевич Булгаков, чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, получил весть об этом из первоисточника и писал в Петербург брату из Москвы 26 октября 1828 г.: «Вчера слышал я весьма печальную весть. Пишет Ренкевичу сын из Тифлиса, что Сипягин, у коего он адъютантом, умер после кратковременной болезни. Это потеря для службы и для края, где много успел он сделать добра». В следующем письме, от 27 октября, Булгаков добавлял: «О Сипягине тем более все жалеют, что он заразился, осматривая госпитали, в коих много было гнилых, прилипчивых горячек. Он было хорошо за дело свое принялся, и трудно будет его заменить».⁵

Следует отметить, что срочный осмотр госпиталей Сипягин производил не зря: в 1828 г. в Турции появилась чума, и Сипягин стремился предотвратить возможность проникновения ее в Грузию. Биограф Сипягина, отмечая, что он «предавался своим заботам со всею самоотверженностью», добавляет еще одну версию о причине его смерти: «Оставшийся живым в стольких сражениях, не тронутый чумой в открытой борьбе с нею, Сипягин умер от простуды, которую схватил во время приготовлений торжественной встречи графа Паскевича в Тифлисе».⁶

2. К истории стихотворения «Не пленяйся бранной славой»

Летом 1829 г., во время русско-турецкой войны, Пушкин, посетив театр военных действий, под свежим впечатлением увиденного создает стихотворение «Из Гафиза. (Лагерь при Евфрате)» («Не пленяйся бранной славой»). В рукописи стихотворение озаглавлено «Шееръ I. Фаргат-Беку». Под ним помета: «5 июля 1829. Лагерь при Евфрате».

Вот это стихотворение:

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!

Знаю, смерть тебя не встретит:
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит —
И пощада будет ей!

⁵ Русский архив, 1901, кн. III, с. 190.

⁶ Русский биографический словарь (Сабанеев—Смыслов). СПб., 1904, с. 510.

Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

(III, 163)

Такого стихотворения у Гафиза нет; это — самостоятельное произведение Пушкина в восточном духе; в нем не указано, к кому оно обращено; неясно, и о какой «карабахской толпе» идет речь.

Ряд имеющихся архивных и других материалов, относящихся к русско-турецкой войне 1828—1829 гг., позволяет раскрыть недоговоренное. Наступившая в конце 1828 г. передышка в военных действиях с Турцией дала возможность русскому военному командованию для подготовки кампании будущего года усилить действующую армию новым контингентом войск из России. Однако такового было недостаточно, и тогда встал вопрос о призыве в армию местных жителей Кавказа, до того при русском правлении не призывавшихся. Был объявлен набор новобранцев по Грузии. Известно, как был встречен этот призыв: ответом на него было открытое неповиновение, возмущение, что заставило набор в Грузии отменить. Лишь небольшая группа помещиков, в лице Заала Бараташвили, Григория Мачабели, Николая Черкезишвили, Ивана Русишвили, Давида Залдасианишвили и др., последовала в армию.⁷

Иначе действовала местная администрация в так называемых тогда «мусульманских» провинциях (нынешний Азербайджан); набор там прошел на добровольных началах. Состоящий в то время начальником этих провинций князь И. Абхазев (Абхази) проявил большую инициативу, и при поддержке Мухтеада Ага Мир Фетта сеида ему удалось сформировать от каждой провинции иррегулярные конные полки, принявшие участие в боях с турками в 1829 г.⁸

По утверждению историка Н. Ушакова, успех формирования конных полков в мусульманских провинциях был необыкновенный, и в короткое время сверх назначенного числа всадников записалось весьма много охотников.⁹ Были сформированы четыре полка. В архивном деле «О формировании ополчений» приводится немало интересных подробностей организации этих полков. Например, указывается, что полк «должен состоять из 500 человек всадников, набранных из мусульман»; помощник полкового командира должен происходить «из самой почтеннейшей агаларской, бекской и даже ханской фамилии», и т. д.¹⁰ Об этих полках с большой похвалой во всеподданнейшем докладе отозвался главнокомандующий действующей армией генерал Паскевич, подчеркнувший, что «во всех сражениях они дерутся с отличною храбростью <...> большая часть знамен, и пушек, и пленных отбита ими».¹¹

⁷ См.: Ениколопов И. К. Пушкин на Кавказе. Тбилиси, 1938, с. 114.

⁸ См.: История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. Варшава, 1843, с. 47.

⁹ Там же.

¹⁰ Государственный Центральный архив Грузии, ф. 1105, д. 106.

¹¹ Утверждение русского владычества на Кавказе, т. IV, ч. 2. Тифлис, 1908, с. 302.

В таких же выражениях подчеркивает их значение автор «Истории военных действий в Азиатской Турции...»: «Все они составляли прекрасную и хорошо вооруженную конницу». ¹² Об их отваге свидетельствует и Пушкин: «Первые в преследовании были наши татарские полки» (VIII, 469).

Пушкин явился и свидетелем, когда «под деревом лежал один из наших татарских беков, раненый смертельно. Подле него рыдал его любимец» (VIII, 474). Это был Умбай-бек из Карабаха. Подобная картина описана также в «Записках» Радожицкого. ¹³

Полк, сформированный из жителей Карабаха (где лишь высшую командную должность занимал русский офицер), назывался Первым Мусульманским полком. По-азербайджански он именовался «Шеер I», что означает «войско» или «полк». Так он значится и у Пушкина в рукописи.

В письме генерала Абхазы генералу Н. Н. Раевскому, в ведении которого, как начальствующего над всей кавалерией на фронте военных действий, должны были находиться и эти формирования, упоминаются беки из Карабаха и Ширвана, изъявившие желание служить. Это беки Рустам, Фараджула, Умбай, Адигезал Муганливский и его брат Али-ага; каждому из них предпослана характеристика. О Фархат-беке говорится только, что он «сын Малик-Аслана из Карабаха». ¹⁴

В альбоме Ел. Н. Ушаковой имеется рисунок, изображающий молодого красивого человека, и на нем Пушкин подписал: «Фаргат-Бек». ¹⁵ Рисунок этот воспроизведен в книге рукописей Пушкина. ¹⁶ Никаких других сведений о нем не сохранилось.

И. К. Ениколопов

К ПРОБЛЕМЕ РАБОТЫ С НЕДОСТОВЕРНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ

Вопрос о разделении источников сведений о Пушкине на достоверные и недостоверные — давняя забота пушкинистов. Если в отдельных случаях погоня за сенсациями и приводит к использованию непроверенных и недостоверных источников, то усилия подлинной науки в этой области, как правило, направлены на выявление апокрифических и псевдодокументальных данных и на изгнание их из корпуса пушкинианы. Признавая критику источников краеугольным камнем всякого исследования, мы хотели бы лишь обратить внимание на то, что само понятие «достоверности» обладает известной относительностью. И безусловное доверие к «достоверным» источникам, и столь же категорический отказ от использования «недостоверных» могут привести к нецелесообразным решениям. Стоит

¹² История военных действий..., с. 74.

¹³ Радожицкий И. Л. Походные записки артиллериста в Азии с 1829 по 1831 г. — Военный журнал, 1857, кн. I, с. 16.

¹⁴ Архив Раевских, т. I. СПб., 1908, с. 449—452.

¹⁵ Альбом Ел. Н. Ушаковой. — ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1723, л. 85 об.

¹⁶ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Л., 1935, с. 695.

вспомнить, что целые области филологии — связанные с античностью и медиевистикой — традиционно работают с источниками, которые история литературы нового времени признала бы недостоверными, чтобы понять, что дело сводится к соответствию между типом источника и методикой его обработки. При наличии методов дешифровки заведомая фальшивка может быть источником ценных сведений, при отсутствии их самый достоверный документ может сделаться источником заблуждений.

Попробуем проиллюстрировать нашу мысль примером.

В 1968 г. в журнале «Знание — сила» появилась публикация Н. Я. Эйдельмана воспоминаний Надежды Михайловны Еропкиной о Пушкине.¹ Анализ этих воспоминаний произведен Я. Л. Левкович, отметившей, что «в подлинности» их сомневаться нельзя; сомнения вызывает лишь «точность» «старческой памяти» мемуаристки.² На основании анализа Я. Л. Левкович Л. А. Черейский заключил, что воспоминания Н. М. Еропкиной отличаются «малодостоверными подробностями».³ Нельзя не признать эти заключения убедительными. Особенные сомнения внушает запись (произведенная со слов Н. М. Еропкиной в 1883 г. ее внуком А. С. Сомовым) прямой речи Пушкина. Я. Л. Левкович замечает: «Слова поэта одобрены изрядной порцией столь чуждой Пушкину сентиментальности, что скорее походят на собственные размышления Еропкиной о творческом процессе поэта».⁴ Можно было бы распространить скепсис и дальше и обратить внимание на наклонность А. С. Сомова к фальсификации, а также на тот факт, что документы эти были «реставрированы» им, когда он находился в бедственном материальном положении и, видимо, надеялся извлечь из них денежную выгоду; все это делает сомнительной дату возникновения воспоминаний. Если соблюдать осторожность, можно предположить лишь следующее.

1. Н. М. Еропкина (1808—1895), двоюродная сестра П. В. Нащокина, бесспорно была знакома с Пушкиными и, видимо, встречалась с ним в Москве в 1830-х годах. Знакомство это не было глубоким, а разговоры ее с поэтом ограничивались «бальной болтовней».

2. Беседы Пушкина с Еропкиной, видимо, сделались предметом устной семейной легенды, бытовавшей в тесном кругу родственников в XIX—начале XX в. Эту легенду и закрепил на бумаге А. С. Сомов, причем, вероятно, значительно позже той даты, которую он указал в коммерческих целях.⁵

¹ Эйдельман Н. Саранча летела... и села. — Знание — сила, 1968, № 8, с. 31—36; № 9, с. 37—42.

² Левкович Я. Л. Документальная литература о Пушкине (1966—1971). — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973, с. 68.

³ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 143.

⁴ Левкович Я. Л. Документальная литература о Пушкине, с. 68.

⁵ Судя по названию, данному записи самим А. С. Сомовым («Из воспоминаний Надежды Михайловны Еропкиной об А. С. Пушкине»), он правильно учел, что воспоминания женщины, лично знавшей Пушкина, даже если они записаны с ее слов в старости, воспринимаются безусловно как нечто более солидное и достоверное, чем семейные предания, записанные человеком, никогда не видевшим поэта. Ссылки А. С. Сомова на авторитет А. Ф. Кони, мнение которого находится вне проверки, — типичный прием повышения коммерческой ценности сомнительного документа.

Можно ли после этого говорить о какой-либо источниковедческой ценности данного документа? Попробуем взглянуть на него именно как на легенду.

В тексте воспоминаний, закрепляющем прямую речь Пушкина, легко выделяется пласт тривиальных рассуждений, обильно украшенных «поэтическими» штампами. Оставить ли их на совести Н. М. Еропкиной или отнести за счет представлений А. О. Сомова о том, как должен был говорить Пушкин о своем творчестве, — в любом случае эта часть воспоминаний не представляет интереса для тех, кто изучает Пушкина, а не историю восприятия его личности и творчества рядовым читателем.

Обратим, однако, внимание на другой отрывок текста: «Пушкин стал с большим юмором описывать, как его волшебница-муза заражается общею (т. е. московскою, — Ю. Л.) ленью. Уже не порхает, а ходит с перевальцем, отрастила себе животик и „с высот Линдора перекечевала в келью кулинару“. А рифмы — один ужас! (он засыпал меня примерами, всего не упомнишь).

— Пишу „Прометей“, а она лепечет: „сельдерей“. Вдохновит меня „Паллада“, а она угощает „чашкой шоколада“. Появится мне грозная „Минерва“, а она смеется: „из-под консерва“. На „Мессалину“ она нашла „малину“, „Марсу“ подносит „квасу“. „Божественный нектар“ — „поставлен самовар“ <...> Кричу в ужасе „Юпитер“, а она — „кондитер“».⁶

Для оценки степени добросовестности этого сообщения следует иметь в виду, что слова «сельдерей» и «консерв» в словаре языка Пушкина не встречаются вообще, «кондитер» (у Пушкина — «кандитор») встречается лишь два раза и только в прозе, «шоколад» (у Пушкина — «шоколат») — тоже два раза, из них один в стихах, в «Сцене из Фауста», где рифмуется со словом «злато»:

...бочки злата
Да груз богатый шоколата...
(II, 1, 438)

Весьма сомнительна возможность появления в устах Пушкина таких рифм, как «Линдора — кулинару», «Марсу — квасу»,⁷ которые в его эпоху, вероятно, не воспринимались бы вообще в качестве рифм.

Означает ли это, что данный эпизод может быть отброшен как вымышленный? Против этого говорит одна литературная параллель к нему. В романе Бульвера-Литтона «Пелэм, или Приключения джентльмена» есть одно исключительно близкое место, где герой описывает свои попытки заняться стихотворством:

«I began with:

Sweet nymph, for whom I wake...

For this, after considerable hammering my muse, I could only think of the rhyme „shoes“ — so I began again:

Thy praise demands much softer lutes...

⁶ Эйдельман Н. Саранча летела... и села. — Знание — сила, 1968, № 9, с. 38.

⁷ См.: Shaw J. Thomas. Pushkin's Rhymes. A Dictionary. — The University of Wisconsin Press, 1974.

And the fellow of this verse terminated like myself in „boots“. — Other efforts were equally successful: „bloom“ suggested to my imagination no rhyme but „perfume“, „despair“ only reminded me of my „hair“, and „hope“ was met at the end of the second verse, by the inharmonious antithesis of „soap“». ⁸

В русском переводе А. С. Кулишер:

«Начал я эффе́ктно:

О нимфа! Голос музы нежный мог...

Но как я ни старался — мне приходила в голову одна лишь рифма — „сапог“. Тогда я придумал другое начало:

Тебя прославить надо так...

но и тут я ничего не мог подобрать, кроме рифмы „башмак“. Дальнейшие мои усилия были столь же успешны. „Вешний цвет“ рождал в моем воображении рифму „туалет“, со словом „услуга“ почему-то сочеталась „помада“, откликом на „жизнь уныла“, завершающую второй стих, была весьма неблагозвучная антитеза — „мыло“». ⁹

Пушкин познакомился с романом Бульвера-Литтона вскоре после его выхода. Книга произвела на него сильное впечатление. В данной заметке неуместно рассматривать прозаические замыслы Пушкина, навеянные чтением английского романа. Отметим лишь, что целый ряд мест из «Пелэма» прямо перекликался с размышлениями Пушкина в 1830-е годы о светском обществе и его изображении в литературе. В период раздумий над романом из жизни светского общества, что совпало с полемикой против моралистической сатиры Ф. В. Булгарина и нападков на свет Н. А. Полевого, Пушкин, конечно, не мог пройти мимо таких рассуждений: «Как странно, — сказала одна из почтенных вдовиц, — что среди бесчисленного множества ежегодно затопляющих нас романов из великосветской жизни нет ни одного, который дал бы нам мало-мальски порядочное описание всех этих дел.

— Совсем не странно, — возразил Кларендон, учтиво улыбнувшись, — пусть только ваша милость соблаговолит поразмыслить об этом. Большинство из тех, кто пишет о нашем великосветском мире, о нем понятия не имеют. Самое большее, они могли случайно попасть на раут к Б. или К., которые тоже принадлежат не к самому высшему кругу, а второму или даже третьему. Кое-кто из них, правда, джентльмены. Но джентльмены-неписатели так же плохи, как писатели-неджентльмены (...). Умный писатель, желающий изобразить высший свет, должен следовать одному лишь обязательному правилу. Оно заключается в следующем: пусть он примет во внимание, что герцоги, лорды и высокородные принцы едят, пьют, разговаривают, ходят совершенно так же, как прочие люди из других классов цивилизованного общества, — более того, и предметы разговора большей частью совершенно те же, что в других общественных

⁸ Pelham, or the Adventures of a Gentleman, 2nd ed. Vol. 1. London, 1828, p. 287.

⁹ Бульвер-Литтон. Пелэм, или Приключения джентльмена. М., 1958, с. 199.

кругах. Только, может быть, мы говорим обо всем даже более просто и непринужденно, чем люди низших классов, воображающие, что чем выше человек по положению, тем напыщеннее он держится, и что государственные дела обсуждаются торжественно, словно в трагедии». ¹⁰

Слова эти почти текстуально близки к ряду высказываний Пушкина в журнальной полемике 1830-х годов. Так, говоря о «новейших блистателях нравственности», Пушкин писал: «Почему им знать, что в лучшем обществе» «?» жеманство и напыщенность еще нестерпимее, чем простонародность (*vulgarité*), и что оно-то именно и обличает незнание света?» (XI, 98). Кстати, и стихи из восьмой главы «Евгения Онегина»:

В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar*...

(VI 172)

— представляют собой намек-отсылку к роману Бульвера-Литтона, где обсуждению понятия «*vulgar*» отведено особое место.

Пушкин резко отрицательно относился к романтической манере поведения, требовавшей, чтобы поэт и в светском кругу сохранял поэтическую позу. Это представлялось ему невыносимой пошлостью. Поэт за письменным столом и в кругу друзей-поэтов, он в свете хотел быть светским человеком.

Известно, что Пушкин крайне не любил вести литературные разговоры в светском обществе и уж, конечно, не стал бы им предаваться на балу в обществе малознакомой молодой девушки; не менее известна его любовь к разыгрыванию в жизни того или иного литературного персонажа. В данном случае он, как Чарский из «Египетских ночей», хотел одеть маску денди, «чтобы сгладить с себя несносное прозвище» литератора (VIII, 1, 264). Для этого персонаж из «Пелэма» — «джентльмен-неписатель» подходил лучше всего, и Пушкин явился перед Еропкиной Раслтоном. ¹¹ Видимо, со временем большинство его каламбурно-неожиданных рифм стерлось из ее памяти, но сохранилась устойчивая схема: «поэтизм» — «кулинаризм»; сохранилась и основная игровая роль: в Москве он перестал быть поэтом — он полноправный член «московского мира». Но московское общество — не лондонское, джентльмен, суеверно следящий за своим туалетом, здесь будет так же заметен, как и поэт. Московский «свет» имеет

¹⁰ Там же, с. 402—403.

¹¹ Раслтон — персонаж из «Пелэма», в котором отразились черты известного денди Джорджа Брайена Бремеля, — был прекрасным образцом для такой роли. Поведению Пушкина в быту вообще было свойственно стремление перевоплощаться в героев его «возлюбленных творцов», особенно когда эти литературные образы стимулировали его собственное творчество. Так, Л. И. Вольперт тонко показала, что в период вызревания замысла «Романа в письмах» Пушкин охотно разыгрывал в некоторых бытовых ситуациях Вальмона (см.: Вольперт Л. И. Пушкин и Шадерло де Лакло (на пути к «Роману в письмах»). — Пушкинский сборник. Псков, 1972). Обдумывая замысел «Романа на Кавказских водах», где впервые появляется помета «Pelham», и «Русского Пелэма», Пушкин прибег к излюбленному им приему обращения с наивными провинциалками — надел готовую маску литературного героя.

другое лицо:

Как не любить родной Москвы!
Но в ней не град первопрестольной,
Не золоченые главы,
Не гул потехи колокольной,
Не сплетни вестницы-молвы
Мой ум пленили своевольной.
Я в ней люблю весельчаков,
Люблю роскошное довольство
Их продолжительных пиров,
Богатой знати хлебосольство
И дарованья поваров.¹²

Следуя этому стереотипу, Пушкин изменил «туалетный» характер рифм Бульвера-Литтона на «гастрономический», придав своей игровой маске черты «местного колорита».

Итак, анализ заведомо недостоверного источника позволил нам не только вычленив в нем некую вероятную первооснову, но и вскрыл интересные факты, касающиеся литературных впечатлений поэта, с одной стороны, и черт его бытового поведения — с другой. Мимо же некоторых аспектов восприятия «Пелэма» не пройдет не только исследователь прозы Пушкина, но и изучающий проблему «рифма Пушкина».

Ю. М. Лотман

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ОТЗЫВОВ О ПУШКИНЕ

Неопубликованные отзывы о Пушкине, приводимые в настоящей заметке, не являются в точном смысле слова неизвестными, а скорее оставленными без внимания. Они содержатся в письмах П. П. Татаринова к Н. И. Бахтину, сохранившихся среди остатков архива Бахтина, собранных Н. Н. Селифонтовым, — тех самых остатков, из которых в свое время были извлечены ценнейшие письма к Бахтину П. А. Катенина.¹ Начиная с А. А. Чебышева, издателя этих писем, и до нашего времени исследователи Катенина и его окружения неоднократно обращались к письмам Татаринова, извлекая из них материалы для комментария, впрочем, довольно скудные; самые же письма не были предметом изучения. Это и понятно: фигура их автора почти неизвестна в литературном мире, и суждения его восят подчеркнуто любительский характер. Между тем как раз эта особенность придает его письмам специфический интерес.

Петр Петрович Татаринов (1793—1858), впоследствии довольно крупный чиновник Министерства юстиции, в момент переписки являлся чиновником канцелярии Комитета министров (с 10 июня по 12 ноября 1817 г.), затем —

¹² Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений, т. II. М.—Л., 1936 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 25.

¹ ГПБ, ф. 682 (Н. Н. Селифонтова), картон III—IV, «ж» (листы не нумерованы). Ср.: Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века). С вступит. статьей и примеч. А. А. Чебышева. СПб., 1911.

секретарем канцелярии Министерства юстиции.² До 1809 г. он учился в Харьковском университете, и уже в это время с семейством Бахтиных его связывали, по-видимому, довольно прочные узы. Он хорошо знал Ивана Ивановича Бахтина, главу семьи, известного в свое время поэта-сатирика, активного участника тобольского журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789), а затем (1803—1804) губернатора Слободской Украины. 25 февраля 1818 г. он писал Н. И. Бахтину о какой-то «сказочке» о «солдате и бригадире», которую некогда «слышал от папеньки». Он в курсе семейных дел Бахтиных и нередко сообщает своему адресату в Москву о его братьях и сестрах. С Бахтиными у него общий круг знакомых; к числу их принадлежит, например, старинный друг этой семьи В. Н. Каразин, известный экономист и социолог консервативного направления, стяжавший вскоре печальную известность доносами на Пушкина и его друзей. В Слободскую Украину уходят, вероятно, истоки и других литературных знакомств Татаринова, в частности с Гнедичем. В 1833 г. он был душеприказчиком Гнедича — вместе с Д. П. Позняком, отцом известной Софьи Дмитриевны Пономаревой. В Петербурге, в канцелярии статс-секретаря по принятию прошений, этот круг расширяется: вместе с Татариновым служит А. А. Жандр, приятель Катенина и Грибоедова, и, может быть, через него Татаринов входит в театральные сферы; мы узнаем из его писем, что он знаком с Катениным и А. А. Шаховским. С 1815 г. вместе с ним в канцелярии служит А. И. Пономарев, муж Софьи Дмитриевны, и Татаринов принят в их литературном салоне, где бывают и маститые литераторы — Гнедич, Батюшков, Крылов, и юные чиновники канцелярии Н. И. Бахтин и Д. Н. Свербеев, оставивший в своих записках описание этого своеобразного петербургского литературного гнезда.³

В этом блестящем кругу Татаринов все время отступает в тень, на периферию. Только через двадцать лет — в середине 1840-х годов — он решится выступить перед публикой в качестве автора и, словно наверстывая упущенное, станет десятками издавать стихи «на случай» (в том числе на смерть старых своих театральных знакомцев В. А. Каратыгина и П. Г. Григорьева 2-го),⁴ ура-патриотические вирши о событиях Крымской войны, «народные» песни и сказки, рассказы, но более всего драматические «фарсы» и водевили. Некоторые из них, как «Петербургская кухарка, или Приключения на Песках» (1856), переиздавались многократно уже после смерти автора. Впрочем, собственное творчество Татаринова не поднялось над уровнем безнадежной посредственности, что, кажется, он сознавал отчасти и сам.

Не Пушкин я, не Глинка, не Жуковский,
Не лезу силою и дерзко на Парнас,
Пишу стихи, как прежде Третьяковский,
Таких поэтов — тьма у нас! —

² Сведения о П. П. Татаринове извлекаются из его формулярного списка (ЦГА, ф. 1349, оп. 3, № 2210).

³ Свербеев Д. Н. Записки (1799—1826), т. I, М., 1899, с. 225—230.

⁴ См.: Последний букет на могилу первого русского трагика Василья Андреевича Каратыгина. От Петра Татаринова. СПб., 1853; Артисту и другу Петру Григорьевичу Григорьеву 2-му, скончавшемуся 17 октября 1854 года. В знак памяти от Петра Татаринова. СПб., 1854.

признавался он за три года до смерти в стихах «Скромное желание поэта», рядом с которыми поместил и автоэпиграмму на некую сочиненную им трагедию.⁵ В конце же 1810-х—начале 1820-х годов он, кажется, и вовсе не помышлял об авторской славе, довольствуясь скромным положением дилетанта. Но это дилетант просвещенный и наблюдательный, страстный поклонник литературы и театра, не чуждый и общественных интересов. Его письма к Бахтину содержат известия о новых книгах, о городских новостях, о спектаклях и актерах — Колосовой, Каратыгине, Яковлеве. Это целая хроника общественной и культурной жизни Петербурга, сохраняющая живые черточки социального, литературного и театрального быта 1810—1820-х годов. Вместе с тем это не просто рассказ, а своего рода диалог, из которого явственно выступает фигура адресата писем и намечаются контуры эстетических споров, в том числе и споров о Пушкине.

Эти споры связаны прямым образом с той борьбой против карамзинистов, Жуковского и «новой школы» поэтов-романтиков, которую ведет катенинская группа. Николай Иванович Бахтин (1796—1869) уже в конце 1810-х годов принадлежит к ней. Он верный ученик и адепт Катенина, подражающий своему учителю даже во внешнем поведении; он самоуверен и категоричен в суждениях. Он захвачен общественными веяниями преддекабристской эпохи: нападает на ханжество «фамусовской» Москвы, на Библейское общество и иронизирует над триумфальными празднествами в честь императора. Он исповедует идею общественного служения, за что Татаринов подтрунивает над ним: недостаточный чиновник, сам он служит из куска хлеба и упрекает Бахтина в «декламации» (письма от 22 октября 1817 и 28 января 1818 г.). Это лишь одно из нередких полемических столкновений между друзьями; за ними стоит разница в мироощущении умеренного чиновника и молодого «либералиста». Споры не приводят к разрыву: Татаринов, как обычно, обставляет свои возражения похвалами уму своего корреспондента и самоуничижительными оговорками, на которые, впрочем, набросен слегка иронический флер. Он знает себе цену, и его письма производят впечатление писем старшего к младшему, хотя между корреспондентами всего три года разницы: Татаринов нет-нет да и преподаст Бахтину урок житейского практицизма или литературной терпимости, в особенности когда дело касается новой современной литературы, прежде всего Пушкина.

Литературные темы возникают уже в ранних письмах Татаринова и совершенно естественно включают в себя споры «классиков» и «романтиков». 2 июля 1815 г. Татаринов посылает Бахтину выполненный М. Е. Лобановым перевод «Ифигении», а 18 июля уже подробно разбирает мнение Бахтина о переводе и о самом Расине. Для обоих Расин остается литературным образцом: романтическое противопоставление «Расин—Шекспир» не свойственно их эстетическому сознанию. Однако романтические веяния их уже коснулись: 13 августа Татаринов отправляет Бахтину из Павловска манифест романтиков — знаменитую книгу г-жи де Сталь, к которой он относится явно благожелательно: «Четвертую часть сочинения о Германии

---

⁵ [Татаринов П.] Посвящается моим друзьям. [СПб., 1855], с. 7—8 (цит. по конволюю ГПБ: шифр Л 30 Б-3/231, аллиг. 51).

потому посылаю к вам, любезнейший Николай Иванович, что ее можно читать отдельно от первых трех, — третья же есть только продолжение второй. По приезде в город постараюсь я доставить вам все три. Между тем желаю, чтобы чтение сего сочинения могло вам понравиться...».

Следующие письма относятся уже к 1817 г. За год с лишним оба корреспондента успели теснее сблизиться с петербургскими литераторами, и прежде всего с «младархайками» — Катениным, А. А. Жандром. Татаринovas посылает Бахтину отрывок из жандровского перевода «Гофалии» Расина и сообщает о собраниях у А. С. Шишкова, которые посещал Жандр.⁶ Все это совпадает с началом открытых литературных выступлений «младархайков» против Батюшкова, Жуковского и «новой школы» поэтов, к которой, с некоторыми оговорками, причисляют и Пушкина. В июле 1817 г. пишется «Студент» Катенина и Грибоедова, где пародируются все три поэта, а заодно и общий учитель их Карамзин. Когда осенью 1817 г. выходит вторая часть «Опытов» Батюшкова, она попадает в атмосферу уже зреющих полемик: на нее смотрят почти как на манифест. Оппозиция Батюшкову не примет сколько-нибудь острой открытой формы, даже когда в «Le Conservateur impartial» появится статья о нем С. С. Уварова — своего рода декларация «новой школы».⁷ Но через несколько лет критики Пушкина, Дельвига и Баратынского будут через их головы направлять полемические стрелы и в Батюшкова. Они станут пародировать «вакхические» мотивы у молодых поэтов и сделают кличкой последних формулу «баловни природы». То и другое восходило к Батюшкову; самое выражение сделалось ходовым после «Моих пенатов».

В переписке Татаринова и Бахтина мы слышим уже ранние предвестия этих эстетических и отчасти общественных разногласий. «Вышла вторая часть сочинений Батюшкова, — пишет Татаринов 5 октября 1817 г., — в которой есть хорошие стихи. Вообще стихосложение его нравится мне естественностью, игривостью и еще чем-то, чему слов не приберу. Ежели буду иметь время, сделаю выписку и сообщу на ваш суд. Жалеть буду, если они вам не понравятся». «Знаете ли, что Батюшков в самом деле не последний стихотворец, — продолжает он в следующем письме, от 22 октября, — его элегия „Умирающий Тасс“ мне очень нравится. Достаньте себе тот номер „Conservateur impartial“ от 16 октября, в котором о его сочинении отчет дают. Статья написана прекрасно и так, как у нас не пишут. Забавно только, что сочинитель оной между прочим говорит, qu'en

⁶ См. в нашей статье «Грибоедов в романе В. С. Миклашевич „Село Михайловское“» в кн.: А. С. Грибоедов. Творчество, биография, традиции. Л., 1977, с. 254—255.

⁷ О борьбе вокруг «Опытов» Батюшкова см.: Фридман Н. В. 1) Творчество Батюшкова в оценке русской критики 1817—1820 годов. — Учен. зап. Моск. гос. ун-та, 1948, вып. 127. Труды кафедры рус. литературы, кн. 3, с. 179—199; 2) Поэзия Батюшкова. М., 1974, с. 7 и сл. Текст статьи Уварова перепечатан в русском переводе, см.: Гилдельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974, с. 97—100; Литературно-критические работы декабристов. Статья, состав и подготовка текста и примеч. Л. Г. Фризмана. М., 1978, с. 329—331 (перевод А. Л. Андрус). В последнее издание статья Уварова включена как предположительно принадлежащая В. К. Кюхельбекеру, однако авторство Уварова подтверждается более вескими данными (там же, с. 329).

politique de même que dans la littérature toute chose est bonne en son temps.⁹ Каково вам это кажется?». И далее он приводит выписку из «Умиряющего Тасса» (от слов «Друзья, о дайте мне взглянуть на пышный Рим» до конца фрагмента: «Безвременно кончине обреченный») со своим примечанием: «Начало сих стихов совершенно лирическое».

Можно было заранее сказать, что Бахтин не согласится с этой оценкой. Адепт Катенина должен был стать на сторону своего учителя и его единомышленника Грибоедова. Вероятно, Татаринов предчувствовал возражения; в его письмах о Батюшкове слышится какая-то осторожно-уступительная интонация, как будто автор позволяет себе некую эстетическую крамолу и сам знает это. Бахтин отвечает ему подробным разбором, содержание которого отчасти восстанавливается из следующего письма Татаринова. Возражения Бахтина были направлены против поэтического стиля «новой школы» — он прямо писал об этом Татаринову. Он нападает на метафорические словоупотребления, на перифрастические обороты, — на все то, что пародировалось в «Студенте» и в известной рецензии Грибоедова на перевод Жуковского из Бюргера. В его критике слышится голос литературной партии. Татаринов гораздо умереннее, хотя его симпатии в целом также скорее «архаические», нежели «арзамасские».

«За принятый вами труд разобрать столь превосходимую всеми элегию Батюшкова „Умиряющий Тасс“, — пишет Татаринов 10 января 1818 г., — приношу чувствительную благодарность. Во всем почти хотел с вами сойтись, когда в первый раз прочел ваш разбор, и только приметить, что в стихах:

Как царь светил на западе пылает!
Он, он зовет меня к безоблачным странам,
Где вечное светило засияет, —

ничего ни вкусу, ни чувствам умирающего христианина противного нет; напротив, в них содержится мысль, хотя и не новая, но совершенно справедливая, что на умирающего, который силится уверить себя, что есть другая после сей жизни, более всего действует природа, вечно возобновляющаяся, и какое доказательство и обыкновеннее и величественнее того светила, которое оставляет землю для того только, чтобы опять осветить (?) ее через несколько часов и показаться на противоположной стороне. Из тысячи примеров, которые бы я мог привести в доказательство, что есть какое-то наслаждение для умирающих глядеть на захождение солнца, я напомню вам только одного Руссо, который велел приблизить к себе (*так!*) к окну и, глядя на заходящее спокойно и величественно солнце, испустить дух. Не могу передать вам всех чувств, которые во мне теперь толпятся. Скажу только, что я желал бы умереть вечером, и, конечно, велью себя вынести на двор, чтобы вместе с солнцем от сей жизни перейти к другой. Желание мое основано, может быть, на том, что горестно расставаться с сим светом и быть уверены, что через несколько часов нас забудут и никакой пустоты после нас не приметят...

Но теперь, прочитав еще раз ваш разбор, замечу, что нет ничего смешного в стихе

Приблизьте знак любви, сей таинственный крест,

⁹ что в политике, как и в литературе, все хорошо в свое время (*франц.*).

потому что он содержит в себе самую высокую и между тем всем известную христианскую мораль, которую здесь изъяснять я себе не позволяю в твердом увереннии, что она вам известна. *Крест* есть *знак любви*, скажу только. Не предосудительно так ни Тассу на смертном одре утешать себя мыслью, что он увидится с своею возлюбленною, ежели не подвержено сомнению, что в другой жизни ожидают нас награды. Известно всем, что Тасс к своей Елеоноре питал платоническую любовь, да ежели бы сего и не было, позволено стихотворцу облагородить его страсть до такой степени, что, изображая его умирающим, влагает в него мысли, доказывающие, что он страсти своей не почитает преступною.

И ты, о вечный Тибр, поитель всех племен.

„Почему *Тибр вечный*, — спрашиваете вы, — и почему поитель всех племен?“. Вот почему. Рим назывался *вечным градом*, *ville éternelle*. Все его здания обречены были вечности по тщеславию Римлян. Сие имя и теперь он имеет; следовательно, и Тибру можно и должно дать прилагательное *вечный*, уже и потому, что он за несколько тысяч лет был известен; о *Неве*, которую в пример приводите, так сказать нельзя. Знаете вы также, что Рим властвовал некогда над двумя третями тогда известного мира; все народы имели в нем не только своих богов, но и свои храмы и в известное время приходили все на поклонение и, следовательно, пили воду Тибра, а оттого он и назван *поителем всех племен*. Подходит ли Нева под сие изъяснение? Забыл сказать, что в Риме и по сие время дорога, по которой *целые племена* на поклонение приходили, носит имя *Via вечная*.

Можно ли нарисовать *сладостное воспоминание*? почему же о небе Италии не сказать *сладостное*?

В стихах:

Повсюду перст *ее* неотразимый!
Повсюду молнии карающей певца —

есть смысл: в первом подразумевается слово *есть*. *Повсюду роскошь* можно сказать; одно то нехорошо, что *фортуна*, к которому местоимение *ее* относится, далеко стоит. Во втором надобно читать: *карающая*.

Остается мне сказать, что напрасно Батюшкова называете побочным сыном Карамзина и Жуковского. Он более всего подражал *Парни*, французскому стихотворцу. Вы упрекаете первого в мечтательности, но можно ли такого роду стихотворения писать без нее? Есть люди, которые находят удовольствие смотреть на течение воды; неужели вы им запретите говорить о том? Непростительно было бы о цветочках и о многом подобном говорить в оде или в поэме, но в мелких произведениях, когда чувствительность и мечтательность не приторна, она извинительна и, позвольте сказать, особенную красоту составляет. Все хорошо у своего места. Вы не так созданы, чтобы вам нравились стихи Батюшкова. В них не требуется высоких мыслей и сильных чувств; игривость первых и нежность других при легком, чистом и плавном языке и при удачном стопосложении составляет все достоинство оных.

Нельзя, однако, не сказать, что вообще вы совершенно правы и разбор ваш есть тысяча и одно доказательство вашего ума и вкуса».

Письмо от 22 октября — единственное, полностью посвященное поэзии. Далее литературные темы почти исчезают, сменяясь театральными. Почти все письма 1818 г. заняты подробными отчетами о театральных спектаклях; Колосова и Каратыгин почти безраздельно господствуют в впечатлениях Татаринова. Затем переписка прерывается: Бахтин возвращается в Петербург. Писем за 1820 г. нет, и мы не знаем, как реагировали оба корреспондента на высылку Пушкина из Петербурга, в которой свою роль сыграл и знакомец их В. Н. Каразин, на выступления «союза поэтов» и развернувшуюся полемику вокруг «Руслана и Людмилы». Впрочем, Бахтин посвятил этой пушкинской поэме несколько строк в своей французской рецензии в «*Messure du XIX siècle*» 1824 г.: он сообщал, что Пушкин превзошел всех своих предшественников в шуточном роде, кроме Богдановича, которому должен уступить в простоте изложения.⁹ В печатном отзыве ощущалась дипломатическая сдержанность; так реагировал на «Руслана и Людмилу» и Катенин, лишь через несколько десятилетий высказавшийся более решительно и резко против этого произведения.¹⁰ Влияние Катенина на Бахтина с годами усиливалось; дебют Бахтина в печати, состоявшийся в 1821 г., — статья в «Сыне отечества» в защиту «Сплетен» Катенина.

Бахтин был выразителем мнения кружка: о его статье до ее напечатания знал А. А. Жандр, сообщивший о ней и Катенину; последний благодарил Бахтина письмом от 4 апреля 1821 г. — первым письмом, с которого начинается их сохранившаяся переписка. В 1822—1823 гг. за Бахтиным уже числится несколько полемических статей; он заявляет себя прямым учеником Катенина и противником «карамзинистов» и нарождающейся романтической школы. Он задевает Вяземского и Бестужева и резко критически настроен по отношению к Гречу.¹¹ В это время Катенина уже нет в Петербурге: 7 ноября 1822 г. он выехал из столицы по требованию властей и жил с тех пор в своем имении Шаево, пристрастно и ревниво следя за литературными и театральными событиями. Переписка его с Бахтиным становится систематической и не прерывается и тогда, когда Бахтин 9 мая 1823 г. уезжает в Париж в качестве секретаря канцлера российских орденов А. Л. Нарышкина.

1 (13) июня 1823 г. Татаринов посылает Бахтину за границу письмо с первым сообщением о новых стихах Пушкина: «На литературном горизонте нет новостей, кроме новой поэмы Пушкина „Разбойники“ — подражание „Шильонскому узнику“. Она еще не напечатана; редкие читали ее и хвалят стихи». «В „Сыне отечества“, — продолжает он, — были помещены два сочинения Туманского: „Больное дитя“ и „Жалоба“, — так хороши, что заслуживают рамочки, — и, к удивлению моему, всем нравятся».

Татаринов вновь обнаруживал интерес к романтической поэзии. Слух о «Братьях разбойниках» до него дошел рано: даже А. И. Тургенев получил список только 8 мая.¹² Менее чем за месяц поэма успела распростра-

⁹ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, с. 15.

¹⁰ Отзывы Катенина см.: Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. Л., 1974, с. 184, 191.

¹¹ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, с. 13 и сл.

¹² См.: Пявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951, с. 381.

ниться по столице. Сумел ли Татаринов прочесть ее — неизвестно; в последующих письмах он о ней не упоминает. Зато следующая пушкинская новинка — «Бахчисарайский фонтан» — вызывает у него восторг. Он пишет о ней Бахтину в письме 27 февраля (10 марта) 1824 г., когда по Петербургу уже ходят копии и текст поэмы читается в литературных кружках и даже на заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств.

«Литература наша цветет так, как цветут пруды, — пишет он. — Но при всем том кой-где появляются произведения, которые и вам, строгому ценителю, вероятно, бы понравились. Таков, напр., „Бахчисарайский фонтан“ Пушкина: прелестные стихи, жизни исполненные описания, какое-то неизъяснимое чувство, в целом сочинении разлитое, и особенная, творческому дару свойственная оригинальность делают его отменно привлекательным. Я хотел списать отрывок, по рукам ходивший; если опять достану, постараюсь прислать к вам. Крылов написал двадцать новых басен; но кто-то сказал прежде меня, что Крылову не удастся вновь сварить Демьяновой ухи.¹³ Зато версификация правильная и слог более обработан. *Se qu'on perd au fond, on regagne aux formes*».¹⁴

Бахтин получил это известие, вероятно, в первой половине апреля: письма шли обычно около месяца. Он писал к Катенину, спрашивая его о «Бахчисарайском фонтане»; и Катенин с некоторым запозданием отвечал ему, что «Фонтан» читал, что стихи «гладенькие, водяные», что в поэме нет «смыслу», композиция хаотична, поступки героев не мотивированы, — «одним словом, это *romantique*». Особенно раздражили его предисловие Вяземского, похвальный отзыв в «Сыне отечества» и печатное разъяснение Пушкина в защиту Вяземского: «они без всякой совести хотят силой оружия завладеть Парнасом: это уже не война Гигантов, а война Пигмеев».¹⁵

Письмо Катенина было написано 13 (25) июля, а 16 (28) июля отправляет свое письмо и Татаринов, где тоже рассказывает о начавшейся полемике и прикладывает список «Бахчисарайского фонтана»: «В литературе нет ничего нового, кроме полного издания стихотворений Жуковских. Один только кн. Шаховской пишет за всех: спасибо ему. Прилагаю при сем точную копию „Бахчисарайского фонтана“ и прошу вас сказать мне мнение. Стихотворение это было издано кн. Вяземским, которого разговор Романтика с Классиком, служащий вместо предисловия к поэме, был яблоком раздора. Сперва вступил с ним в бой Михайло Дмитриев, потом „Вестник Европы“, наконец „Благонамеренный“ и Булгарин. Побранились всерьезно; было время, что вздоры их становились даже интересны; но как все споры, и эти ничего не объяснили. Теперь бросились мы в ученость: один журнал описывает найденную медаль, другой разбирает сочинение Шамполеона о иероглифах: статьи прекрасные,¹⁶ но, к сожалению, убавляющие число подписчиков. И забыл было вам сказать, что X и XI томы

¹³ Парафраза строчки из «Послания в Вену к друзьям» М. В. Милонова (1818), ненапечатанного и ходившего в списках. См.: Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 539.

¹⁴ Что теряют в содержании, то приобретают в форме (*франц.*).

¹⁵ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, с. 65.

¹⁶ Статьи, о которых говорит Татаринов, были напечатаны в «Сыне отечества»; как он объяснил сам в письме от 1 (12) сентября, одна из них — «Изображение уголовного процесса», другая — «о египетских письме-

Истории Карамзина вышли. Содержание их весьма интересно, может быть, потому, что ближе к нам. XI-й том оканчивается смертью Лже-Дмитрия. Мне кажется, что слог их гораздо лучше предшествовавших. Что до меня, я не скрою, что читал их с величайшим удовольствием.

Как явствует из помет Бахтина, он получил это письмо 22 августа (нов. ст.) и ответил на него 2 сентября. В это время он знал уже мнение Катенина, и его разбор «Бахчисарайского фонтана» несет на себе очевидный след позиции учителя. Катенин убедил Бахтина, что поэма есть литературная агрессия «романтиков». Подобно Катенину Бахтин осуждает «вершинную композицию» и сюжетные эллипсисы; недоволен он и романтической фразеологией. И здесь мы встречаемся с любопытнейшим явлением: Татаринов, прежний единомышленник Бахтина, его литературный поверенный и постоянный корреспондент, становится его полным литературным антагонистом. Он отвергает все — начиная от исходных эстетических посылок. При этом антикритика ведется отнюдь не с романтических позиций: Татаринов, как и ранее, умеренный «классик»; он возражает против пристрастной нетерпимости Бахтина и Катенина. Это письмо Татаринова от 29 сентября (11 октября) 1824 г. мы приведем почти целиком — как яркий документ эстетического размежевания и красноречивое свидетельство «романтического завоевания» читателя.

«Получив письмо ваше № 7, я удивился не строгости приговора вашего, произнесенного на счет Бахчисарайского фонтана, а равно Истории Карамзина, но образу мыслей, с коими я, с позволения вашего, отнюдь не согласен. Не помню, какой-то французский критик бранил собратий своих за то, что они, объясняя недостатки, в сочинениях встречаемые, или, лучше сказать, находя красоты не на тех местах, на которых хотелось им видеть их, — лишают истинного удовольствия тех, которые, не читав таких толков, были бы довольны известным произведением. Из длинного и, по моему мнению, весьма основательного мнения его понял я то, что у всякого есть свой вкус и что для нравственных наслаждений нет точных законов; и потому не надобно удостоверять человека, который ест с аппетитом кулебяку, что пастет с трюфелями лучше. После сего скажу вам, что я не охотник спорить о литературе по многим причинам. Тем не менее, однако, позволяю себе сказать, что с приговором вашим на счет Фонтана не согласен. Вы любите, чтобы всякое стихотворение имело начало и конец. Неужели вы любите сочинения, в которых говорят: жил-был в таком-то царстве царь etc., а у него три сына, а потом и пошла потеха? — В Фонтане есть начало, и начало прекрасное: без воззвания, без приступа мы видим Султана и с первой строки начинается действие, и сцена приготовлена; идеал характера Султана сообразен с понятиями нашими о роскошных Султанах востока. В Фонтане есть и конец: Мария отравлена, Грузинка утоплена, а сладострастный обладатель их рыскает по белу свету, преследуемый воспоминаниями о Марии. Вы любите, чтобы стихотворение было одно целое. Фонтан есть повесть о Марии; повесть самая простая: она, может

нах — прекрасное извлечение из сочинения Шампольона. Первая Н. И. Тургенева, второе Батенкова, у которого завидные дарования». Обе статьи Татаринов считал «весьма интересными».

быть, слишком растянута эпизодом о евнухе, который не раз занимает первое место. По моему мнению, подлежит критике план этого сочинения. О некоторых выражениях, которые вам не нравятся, и поделом, потому что они взяты не из Фонтана, я ничего не говорю, предаю их вам в жертву. Несколько неудачных или изысканных выражений портят, конечно, сочинение, но не лишают его истинного достоинства, которое приобретается изобретением, расположением, изображением характеров, колоритом.

Я вижу, вы не любите Романтической поэзии, если она существует; прочитавши Гете, я переменил свой образ мыслей насчет оной. Романтическая поэзия имеет свои красоты; она, по моему мнению, представляет ту выгоду для воображения читателя, что позволяет ему оживотворять то, что с намерением слабо нарисовано или только очерчено. Зачем, впрочем, приписывать ей то, что строгий вкус отвергает везде? Есть писатели, строго следующие правилам классической поэзии, у которых встречаем чепуху, бессмыслицу и прочее, что с некоторого времени за действительную принадлежность Романтической поэзии почитают. Есть у Шиллера сцены, каковых, по высоте чувств, не имеется у французских классиков. Я говорю это для того только, чтобы сказать, что недостатки не составляют рода поэзии, точно так как и красоты, которые относительноны, судя по разным родам оной. Говоря о Романтической поэзии, опишу вам виденную мною картину. У растворенного окна готической залы сидит прелестная женщина и глядит на дальнее море, позлащенное последними лучами солнца. Подле нее стоит арфа, на которой еще покоится ее рука. Взор останавливается на прекрасном стане, а море и умирающий день погружают вас в сладкую задумчивость. В первую минуту не примечаете вы, что фигура сидит к вам задом и что вы не видите ее лица. Живописец не хотел и не мог его изобразить: он лишился милой и прелестной жены и не решился написать ее портрета, а предоставил зрителю приставить такое лицо, какое кому по вкусу. У всякого есть или будет то, которое всегда пред глазами. Картина эта, имеющая много достоинств, есть изображение той Поэзии, которую вы не любите.

Вместо критикуемых вами стихов приведу другие, которые мне нравятся:

... Но кто с тобою,
Грузинка, равен красотою?
Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи.
Вокруг лилейного чела
Ты дважды косу обвила.

Довольно о Поэзии. Вы один заставили меня сказать более, чем я когда-либо об этом предмете говорил. Относительно Истории Карамзина вы слишком строги, не сказав, однако, чего вы от него хотите. Упомянув, что есть Истории, так сказать, пиитические, риторские, суеверные, философские и политические, вы спрашиваете, к какому роду принадлежит История Карамзина? Если я вместе с вами отвечать буду: ни к какому, ведь я недурной дам ответ, потому что история не есть философия и политика, а просто повествование. Следственно, История Карамзина, не принадлежа ни к одному

из вычисленных вами родов, составляет особый класс, к которому, по моему мнению, принадлежит История Гюма и Иоганна Миллера. Вот и все тут. Надобно у Карамзина критиковать то, что может подлежать критике, т. е. если он выпустил важные обстоятельства, объясняющие какое-либо происшествие, описал происшествия неважные, а опустил такие, которые верно изображают дух описываемого времени. Пара или две дурных выражений ничего не значат в огромном сочинении. „Некрещеная — это ругательство, — говорите вы, — простительно в устах крещеного, но необразованного монаха, но в устах историка XIX века... Некрещеная! Кто же? Католичка!“ — В Фонтане нашли вы такие выражения, каких не существует там, позвольте же мне усумниться в верности и последнего показания до того времени, пока не укажете страницы. С вами спорить трудно; памяти, остроты и ума у вас палата; но будьте справедливы и беспристрастны; тогда не противоречия, но совершенного с моей стороны согласия ожидайте.

Мы не знаем, что отвечал Бахтин на эту отповедь. В своей французской статье в «Этнографическом атласе» Бальби (1826) он еще раз коснулся «байронических» поэм Пушкина, в осторожной форме упрекая их в отсутствии плана и целостности, в однообразии чувств и повторении излюбленных оборотов.¹⁷ Дипломатичность отзыва была вполне объяснима: «катенинская группа» все более теряла сторонников. Даже Шаховской принял «Бахчисарайский фонтан» и переделал его в романтическую трилогию «Нерим-Гирей», создав одну из наиболее удачных сценических интерпретаций Пушкина в 1820-е годы.¹⁸ Внутри группы, никогда не бывшей монолитной, шло брожение.

«Романтическая волна» ширилась, и о ней говорят последние письма Татаринова, написанные в интересующую нас эпоху. 8 (20) мая 1825 г. он пишет следующее письмо с упоминаниями о Пушкине, — на этот раз о первой главе «Онегина», вышедшей в свет в середине февраля.

«Важнейшая новость, — пишет Татаринов, — есть возмущение, поднятое Гречем против Жуковского; величают его все еще почтеннейшим В. А., но находят в нем неясности, запутанности, подражание и отымают почти все гениальное. Он молчит, как и следует, но за него подвизается к. «назь» Вяземский. Петербургские журналы все на коленях перед Пушкиным, который напечатал начало романа в стихах, под фирмой Онегин. Стихи прекрасные. Поэма эта, или, как сам сочинитель называет, роман, написан во вкусе поэмы Ариосто, впрочем, издана одна только глава.

Для образчика приведу стихи, которые мне не нравятся, но всеми почти выхваляются. Мне они кажутся слишком манерны:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,

¹⁷ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, с. 17.

¹⁸ Гозенпуд А. А. А. А. Шаховской. — В кн.: Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961, с. 57—58.

И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет.

Вот и другие, которые отменно нравятся Семену Федоровичу.¹⁹

Я помню море пред грозой:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам.

Следующие стихи любит Иван Иванович:

Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле,
С венецианкою младой,
То говорливой, то немой,
Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык Петрарки и любви.

Мне лучше поэмы нравится разговор Пушкина с книгопродавцем, поставленный вместо предисловия.

Булгарин вздумал учить Карамзина. Нашел кучу противоречий, неверных ссылок и ошибок против логики в X и XI томе его Истории.

Рылеев издал свои Думы, которые, по моему мнению, не без достоинств, и поэму „Войнаровский“. Явился новый поэт, слепой, подобно Гомеру, по прозванию Козлов, который в молодых годах был известный танцор и едва-едва мог написать записочку, а теперь пишет прекрасные стихи. Между прочим, он издал „Чернеца“, киевскую повесть, в которой есть и чувство и стихи изрядные, но зато есть одно место, которое в Франции уронило бы все сочинение».

Это был последний подробный отчет о литературных новостях, который мы находим в письмах Татаринова. Далее переписка прерывается на несколько лет: Бахтин приезжает в Петербург, и пропадает надобность в письменном общении.

Из четырех сохранившихся писем за 1828 г. мы знаем только, что Татаринов деятельно выполнял литературные комиссии Бахтина: переписывался с М. Ф. Павловым, издателем «Атеней», обращался к Гречу и Булгарину, устраивая в печать статьи своего приятеля. Писать у него почти нет времени: он обременен и служебными делами. Их переписка возобновляется лишь через десять с лишним лет, в 1841 г., когда наступает новый период литературной жизни, который уже не может нас здесь интересовать.

В. Э. Вацуро

---

¹⁹ С. Ф. Яковлев — естествоиспытатель, любитель литературы, знакомый Татаринова и Бахтиных.

СЛОВАРНАЯ СПРАВКА ПУШКИНА

(комментарий к комментарию)

Среди пушкинских текстов внимание лексикологов и лексикографов привлекает неясного назначения лексикографическая справка, адресованная П. А. Вяземскому:

«Араб (женского р. не имеет), житель или уроженец Аравии, аравитянин. *Караван был разграблен степными арабами.*

Арап, ж. арапка, так обыкновенно называют негров и мулатов. *Дворцовые арапы*, негры, служащие во дворце. *Он выезжает с тремя нарядными арапами.*

Арапник, от польского *Herapnik* (de *harap*, cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie. *Reiff*) NB *harap* vient de *Herab*.

А право, не худо бы взяться за Лексикон, или хоть за критику лексиконов» (XVI, 208).

Эта записка впервые и довольно подробно прокомментирована в «Письмах последних лет» Пушкина. Отсутствие прямых фактов заставило дать комментарий в модальных рамках приблизительности и предположения. Вот его опорные моменты: записка «точной датировке не поддается» (конец мая 1835—1836 гг.); «Назначение лексикографической справки, сделанной Пушкиным для Вяземского, неизвестно. Возможно, что она была обоснованием каких-то замечаний Пушкина по поводу словоупотребления в статье Вяземского» (что случилось и прежде); «Не исключена также возможность, что письмо написано как лексический комментарий к „Арапу Петра Великого“» (также для Вяземского); «Можно думать, что замечание Пушкина о необходимости „критики лексиконов“ прямо или косвенно связано с его участием в работе Российской академии в 1833—1834 гг.»¹ В комментарии совсем опущена лексикографическая интерпретация текста.

Представляется, что дальнейшего обоснования и уточнения требуют датировка заметки, ее отправная точка (повод), ее назначение, ее источники. Обсуждению этих вопросов и посвящена статья.

Внимание Пушкина к семантике слов *араб* и *арап* не случайно: в конце XVIII—первой трети XIX в. нередко — в литературе, в устной речи, в словарях — наблюдалось смешение этих слов. Они употреблялись синонимично в широком аспекте значений: с одной стороны, «араб», «аравитянин», с другой — «арап», «негр», «мавр», «мулат» (шире — «человек с темной или черной кожей»). См. примеры: «Великий натуралист Линней в своей „Системе природы“ называет сих чудных тварей ночными людьми, или белыми арабами. Они живут в середине Африки <...> Тело их бело, как молоко, и вполовину меньше нашего, волосы курчавы»;² «Арапская, или арабская, живопись».³ Поскольку ни первое (1789—1794), ни второе (1806—1822) издания «Словаря Академии Российской» не дают ни одного из вышеперечисленных слов, обратимся к русско-иноязычным словарям, имевшим практи-

¹ Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, с. 350.

² Московский журнал, 1792, ч. VII, с. 252.

³ [Яновский Н.]. Новый словотолкователь. . . , ч. I. СПб., 1803.

ческий характер и потому менее подверженным академической регламентации в отборе слов. Словарь Нордстета: арап — ein Mohr, Neger, une More, Négre, но арабка (sic!) — eine Mohrin, Négerin, une Nègresse;⁴ словарь Гейма: аравитянин — l'arabe, der Araber, аравитянка — l'arabe, die Araberin;⁵ словарь Рейфа: араб — un negre, арабка — une négresse.⁶ Литературный пример середины века: «Черная, как поношенный атлас, старуха-негрятка, с платком на голове, чистила ножи. Увидев меня, она высунула язык <...> Хозяйка, заметив, как встречает нас арабка, показала на нее, потом на свою голову <...> давая знать, что та не в своем уме» (Гончаров. «Фрегат „Паллада“», т. I, гл. 4). Такое смешение слов и понятий было настолько распространено, что еще В. И. Даль в своем известном словаре (60-е годы) в словарной статье на *арап* вынужден был предостеречь: «Арапа нельзя смешивать с арабом, аравитянином, как и производные: арапский, арабский».⁷

Орфоэпическое сходство слов *араб* и *арап*⁸ при слабом знакомстве с этнической географией привело к отождествлению понятий и появлению орфографической пары *араб* / *арап*. В конце XVIII—первой трети XIX в. надо было быть достаточно образованным человеком, чтобы различать то и другое. Нечеткая, неоднозначная соотносимость между словами и понятиями требовала какого-то решения.

В записке Вяземскому Пушкин выстроил две лексические цепочки: *арап* / *арапка*, *негр*, *мулат* и *араб*, *аравитянин*. Почти все эти слова нашли свое правильное объяснение в толковых словарях русского языка лишь после смерти поэта: *негр* — в академическом словаре 1847 г., *мулат* — в словаре Даля, *араб* и *аравитянин* — в «Словаре русского языка» 1895 г. (под редакцией Я. Грота).⁹ Только в словаре П. И. Соколова, имевшемся у Пушкина, даны слова *арап* и *арапка* с соответствующими толкованиями.¹⁰ Поэтому в построении двух своих словарных статей (на слова *араб* и *арап* / *арапка*) Пушкин мог опереться на существующие словари лишь отчасти.

Прежде чем перейти к конкретному рассмотрению словарной справки Пушкина, отметим, что сам он не только смыслообразительно употреблял слова *араб* и *арап*, не только синонимически использовал слова *арап* (всего 52 раза) и *негр* (15 раз),¹¹ но и усматривал их синоним в слове *африканец*. См. в первой же главе «Арапа Петра Великого»: «молодой африканец», «арап Ибрагим», «смотрели на молодого негра». Однако контекст употреб-

⁴ Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь, ч. I. А—Н. СПб., 1780.

⁵ Гейм И. Новый российско-французский словарь..., т. I. А—К. М., 1799.

⁶ Рейф Ф. Русско-французский словарь..., т. I. А—О. СПб., 1835.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I.

⁸ Образованы от самоназвания арабских народов *эль-араб*. Второе пришло к нам через тюркские языки (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I. А—Д. М., 1964, с. 83).

⁹ Даль, употребив слово *араб* в приведенной выше фразе, все же не дал его в качестве заголовочного (т. е. толкуемого) слова.

¹⁰ Соколов П. Общий церковно-славяно-русский словарь..., ч. 1. СПб., 1834.

¹¹ Цифры взяты из «Словаря языка Пушкина».

ления этих слов здесь и в других местах говорит о том, что слово *африканец* для Пушкина (и это соответствует действительности) — синоним не языковой, а текстуальный; поэтому Пушкин не включил его в словарную статью на слово *арап*.

По своему содержанию пушкинская записка как бы делится на две части: толковую и этимологическую; в первой раскрывается значение слов *араб* и *арап*, во второй — происхождение слова *арапник*. Заключительный абзац на первый взгляд мало мотивирован и может быть понят лишь в контексте ситуации, вызвавшей записку.

Значение слова *араб* раскрывается Пушкиным не только описательно, но и через синоним *арабгитанин*, что вполне согласуется с тогдашней семантикой этого слова (ныне эта синонимическая связь утрачена). Указание на отсутствие формы женского рода («женского р. не имеет») применительно к прежней языковой норме также безошибочно. Даже в «Словаре русского языка» конца XIX в. (1895) слово *арабка* еще сопровождалось пометой *«малоупотр.»*. Кстати сказать, подобные указания (вроде пушкинского, т. е. относящиеся к установлению нормы словоупотребления) вообще не были в арсенале тогдашней русской лексикографии. Эта оговорка Пушкина была, по-видимому, продиктована особыми обстоятельствами, вызвавшими записку (о них см. ниже).

Первый абзац заметки носит характер словарной статьи толкового словаря филологического типа. В ней есть основные ее элементы: заголовочное слово, истолкование его значения, пример употребления слова в контексте. И толкование, и контекст даны по-пушкински сжато. Возникает вопрос: каково происхождение фразы «Караван был разграблен степными арабами»? Самостоятельна ли она, извлечена ли откуда-нибудь или навеяна чем-то? Сходную по описанной ситуации фразу можно найти в повести Ж. Ф. Мармонтеля «Безонские лодочники» («Les bateliers de Besons»), имевшейся в библиотеке Пушкина: ¹² «Je suivais une caravane pour gagner la Syrie, où j'allais m'embarquer, lorsqu'au-delà de Tigre, dans les plaines du Diarbek, la caravane fut attaquée par les Arabes, et les bons Musulmans et moi nous fûmes tous dévalisés» ¹³ («Я следовал за караваном, чтобы достичь Сирии, где намеревался сесть на корабль, когда за Тигром, в степях Диарбека, на караван напали арабы и ограбили всех добрых мусульман и меня»). Совпадение ситуации и лексического инвентаря во фразах Мармонтеля и Пушкина вызывает мысль о том, что в поисках оправдательного примера Пушкин — по памяти или обратившись к тексту — мог оттолкнуться от французского источника, хотя с таким же правом можно говорить и о самостоятельности пушкинской фразы.¹⁴

¹² См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, с. 282.

¹³ Oeuvres complètes de Marmontel. Nouvelle édition. T. V. Paris, 1818, p. 316.

¹⁴ Подобная конденсация смысла вообще характерна для Пушкина-переводчика. В этом смысле показателен отрывок из его перевода написанной на немецком языке биографии А. П. Ганнибала. Сопоставим ниже три текста. Немецкий текст: «Doch die merklichen Vorzüge die Frankreich zu der Zeit für Rußland hatte; die damalige Pracht des Hofes und selbst die eingenehmere Himmelsgegend, die der Natur eines Afrikaners angemessener

Семантически разграничив слова *араб* и *арап*, Пушкин обратил внимание на их женские соответствия. Если названия *араб* и *арап* являются неизбежно общеупотребительными в силу их этнонимического значения (занимают важное место в иерархии понятий, являясь денотатом понятия «представитель такого-то народа, такой-то этнической группы», что превращает их в слова общего рода), то женские соответствия подобных слов появляются в заимствующем языке не с той же неизбежностью и во многом зависят от внутренних потребностей самого языка. Пушкин в своей справке отметил то, что было в узусе: слово *араб* «женского р. не имеет», к слову *арап* — «ж. *арапка*».¹⁵ Причем оба эти указания дополнительно вписаны в записку (XVI, 208); это говорит о том, что они появились позднее, когда были написаны по крайней мере два первых абзаца,¹⁶ и в результате каких-то дополнительных размышлений.

В пушкинском истолковании слова *арап* наблюдается некоторое сходство с соответствующим толкованием в словаре Соколова. На такую мысль наталкивает однотипность синтаксических конструкций фраз. В словаре Соколова о слове *арап*: «Так в просторечии называют негров, людей чернотелых»; у Пушкина: «так обыкновенно называют негров и мулатов». Если узусная оценка слова («в просторечии» и «обыкновенно») зависит не от истолкователя, а от самого слова, от его положения относительно тогдашней лексико-стилистической нормы, то однотипное построение фраз и бросающееся в глаза совпадение лексики позволяют, кажется, думать, что Пушкин мог воспользоваться домашним экземпляром словаря Соколова.

---

waren, hatten für ihn so viele unwiderstehlich Reitze, daß er seiner Beruf nach Norden nicht so gleich gefolget...». Современный перевод: «Однако заметные преимущества, которые Франция в то время имела перед Россией, тогдашняя роскошь двора и даже климат, более благоприятный природе африканца, представляли для него столько невозможной прелести, что он не сразу последовал вызову на север...». Конспективный перевод Пушкина: «Но просвещение, роскошь и самый климат Франции остановили молодого арапа — и для того он отлагал свое возвращение...». См.: Руюю Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 47, 53, 37.

В библиотеке Пушкина повесть Мармонтеля была не только на языке оригинала, но и на русском языке в переводе Карамзина (см.: М о д з а л е в с к и й Б. Л. Библиотека Пушкина, с. 48—49). Вот как читается в этом переводе приведенная выше французская фраза: «Уже мы были недалеко от Сирии, где мне надлежало сесть на корабль; уже караван, к которому я пристал, переправился через Тигр, как вдруг откуда ни взялись арапы, напали на караван и ограбили всех добрых мусульман, а с ними и меня, доброго христианина» (Новые Мармонтелевы повести, изданные Н. Карамзиным. Пер. с франц. Ч. 2. Изд. 2-е. М., 1815, с. 19). Нетрудно заметить, что если Пушкин и воспользовался повестью Мармонтеля, то скорее на языке оригинала, чем в переводе. Следует также отметить, что даже Карамзин для передачи французского *arabe* использовал слово *арапы*.

¹⁵ У самого Пушкина нет ни одного случая употребления слова *арапка* и лишь трижды употреблено слово *арапка*.

¹⁶ Или после написания третьего абзаца, в котором использован словарь Рейфа, дающий несуществующую, по мнению Пушкина, форму *арапка*, что и могло побудить его к вставке.

В абзаце на слово *арап* Пушкин приводит сочетание *дворцовые арапы* — постольку, поскольку в нем слово *арап* предстает в несколько ином смысле: «чернокожий слуга». Следует отметить, что Пушкин первый это употребительное тогда значение оформил лексикографически (оно впервые фиксируется в словаре Даля).

Теперь перейдем к этимологической части пушкинской записки. Пушкин не дает толкования слова *арапник* — очевидно, потому, что не было в этом конкретной (вызванной задачей справки) необходимости и, возможно, потому, что данное слово присутствовало во всех словарях. И если оно могло вызвать интерес, то не своим содержанием или написанием, а происхождением.

Пушкин — хотя и не дословно — выписал этимологию слова из словаря Рейфа, сославшись на него (*Reiff*). Этимологическая цепочка, приводимая Рейфом, в основном верна (она не объясняет перехода *herap* → *herapnik*).¹⁷ Делая выписку, Пушкин акцентировал внимание адресата записки (дав помету NB) на исходные элементы цепочки: *herap* и *harap*, т. е. прокомментировал этимологические данные с нужной ему целью (об этой предположительной цели речь ниже). Следует попутно отметить, что, приняв рейфовскую этимологию слова *арапник*, Пушкин отверг соотносимость слов *араб* и *negre* (трудно предположить, что он не взглянул на интересовавшее его слово, находящееся к тому же рядом).

Прежде чем перейти к заключительному абзацу записки, выскажем соображения о более или менее ясной цели ее написания и предполагаемом поводе. Общая ее задача: внести ясность в не различившиеся многими значение и (в связи с этим) написание слов *араб* и *арап*. Что же могло послужить конкретным поводом к записке?

Записка адресована Вяземскому, из чего делалось осторожное предположение, что «она была обоснованием каких-то замечаний Пушкина по поводу словоупотребления в статьях Вяземского».¹⁸ Однако ни предшествующим комментатором, ни нами пока не обнаружены следы, указывающие на связь пушкинской лексической справки с текстами Вяземского.

Публикаторы записки датируют ее второй половиной 1835—1836 г. (XVI, 208) или концом мая 1835—1836 г.¹⁹ Из этих датировок мы и исходим. Поиски публикаций, с которыми могла бы быть связана пушкинская словарная заметка, привели к роману И. И. Лажечникова «Ледяной дом», в котором имеются интересующие нас слова и именно в той орфографии, которую Пушкин отрицал: *араб* (=арап) и *арабка* (=арапка). Цитируем по первому изданию романа, полученному Пушкиным от автора (пушкинский экземпляр утрачен): «Из-за высокой спинки кресел видна черная, лоснящаяся голова, обвитая белоснежной чалмой, как будто для того, чтобы придать еще больше достоинства ее редкой черноте. Можно было бы почтить ее за голову куклы, так она неподвижна, если бы в физиономии

¹⁷ Этот пробел восполняет словарь Линде, имевшийся у Пушкина (Linde M. S. B. Słownik języka polskiego, t. 1, cz. 2. G—L. Warszawa, 1808, s. 820). См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 83.

¹⁸ Пушкин. Письма последних лет, с. 350.

¹⁹ Там же, с. 177.

араба не выливалась душа возвышенно-добрая» (ч. I, гл. 1); «Молодая пригожая негритянка с коралловым ожерельем вокруг черной шеи <...> умильно улыбнулась своему соотечественнику <...> Араб с своею соотечественницею отошли в сторону» (ч. II, гл. 10); «Не покидай меня, — сказала Маргорица, стиснув руку арабке» (ч. IV, гл. 8).

По выходе в свет (июль 1835 г.)²⁰ «Ледяной дом» вызвал большой интерес и толки. «Говорят о новом романе Лажечникова», — писал Вяземский А. И. Тургеневу 8 сентября 1835 г.²¹ «Скажу вам как человеку, который меня любит <...> что в Петербурге мой „Ледяной дом“ имел успех, какого еще не имел на Руси ни один роман: у Сампсониевского кладбища, где похоронен Волынский, был настоящий съезд карет <...> Письмами, исполненными похвал, я завален», — сообщал Лажечников Белинскому 12 ноября 1835 г.²²

Среди читателей романа были и такие, которые заинтересовались не только фабулой и ее исторической подоплекой, но и как произведением, имеющим литературные и языковые достоинства. Пушкин, указав недостатки романа по исторической части и высоко оценив его художественную сторону, писал Лажечникову 3 ноября 1835 г.: «Позвольте сделать вам филологический вопрос, коего разрешение для меня важно: в каком смысле упомянули вы слово *зобот* в последнем вашем творении и по какому наречию?» (XVI, 82). Вопрос этот свидетельствует о более чем внимательном (доходящем до каждого слова) чтении романа Пушкиным.

Если словарная справка составлена для Вяземского, если она, по нашему предположению, мотивирована словоупотреблением Лажечникова, то для ее датировки необходимо выяснить, когда Пушкин и Вяземский прочли роман и могли вести о нем разговор.

Вяземский в письме А. И. Тургеневу от 8 сентября, сообщая последнему о толках вокруг романа, оговаривается, что он его еще не читал. Пушкин 7 сентября выехал из Петербурга, не прочитав романа, и вернулся 15—23 октября.²³ Октябрем—ноябрем датируется его неустановленная запись: «На днях прочел я новый роман Лажечникова».²⁴ 3 ноября Пушкин пишет цитированное выше письмо Лажечникову. Отсюда, кажется, следует, что Пушкин прочитал «Ледяной дом» в конце октября—начале ноября и что соответствующий обмен мнениями с Вяземским не мог состояться ранее этих дней, хотя и мог произойти в любое время потом. Уместно все же предположить, что скорее всего он состоялся под свежим впечатлением от прочитанного романа, т. е. в конце октября—ноябре 1835 г.

Словарная справка Пушкина составлена для Вяземского. За нею нам слышится их спор об употреблении Лажечниковым слов *араб* и *арабка*. Во всяком случае, сам Вяземский прибежал к подобному словонаписанию:

²⁰ См.: Рукою Пушкина, с. 213. Ср.: роман поступил «в продажу в конце лета» (О п у л ь с к и й А. И. жизнь и перо на благо отечества. М., 1968, с. 112).

²¹ Остафьевский архив князей Вяземских, т. III. СПб., 1899, с. 268.

²² Белинский и его корреспонденты. М., 1948, с. 177.

²³ См.: Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. М., 1975, с. 373.

²⁴ Рукою Пушкина, с. 213. Написано на черновике стихотворения «На выздоровление Лукулла», перебеленный автограф которого датируется 9 ноября 1835 г. (III, 1265).

«Пушкину поклон. Что его дело? Дядя его выпотел послание к другому племяннику (Л. С. Пушкину, — Е. Л.), белому арабу» (из письма к В. Ф. Вяземской от 17 июля 1824 г.).²⁵ В пользу предположения о том, что между двумя поэтами состоялся спор о правильном значении и, в связи с этим, написании слов *араб* и *арап*, косвенно говорит знак *NB* в этимологической части записки: им Пушкин обращает внимание оппонента на приводимый авторитетным словарем исходный этимологический элемент слова *арапник* (нем. *herab*). По-видимому, в ходе разговора это русское слово было привлечено по сходству (*арап* — *арапник*), иначе трудно объяснить его появление в справке.

Наконец, о последнем абзаце пушкинской записки: «А право, не худо бы взяться за Лексикон, или хоть за критику лексиконов». Предположение о том, что «замечание Пушкина о необходимости „критики“ лексиконов прямо или косвенно связано с его участием в работе Российской академии в 1833—1834 гг.»,²⁶ может быть принято лишь в самой общей форме.

Высоко оценивая быструю и успешную работу Академии по созданию первого толкового словаря русского языка (1789—1794, в 6 томах), Пушкин сдержанно относился к ее деятельности по подготовке нового словаря.²⁷ «Если издание словаря 1789—1794 гг. удовлетворяло современности и осознавалось как монументальный памятник эпохи, то шишковская его редакция явно отставала от своего времени».²⁸ Пушкин, избранный в Академию, не принял никакого участия в словарной деятельности.²⁹

Не связана с созданием нового академического словаря пушкинская лексикографическая заметка и в практическом плане: 28 января 1832 г., когда Пушкин в первый раз присутствовал на заседании Академии как ее новоизбранный член, обсуждали слова, идущие после прилагательного *бумазейный*;³⁰ к октябрю 1835 г., т. е. к предполагаемому времени написания записки, Академия коллективно проработала словарные листы до слова *вытрясаться*³¹ (в пушкинской же записке — слова на *а*).

Не верно ли предположить, что пушкинское «не худо бы взяться за Лексикон» есть выражение его неудовлетворенности существующими словарями вообще? Во всяком случае, сама лексическая справка — уже их критика.³²

²⁵ Остафьевский архив князей Вяземских, т. V, вып. 1. СПб., 1909, с. 31.

²⁶ Пушкин. Письма последних лет, с. 350.

²⁷ См. подробнее об этом: Левашов Е. А. Пушкин и академические толковые словари. — Русская речь, 1977, № 3.

²⁸ Державин Н. С., Обнорский С. П. История техники издания Словаря русского языка Академии наук СССР. — Вестник АН СССР, 1932, № 7, с. 19.

²⁹ См.: Модзалевский Б. Л. Пушкин — член Российской академии. — Изв. АН СССР, 1934, № 5, с. 50.

³⁰ Архив АН СССР, ф. 8, оп. 1, № 38 (1833), л. 11.

³¹ См.: Розанова В. В. Словарь церковнославянского и русского языка Академии наук. СПб., 1847. Т. I—IV (История создания, принципы построения). Л., 1952, с. 309 (канд. дис.).

³² Ср.: «В 1835 г. он (Пушкин, — Е. Л.) сообщает в письме П. А. Вяземскому целый проект словаря русского языка. Араб и т. д.» (Малаховский В. А. Язык писем Пушкина. — Изв. АН СССР, 1937. Серия обществ. наук, № 2/3, с. 582).

В этом комментарии к комментарию мы — в силу той же неизбежности (отсутствие бесспорных фактов) — остались в рамках приблизительности и предположения. Но наши предположения основаны на дополнительных соображениях относительно датировки, цели, повода, происхождения и содержания лексической записки Пушкина.

Е. А. Левашов

ЗАПИСЬ ПУШКИНА НА МОРДОВСКОМ ЯЗЫКЕ

Пушкин во время поездки осенью 1833 г. в Поволжье и на Урал по местам восстания Пугачева делал записи в дорожной записной книжке. Записи эти производились карандашом, торопливо, видимо в дороге, «на ходу», и на коротких остановках. Среди других на первом листе книжки имеется запись: «Оцюш кайбас, бог».

Эта запись впервые была опубликована в 1929 г.,¹ печатается многие годы в собраниях сочинений Пушкина, содержащих «Историю Пугачева», но до сих пор не была прокомментирована. В книге «Рукою Пушкина» М. А. Цявловский ограничился словом «непонятно».² Н. Ф. Калинин предположил, что это, «вероятно, какая-нибудь этнографическая заметка»,³ не объяснив ее. Н. В. Измайлов пришел к выводу, что Пушкин записал «название какого-то племенного (калмыцкого?) бога».⁴

Мы полагаем, что запись сделана А. С. Пушкиным по-мордовски. Попытаемся прочесть и объяснить ее.

Существуют два мордовских языка — мокшанский и эрзянский. В современном мокшанском литературном языке понятие «бог» выражается словами «шкай» и «шкабас»,⁵ в эрзянском языке — словом «пааз».⁶ В нормативном мокшанском словаре слова «оцюш» нет, но есть похожее слово «оцю», которое означает «большой», «высокий» в смысле «значительный».⁷ Приведенные слова прямо не совпадают со словами, записанными Пушкиным, однако можно заметить их сходство, особенно при слитном написании (сравните «оцюшкайпаз» с «оцюшкайбас» у Пушкина). В записи Пушкина

¹ Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде. Сост. Л. Б. Модзалевский. Л., 1929, с. 26.

² Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Л., 1935, с. 338.

³ Калинин Н. Пушкин в Казани. Казань, 1942, с. 53.

⁴ Измайлов Н. В. Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». — В кн.: Труды III Всесоюзной Пушкинской конференции. М.—Л., 1953, с. 271. См. также: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 275.

⁵ Мокшанско-русский словарь. Сост. С. Г. Потапкин и В. К. Имяреков. М., 1949, с. 305; Русско-мокшанский словарь. Сост. С. Г. Потапкин и В. К. Имяреков. М., 1951, с. 32.

⁶ Русско-эрзянский словарь. Под общ. ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганкова. М., 1948, с. 26.

⁷ Мокшанско-русский словарь, с. 146; Русско-мокшанский словарь, с. 35, 89.

просматриваются два слова, «оцю» и «шкай», из мокшанского языка и однозначное с последним слово «пас (бас)» из эрзянского языка.

Мордовские литературные языки были созданы после Октябрьской революции: окончательно оформились они в 30-х годах. В языке мордвы в XIX в. имелось (да и поныне еще сохраняется) большое число говоров (диалектов), отличающихся, естественно, от литературных мокшанского и эрзянского языков. Мордва-мокша и мордва-эрзя нередко жили смешанно, постоянно общаясь между собой. В результате появлялись говоры мордвы, испытавшие сильное взаимное влияние эрзянского и мокшанского языков. С одним из таких говоров, видимо, и имел дело А. С. Пушкин.

По печатным источникам нам удалось установить существование говора мордвы, употреблявшей в речи выражение «оцю шкай пас». Это — говор мордвы-мокши села Урюм бывш. Тетюшского уезда Казанской губернии, ныне Тетюшского района Татарской АССР. Говор мордвы-мокши этого села был изучен в 1915 г. известным мордовским ученым, языковедом, фольклористом и этнографом М. Е. Евсеевым (1864—1931); он описал этот говор в работе «Мордва Татарской Республики», опубликованной в 1925 г. М. Е. Евсеев отмечал: «Нагорная (живущая на правом берегу Волги, — А. Н.) эрзя и мокша, живя в течение нескольких веков бок о бок и имея между собой постоянную связь, как экономическую, так и семейную, перемешали свои языки: мокша внесла в свой язык много эрзянских слов, эрзя — мокшанских. Так, в Урюме (мокша) ложка называется по-эрзянски пенч (а не куцю), бог — шкай-пас».⁸

Описывая сохранившиеся языческие моления мордвы села Урюм, М. Е. Евсеев приводит несколько раз выражение «оцю шкай пас», в частности: «Вант, оцю шкай пас, корьмакай, сякэй вастэда <...> Вант, оцю шкай пас, шопыда вене, валда шине...» («Храни нас, великий шкай пас, на всяком месте <...> Храни нас, великий шкай пас, во время темной ночи, светлого дня...»)⁹

Записанное М. Е. Евсеевым в Урюме выражение «оцю шкай пас» почти полностью совпадает со словами в записи Пушкина (только слово «пас (бас)» записано поэтом как «бас»). Однако у Пушкина звуки по-иному объединены в слова: записано «оцюш», а следовало бы «оцю»; записано «кайбас», а нужно было бы «шкай бас» или «шкайбас». Видимо, Пушкин при записи на слух допустил неточность в объединении звуков в слова незнакомого бесписьменного мордовского языка с его особой ритмикой речи.

Селение Урюм существовало и в XVIII в. Оно обозначено на рукописной карте Казанского наместничества 1781 г.¹⁰

Пушкин из Казани в Симбирск ехал через Лаишев, Спасск (ныне Куйбышев), Тетюши. Об этом свидетельствует запись о Лаишеве в дорожной записной книжке Пушкина.¹¹ По-видимому, путь от Тетюшей до Симбирска Пушкин проделал по кратчайшей проселочной дороге через селения

⁸ Евсеев М. Е. Мордва Татарской Республики. — В кн.: Материалы по изучению Татарстана, вып. II. Казань, 1925, с. 185.

⁹ Там же, с. 193.

¹⁰ См.: Центральный государственный военно-исторический архив, ВУА, ед. хр. 20783.

¹¹ См.: Рукою Пушкина, с. 339.

Богдашкино, Большие Тарханы, Вышки.¹² Селение Урюм находилось по левую сторону от дороги, в нескольких километрах от Богдашкина. Вполне возможной представляется встреча Пушкина на дороге с кем-то из жителей Урюма. Беседуя с ним, поэт мог сделать рассматриваемую запись. Впрочем, аналогичный говор мордвы мог встретиться и в Симбирской губернии, в которой Пушкин проехал через несколько мордовских селений. В этой губернии мокша и эрзя местами жили смешанно.¹³

В религиозных верованиях мордвы, обращенной в христианство в основной массе в XVII—XVIII вв., еще в XIX и даже в начале XX в. сохранились явственные остатки язычества, в частности общественные моления и угощения богов под священным деревом (липой, березой, дубом, вязом или сосной), у родника или ручья и т. п.¹⁴ Наряду с христианским богом мордва почитала много других богов. Так, у эрзи главными богами считались «вере пас» — верхний, небесный бог, «мастор пас» — земной, или подземный, бог, «керень шпочконь пас» — бог дома, «норов-ава» — богиня плодородия, «ведь-ава» — богиня вод и т. д.¹⁵

Понятие о божестве в христианском значении сливалось у мордвы с представлением о главном божестве, который у мордвы-мокши назывался «оцюшкой», у мордвы-эрзи — «вере пас». Пушкин, видимо, заинтересовался своеобразием представлений мордвы о божестве, соединившей языческие и христианские верования, и отражением этого явилась рассматриваемая запись.

Запись Пушкина носит этнографический характер и является еще одним свидетельством интереса великого русского поэта к жизни народов Поволжья, их национальному своеобразию.

А. И. Носков

ПУШКИН И ЛАПОССЕ

(о сюжетном мотиве «Метели»)

«О счастливая судьба! Тот, кого я люблю, — мой супруг!» («O sort trop fortuné. C'est mon époux que j'aime!»)¹ — таким восклицанием под занавес заканчивается комедия Нивеля де Лапоссе (Nivelle de la Chaussée) «Ложная антипатия» («La fausse antipathie», 1733).

Пьеса Лапоссе, положившая начало жанру «слезной комедии» во Франции, своим успехом была обязана не столько непривычным в то время

¹² См.: Калинин Н. Пушкин в Казани, с. 72. Названная дорога обозначена на картах (№ 39 и 40) «Географического атласа Российской империи, составленного Пядышевым. Начат 1820, окончен 1827, исправлен 1834 гг.» (СПб., 1834).

¹³ В. Ауновский в статье «Этнографический очерк мордвы-мокши», помещенной в «Памятной книжке Симбирской губернии на 1869 год» (Симбирск, 1869), в кратком русско-мордовском словаре приводит выражение «шкай пас», означающее «господь бог» по-эрзянски (отдел V, с. 103).

¹⁴ См.: Евсеев М. Е. Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии. — Живая старина, Пг., 1914, вып. I—II.

¹⁵ См.: Евсеев М. Е. Мордва Татарской Республики, с. 187.

¹ Oeuvres de M. Nivelle de la Chaussée, t. I. Paris, 1810, p. 88.

элементам чувствительности, сколько оригинальной обработке мотива «опознавания супругами друг друга». Этот мотив, известный со времен мифо-поэтической традиции, «паллиаты» и античного романа, связывался, как правило, с представлением о браке по любви, вынужденной длительной разлуке, с поисками друг друга и заключительным «узнаванием».

Лашоссе в своей комедии изменил исходное и конечное положения и тем самым придал традиционному мотиву несколько парадоксальный характер. Здесь брак между юными героями заключен не по любви, а по принуждению деспотических родителей. Они, заведомо испытывая взаимное нерасположение, впервые видят друг друга в церкви при венчании и волею случая тут же разлучаются. Принужденные скрываться под чужими именами, они через некоторое время оказываются соседями, знакомятся, но не узнают друг друга. Вскоре героиня замечает его чувство к себе, отвечает ему тем же и удивляется его медлительности в объяснении. Служанка, посвященная в переживания госпожи, уверена, что его связывает какая-то тайна, и ловко вызывает его на объяснение. Он признается, что женат. В последний момент счастливое «узнавание» как дар неба осеняет героев, и у восхищенной героини вырываются слова, которыми начинается эта заметка.

Пушкин оценил заряд увлекательности, который таился в такой интерпретации мотива «узнавания» и использовал его в «Метели». Здесь Марья Гавриловна и Бурмин также видят друг друга впервые в церкви, теряют друг друга из виду сразу после венчания, встречаются вновь через несколько лет как соседи, вначале не узнают друг друга, а затем чудесное «узнавание» приводит к счастливой развязке.

Мастер занимательного рассказа, Пушкин придает интриге более острый характер: в его новелле тайна сохранена до конца не только для героев, но и для читателя, который до последнего момента не понимает, что же произошло в жадринской церкви и почему Владимир написал «полусумасшедшее» письмо. Зритель в комедии Лашоссе с первой сцены все знает. К тому же для пушкинских героев препятствия к их счастью действительно непреодолимые, их устранить может только чудо, а для героев Лашоссе, которые могут разыскать своих партнеров по браку, еще возможен развод.

Пушкин, по-видимому, прочел «Ложную антипатию» в лицейские годы, когда он знакомился с целым потоком произведений французской литературы. Театр Лашоссе, писателя-академика, создателя нового жанра, вызвавшего решительное неодобрение «классицистов» и бурные споры вокруг «слезной комедии», вряд ли остался вне внимания Пушкина. Если ему и не пришлось прочитать самую пьесу Лашоссе, он наверняка познакомился с ее содержанием из пересказа Лагарпа, который в своем труде «Лицей», посвятив пространный очерк творчеству Лашоссе, уделил внимание и «Ложной антипатии». Кратко изложив ее сюжет и невысоко оценив комедию в целом, Лагарп относит слабость интриги за счет отсутствия для зрителя тайны в ходе действия (ему все объяснено в экспозиции), а для героев — истинных препятствий к счастью, поскольку возможен развод.²

---

² См.: *Licée ou Cours de littérature ancienne et moderne* par J.F. La Harpe, t. 2. Paris, 1834, p. 313.

Воспоминание о комедии и о замечаниях Лагарпа осознанно или нет послужило, видимо, в той или иной мере импульсом для творческой фантазии Пушкина и в преобразованном, «по-пушкински» переплавленном виде обрело новую художественную жизнь в болдинской повести. Эта связь не была отмечена исследователями. Была замечена сюжетная перекличка болдинских повестей с «промежуточными звеньями», оживившими, возможно, у Пушкина воспоминание о комедии Лашоссе. В повести «Урок любви» г-жи Монтолье нареченная невеста, которая предстает перед женихом неузнанной в облике простой крестьянки, также оказывается «вновь обретенной». Эта повесть, переведенная на русский язык в «Вестнике Европы» (1820, № 9—11), была, по-видимому, известна Пушкину.³ Второй пример — повесть В. Панаева «Отеческое наказание», напечатанная в «Благонамеренном» (1819, № 11). В этой повести молодой дворянин из баловства становится во время крестьянской свадьбы на место жениха, встречает через несколько лет ту, с которой он был обвенчан, но не узнает ее, страстно в нее влюбляется и решается жениться на ней.

Обе повести, в которых переплетаются мотивы «Метели» и «Барышня-крестьянка», отличаются чувствительностью, дидактизмом, растянутостью и по духу глубоко чужды Пушкину. Поскольку не был установлен общий для всех повестей источник — «Ложная антипатия», у исследователей прозы Пушкина возникло естественное и вполне понятное желание решительно отмести всякую возможность какого бы то ни было сходства между пушкинской новеллой и повестями г-жи Монтолье и В. Панаева.⁴ Между тем даже полярная противоположность творческого метода писателей и разница в масштабе таланта отнюдь не исключают возможности заимствования ими друг у друга какой-либо новой обработки традиционного мотива или сюжетной «находки». Задача исследователя показать, как эта «находка» качественно преобразуется и получает новую эстетическую ценность в художественной системе великого писателя.⁵

Л. И. Вольперт

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПУШКИНЕ И ДЕКАБРИСТАХ

(из недавних публикаций дел Следственной комиссии)

В опубликованных в 1975—1976 гг. XIII и XIV томах «Восстания декабристов» содержится немало нового о Пушкине.¹ Вместе с опубликован-

³ Исследователь прозы Пушкина заметил сходство этой повести с «Барышня-крестьянкой», но не обратил внимания на содержащуюся в ней перекличку и с сюжетом «Метели». См.: Сперанский М. Н. «Барышня-крестьянка» Пушкина и «Урок любви» г-жи Монтолье. (Библиографическая справка). — В кн.: Сборник Харьковского историко-филологического общества, 1910, т. XIX, с. 125—133.

⁴ См.: Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.—Л., 1966, с. 26.

⁵ Автор заметки попытался осуществить эту задачу в статье «Пушкин и французская комедия XVIII в.», подготовленной для издания «Пушкин. Исследования и материалы», т. IX (в печати).

¹ Восстание декабристов. Документы, т. XIII. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. М., 1975 (под ред. акад. М. В. Нечкиной); т. XIV, М., 1976.

ными ранее следственными делами новые тома, внося существенные уточнения в сведения о роли поэзии Пушкина в декабристской пропаганде, дают возможность восстановить конкретную картину взаимоотношений Пушкина и декабристов.

Материалы о Пушкине печатались и в предшествующих томах² и давно вошли в научный оборот. Но показания о Пушкине постигла та же участь, что и декабристские следственные дела вообще. Со времен В. И. Семевского (его классической работы «Общественные и политические идеи декабристов», вышедшей в 1909 г.) следственные дела стали основным источником по изучению истории движения декабристов. Между тем при всей ценности этих документов, их односторонний (скорее юридический, чем исторический) анализ привел к некоторой схематизации идеологии и движения декабристов.

В какой-то мере это повлияло и на изучение связей Пушкина и декабристов. Порой исследователи занимались изучением тех же вопросов, которые ставили и следователи, и приходили к тем же результатам. Тем самым выяснялась «степень вины» с точки зрения следователей. Для выяснения же сложных идейных связей поэта с декабристами такого вопроса явно недостаточно.

Правда, к анализу показаний декабристов о Пушкине неоднократно обращались и филологи, и историки. Еще в 1912 г. П. Е. Щеголев освещал эти проблемы в работе «Император Николай I и Пушкин».³ В 1930 г. М. В. Нечкина в своей статье ввела в оборот ряд неопубликованных в то время показаний декабристов о Пушкине.⁴ В 1958 г. Б. С. Мейлах сделал интересную попытку объяснить причины упоминаний декабристов о Пушкине.⁵ В 1967 г. Д. Д. Благой вновь проанализировал следствие по делу декабристов в плане отношения к Пушкину.⁶ Обширная сводка фактических данных содержится в «Летописи жизни и творчества Пушкина», составленной М. А. Цявловским.⁷

Во всех этих работах были частично использованы и показания о Пушкине, опубликованные теперь полностью в XIII и XIV томах «Восстания декабристов». Но именно частично. Между тем специфика следственной документации требует знакомства с полным текстом, со всем делопроизводственным комплексом материалов.

Все это убедительно подтверждают новые тома. Опубликованные ранее следственные дела поставили перед учеными ряд вопросов: почему декабристы заговорили о Пушкине, хотя их никто о нем не спрашивал; в какой мере показания подследственных были опасны для поэта; в какой мере они отразились на его дальнейшей судьбе. Оставался неясным и еще один

² Там же, т. I, 1925, с. 430; т. IV, 1927, с. 21, 65; т. V, 1926, с. 277; т. IX, 1950, с. 49, 108, 118, 119, 121, 165, 175, 249, 250, 257, 263, 278; т. X, 1953, с. 216; т. XI, 1954, с. 74; т. XII, 1969, с. 28, 41, 47.

³ Щеголев П. Е. Пушкин. Очерки. СПб., 1912.

⁴ Нечкина М. О Пушкине, декабристах и их общих друзьях. — Катгора и ссылка, 1930, кн. 4, с. 7—40.

⁵ Мейлах Б. Пушкин и его эпоха. М., 1958, с. 345—362.

⁶ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967.

⁷ Цявловский М. Летопись жизни и творчества Пушкина, т. I. М., 1951.

вопрос: почему показания «северян» (с точки зрения юридической, с точки зрения Следственной комиссии, Верховного уголовного суда) были сравнительно безобидными, а показания «южан» и особенно «соединенных славян» были таковы, что могли вызвать привлечение поэта к уголовной ответственности.

Опубликованные новые следственные дела показывают, что следователи вначале не интересовались Пушкиным. Вопросов о нем не задавали до тех пор, пока о поэте не заговорили сами декабристы.

Николая I гораздо больше интересовали видные государственные деятели и генералы (Н. С. Мордвинов, М. М. Сперанский, А. П. Ермолов). Переписка императора с цесаревичем Константином свидетельствует, что оба претендента на русский престол не верили, что восстание могли поднять простые офицеры. Истолковывая восстание 14 декабря по модели дворцовых переворотов XVIII в., царь и его брат искали «персону», стоявшую за кулисами событий.⁸

Пушкин же явно не принадлежал к числу таких фигур. Фон-Фок, дававший советы Бенкендорфу, по-видимому, хорошо представлял огромное значение Пушкина для общественного мнения. Однако теперь власти интересовались не разговорами, а планами царевубийства, восстания и т. д. Грибоедов с его близостью к Ермолову представлялся более опасным, чем Пушкин, находившийся под постоянным надзором в далекой ссылке.

О Пушкине заговорили не следователи, а подследственные. Именно они привлекли внимание к поэту. Но здесь не было ни предательства по отношению к Пушкину, ни «выдачи» его. Пушкин был так близок с арестованными, что его имя и его стихи (изъятые у многих при аресте) не могли не оказаться в следственных делах.

К тому же по сравнению с реальной опасностью, нависшей над арестованными, показания о Пушкине казались мелочью. Больше того: используя популярность Пушкина и его «легальность», некоторые декабристы пытались представить и тайные общества чем-то вроде полулегальной организации, выросшей из «духа века». В этом плане знаменательны показания видного члена Северного общества, одного из наиболее вдумчивых декабристов — Владимира Ивановича Штейнгеля.

На вопрос, откуда он заимствовал «свободный образ мыслей, т. е. от сообщества ли, или внушения других, или от чтения книг или сочинений в рукописях и каких именно?», Штейнгель показал: «Из рукописных — разные сочинения (кому не известные?) Баркова, Нелединского-Мелецкого, Ясвитского, князя Горчакова, Грибоедова и Пушкина». И далее добавил: «Сие последние вообще читал из любопытства и решительно могу сказать, что они не произвели надо мною иного действия, кроме минутной забавы: подобные мелочи игривою ума мне не по сердцу».⁹

Некоторые пушкинисты истолковывают слова «сии последние вообще» как относящиеся только к Пушкину. Думается, что их надо понимать шире: как всю рукописную литературу, противостоящую, по мнению следователей, серьезным книгам. Недаром перед этими словами называются

⁸ См.: Шильдер Н. К. Император Николай I, т. I. СПб., 1903, с. 222—232, 251, 319, 520.

⁹ Восстание декабристов, т. XIV, с. 176—177.

Вольтер, Руссо, Гельвеций, а позже исторические сочинения, — Штейнгель явно ставит Пушкина в ряд с общим «либералистским» направлением, характерным для александровского времени. К сожалению, в следственном деле отсутствует дата этого показания, и трудно судить, предшествовало ли оно письму Штейнгеля к Николаю I или было написано позже. Бесспорно одно: показания Штейнгеля перекликаются со следующим местом из его письма к императору от 11 января 1826 г.: «Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободой, кто не цитировал басни Дениса Давыдова „Голова и ноги“». Подчеркивая широкую распространенность таких идей, Штейнгель продолжал: «Может быть, в числе тех, кои имеют счастье окружать особу Вашу, есть таковые. О, государь! чтобы истребить корень свободомыслия, нет другого средства, как истребить целое поколение людей, кои родились и образовались в последнее царствование».

По-видимому, у Штейнгеля, кроме стремления объяснить и оправдать события 14 декабря, показать их закономерность, было и другое намерение: убедить Николая в необходимости «препобедить сердца милосердием и увлечь умы решительными явными приемами к будущему благоденствию государства».¹⁰

Такие надежды были не случайны. Некоторые придворные, близкие к Николаю, были против суровых репрессий по отношению к арестованным (например, принц Евгений Вюртембергский). Н. М. Карамзин даже заявил, что «заблуждение и преступление этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века».¹¹ Да и сам Николай вначале вел себя так, что иллюзии о прощении были вполне естественны. Явно не желая раздувать процесс, он демонстративно объявлял о необходимости отличать «злонамеренных» от «заблудших». Распускались слухи о возможном прощении арестованных. Об этом свидетельствует недавно опубликованное письмо В. И. Пестеля.¹² В такой ситуации попытки использовать имя Пушкина для смягчения участи арестованных были вполне естественны.

Но для историка, пожалуй, важнее другое в показании Штейнгеля — признание большой роли Пушкина в общественном движении. С этим перекликается показание другого члена Северного общества — мичмана В. А. Дивова: «Свободный образ мыслей получил <...> частью и от сочинений рукописных, оные были: свободные стихотворения Пушкина и Рылева и прочих неизвестных мне сочинителей».¹³

Ни то ни другое показание не привлекли внимание следствия. По-другому обернулось дело с показаниями членов общества «Соединенных славян», опубликованными в XIII томе. Там речь шла об использовании пушкинского «Княжала» в пропаганде царевубийства.

В 1930 г. этот сюжет был тщательно проанализирован М. В. Нечкиной. Теперь эти материалы опубликованы полностью.

¹⁰ Там же, с. 190.

¹¹ См.: Шильдер Н. К. Император Николай I, т. I, с. 334.

¹² Исторические записки, 1975, т. 96, с. 260—265.

¹³ Восстание декабристов, т. XIV, с. 307.

Поручик П. Ф. Громницкий 16 марта 1826 г. показал: «В лагере же при Лещине Бестужев, случившись у Спиридова, где и я был с Тютчевым, в разговорах своих выхвалял сочинения Александра Пушкина и прочитал наизусть одно, приписывая оное ему, хотя менее дерзкое, но не менее вольнодумное». И далее Громницкий воспроизвел по памяти (хотя и не точно) четыре строфы «Кинжала». Текст стихотворения постигла участь всех вольнолюбивых стихов, хранившихся в следственных делах: их изымали по указанию Николая I. И текст «Кинжала» зачеркнут военным министром А. И. Татищевым (однако его удалось восстановить).

В лежачем лагере обсуждалась проблема царевубийства, и пропаганда «Кинжала» была неразрывно связана с этим. Опасность распространения пушкинского стихотворения была очевидной, и Громницкий явно пытается смягчить свою вину. Он заканчивает свое показание так: «Принесши стихи сии, Бестужев спросил: „Не желает ли кто иметь их?“, — и, немедленно переписав, вручил их Спиридову, у которого я после брал с тем, чтобы переписать. Но, носивши при себе их несколько дней, я потерял оные и теперь написал только то, что мог вспомнить. Но Бестужеву должно знать их, ибо он очень твердо перечитывал их наизусть».¹⁴

Член общества «Соединенных славян» прапорщик И. Ф. Шимков заподозрил, что еще два вольнолюбивых стихотворения были написаны Пушкиным. 3 марта 1826 г. он показал: «было написано П... ш... н — сие я почел за Пушкин». Вряд ли это был Пушкин. Почти одновременно возникло подозрение в принадлежности Пушкину еще более «дерзкого», чем «Кинжал», стихотворения, прославлявшего убийство тирана. Оно было получено от М. П. Бестужева-Рюмина Громницким, читалось им А. И. Тютчеву, М. М. Спиридову, Н. Ф. Лисовскому, затем передано И. И. Иванову, у которого и было отобрано при обыске. Однако автором его оказался М. Паскевич, 31 марта 1826 г. А. И. Тютчев заявил: «Бестужев говорил, что сии стихи написал Паскевич».¹⁵

И все же из-за «Кинжала» для Пушкина создавалась опасная ситуация. Однако следствие установило, что распространение стихов шло без его ведома, и реальных последствий для Пушкина эти показания не имели.

В. В. Пугачев

ЕЩЕ ОДИН ЗНАКОМЫЙ ПУШКИНА

После появления книги Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л., 1975) задача составления полного списка лиц, с которыми сталкивался Пушкин на протяжении своей жизни, может считаться успешно завершённой. В книге не только тщательно сведен накопленный в пушкиноведческой литературе материал о знакомых Пушкина, но и существенно дополнен этот список в результате самостоятельных изысканий составителя. Однако,

¹⁴ Там же, т. XIII, с. 299—302.

¹⁵ Там же, с. 261, 298—304. Трудно сказать, на чем основывается М. В. Нечкина, утверждая: «Другие пушкинские стихи взяты были при обыске и аресте секретаря общества „Соединенных славян“ И. И. Иванова» (там же, с. 17). Речь идет именно о стихах, написанных М. Паскевичем, что было отмечено М. В. Нечкиной в 1930 г.

как сказано в предисловии, в работе такого масштаба неизбежны отдельные пропуски.

На один пропуск считаю нужным указать.

В число одесских знакомых Пушкина следует, на мой взгляд, включить Михаила Михайловича Кобозева. Это имя мы не найдем даже в таком образцовом издании, как «Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина» (Пушкин. Статьи и материалы, вып. III. Под ред. М. П. Алексеева. Одесса, 1926).

На страницах издававшегося князем И. П. Шаликовым «Дамского журнала» (Москва) было опубликовано несколько стихотворных произведений за подписью «М. Кобозев», а также «К—б—з» или «К—бз—в». Под стихами отмечалось: «Одесса» и дата — «1824» или «1825».

Среди произведений Кобозева, носящих явные следы подражательности и литературной неопытности, выделяется небольшая поэма «Одесса» (опубликована в № 15 журнала за 1825 г.; дата под поэмой: «2 июня 1825 г.»). Полная банальных риторических оборотов, эта поэма вместе с тем отличается от всех появившихся до того поэтических картин Одессы наличием реальных черт города, и именно тех, которые определили схему знаменитого описания Одессы в «Путешествии Онегина» (порт—пестрая уличная толпа—опера). Поэма Кобозева является последним появившимся в печати допушкинским описанием Одессы.¹

Но сейчас речь не об этом. В данном случае наше внимание привлекают такие строки в поэме:

Кому сей искренний привет?
Кому еще звучишь ты, лира?
Тебе, любимейший поэт!
И ты любил глядеть на свет,
На прелесть южные столицы.
Я слышал звук твоей цевницы,
С благоговеньем ей внимал
И весь в восторге трепетал!

К слову «любимейший поэт» было примечание издателя: «Любопытно, о каком поэте говорит поэт? Мы догадываемся, что это об А. С. Пушкине. Изд.».

Из этих строк, которые Пушкин не мог не прочесть, ясно, что Кобозев встречался с поэтом, во всяком случае присутствовал при чтении им своих стихов (публичных выступлений поэтов, не в дружеском кругу, тогда не было).

Но кто такой этот Кобозев?

Он не отмечен ни в одном из известных нам справочников. Только в «Источниках словаря русских писателей» С. А. Венгерова мы находим справку: «Поэт. Сотрудник „Дамского журнала“ 1823—1826».² И все. Из этого, по-видимому, ясно, что Кобозев в других изданиях не печатался.

¹ См. подробнее в моей статье «„Путешествие Онегина“ и одесская тема в русской литературе первой трети XIX в.» (Пушкин на юге, вып. 2. Кишинев, 1961, с. 272—273).

² Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей, т. III. Пг., 1914, с. 111.

Единственное упоминание о Кобозеве мы обнаружили в письме писателя И. И. Дмитриева к П. А. Вяземскому (от 11 сентября 1825 г.): «...желаю Пушкину счастливых успехов <...> В Дамском журнале раздастся только свирель Кокошкина, камердинера Кобозева, прочее все идет своим чередом».³

Кто такой Ф. Ф. Кокошкин — хорошо известно. Это был второстепенный поэт, директор московских императорских театров.

А что значит «камердинер Кобозев»? Говорит ли это о его служебном положении? Характеристика ли это его личных качеств (в смысле слуга, лакей)? Но, кажется, слово «камердинер» в таком расширительном смысле не употребляется. Признаться, смысл слов Дмитриева остается нам не вполне ясным.

Напрашивался ответ, что Кобозев был действительно камердинером, а значит в условиях того времени, возможно, дворовым человеком. Или, во всяком случае, принадлежал к социальным низам.

Но, очевидно, это не так. В «Новороссийском календаре» на 1839 и на 1841 г. среди чиновников канцелярии военного губернатора в Одессе упоминают коллежский секретарь Михаил Михайлович Кобозев.⁴

Приходится предположить, что «наш» Кобозев после недолгих опытов 1823—1826 гг. перестал «баловаться литературой» и посвятил себя полностью службе. Но и на чиновничьих путях он не преуспел, если почти через двадцать лет после встреч с Пушкиным дослужился только до X класса (это соответствовало бы военному чину поручика). Значит, в 1824 г. он мог быть на очень скромных должностях, если уже тогда был чиновником. Это все, что нам удалось узнать о Кобозеве.

Включение Кобозева в круг знакомых Пушкина может, как мы думаем, оказаться нелишним при разработке одесской главы биографии поэта. Ведь до сих пор среди одесского окружения Пушкина из людей, причастных к литературной деятельности, мы знали только В. И. Туманского и А. И. Левшина, которые к тому же были и его, так сказать, «сослуживцами». Между тем в тогдашней Одессе, где Пушкин провел 13 месяцев, были и некоторые другие люди, имевшие известное отношение к печатному слову. В небольшом сравнительно городе они были у всех на виду. Это были «французскоподданный» И. Довалон (Девалон?), Ш. Сейц, Л. Элькан и другие сотрудники местной газеты («Одесская газета, или Новороссийский коммерческий курьер»), выходившей на французском языке, но с приложением на русском и французском языках «Публикаций по повелению начальства». Это были, далее, А. Пиллер, профессор Ришельевского лицея, писавший и печатавшийся на итальянском языке; это был тот же Л. Элькан, преподаватель гимназии при Ришельевском лицее, писавший и печатавшийся на древнееврейском и немецком языках; это был наконец М. Гославский, учитель в частном доме, польский поэт.

Хотя все это были люди не того социального круга, к которому принадлежал и к которому тянулся Пушкин, но неужели он так никогда и не встретился ни с одним из них?

С. Я. Боровой

³ Старина и новизна, 1898, т. II, с. 155.

⁴ Новороссийский календарь на 1839 г., с. 90; Новороссийский календарь на 1841 г., с. 135.

ЗАБЫТЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПУШКИНА

В 1886 г. на страницах журнала «Новь» было напечатано сообщение: «И. А. Григоровский, один из старейших московских актеров, готовит к печати свои мемуары, обещающие представить немалый интерес, в виду того что Григоровский (некогда приказчик у известного книгопродавца Смирдина) довольно близко знал Пушкина, Гоголя, Крылова и других корифеев нашей литературы».¹ Мемуары остались неизвестными исследователям, так как были опубликованы в редком и малодоступном издании — «Сборнике московской иллюстрированной газеты».²

Москвич по рождению, Григоровский (1812—1891) учился в Константиновском землемерном училище и затем перешел на службу в московскую Дворцовую контору. «Товарищами моими, — вспоминает мемуарист, — были, между прочим, два брата Герцены: Александр и Жорж. Первый мне очень нравился. Он был молод, недурен собой, имел замечательный дар слова, — слушать его было просто наслаждение; все это привязывало меня более к нему, а не к Жоржу».³

В начале января 1835 г. Григоровский выехал из Москвы и на пятые сутки прибыл в Петербург. «Все поражало меня, — восклицает путешественник, — широта и прямызна улиц, и громадность зданий, и чистота и опрятность города <...> И какое множество народа!.. Все это скачет, бежит, торопится куда-то... И кого-кого, бывало, каких знаменитостей не увидишь в ту пору на Невском» (с. 68—69).

Дядя мемуариста, писатель И. И. Ястребцов, познакомил племянника со Смирдиным, который предложил ему работу: «Вот вам занятие. Переезжайте ко мне, будете вести переписку с иногородними подписчиками, записывать их требования в книгу, да еще если мне случится надобность попросить вас съездить за меня к кому-нибудь из литераторов поговорить о статье для журнала, или что другое» (с. 74).

«К Смирдину я поступил в то время, — вспоминал Григоровский, — когда он был на вершуге славы своей деятельности» (с. 79). Далее следует рассказ о начале деятельности Смирдина — о службе его у просвещенного книгоиздателя и библиографа В. А. Плавильщикова и переходе книжной лавки последнего к Смирдину. В конце 1831 г. книжная лавка из «дома Гаврилова у Синего моста» была перемещена в самый центр столицы — на Невский проспект (ныне дом 22). Это был «громоздкий магазин, который занял собой целый этаж. В том же магазине Смирдин открыл и библиотеку для чтения книг, журналов и газет, которая по числу находящихся в ней экземпляров была единственной в Петербурге» (с. 80).

Открытие своего магазина 19 февраля 1832 г. Смирдин отметил новосельем: «За огромным столом собралось все, чем тогда могла похвастаться

¹ Новь, 1886, т. XII, № 23, с. 630.

² Не учтены мемуары в работе П. Н. Беркова и В. М. Лаврова «Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1886—1899» (М.—Л., 1949), а также в других указателях литературы о Пушкине.

³ Сборник московской иллюстрированной газеты. М., 1891, с. 67. Далее при цитировании мемуаров страницы «Сборника» приводятся в тексте (в скобках).

наша литература! Тут были Жуковский, Крылов, Пушкин, Княжевич, граф Хвостов, Лобанов. Были и неразрывные друзья, как Греч и Булгарин, про которых кто-то сказал, что „их черт связал так крепко, что даже и бог не развяжет“ <...> Гости шумно пировали, острофы и каламбуры сыпались со всех сторон. Подали шампанское. Греч, высоко подняв свой бокал, провозгласил первый тост за процветание Русской Литературы! Гости крикнули: „Ура!“ Булгарин, выпив свой бокал, оборотил его себе на голову (славянский обычай), Греч же, заметя это, подвинул ему бутылку и сказал: „Ну, что ты переливаешь там из пустого в порожнее, наливай и выпьем за здоровье дорогого хозяина!“ Граф Хвостов при сей оказии прошамкал стихотворение, которое тут же было записано каким-то борзописцем, тут же процензуровано, набрано, отпечатано — и уже за десертом было роздано всем присутствующим это мороженое!» (с. 81—82).⁴

Далее Григоровский рассказывает об издательской деятельности Смирдина («Библиотека для чтения», «Сын отечества», собрания произведений русских писателей и др.) и высоких гонорарах, которые он выплачивал авторам: «За оригинальные статьи по 400 и по 500 руб. с листа, а за переводные по 200 и 300 руб. А таким поэтам, как А. С. Пушкин, В. А. Жуковский и И. А. Крылов, платилось по червонцу за строчку» (с. 83).

Попытки Смирдина объединить писателей «всех направлений» оказались неудачными. По свидетельству Григоровского, «Смирдин был чрезвычайно самолюбив, доверчив и добр. И вот эта доброта и доверчивость были причиной его гибели. Явились льстецы, стали кадить ему, называть его Наполеоном книжной торговли, навязывать свои произведения: романы, повести, сказки, которые он скупал у них, печатал, а потом сваливал в кладовые, так как на покупку их охотников являлось мало» (с. 83).

«За писателями романов, повестей и сказок стали являться издатели журналов и газет. Первый явился Полевой с предложением издавать „Сын отечества“ <...> Смирдин согласился взять на себя это издание и его же, Полевого, сделал и главным редактором! И вот с первого номера „Сын отечества“ объявил войну „Библиотеке для чтения“. „Библиотека“ приняла вызов и пошла бить „Сына отечества“. Пошла война не на живот, а на смерть! Редакторы двух журналов одного и того же издателя грызутся как собаки; выходит, что и своя своих не познаша! И что это за народ такой — эти литераторы! Не дал им бог мира и согласия, так вот и побивают друг друга: Воейков бьет Булгарина, Булгарин — Полевого,

---

⁴ Приведем отрывок из «стихотворного тоста» Хвостова:

Угодник русских муз, свой праздную юбилей,
Гостям шампанское для новоселья лей;
Ты нам Державина, Карамзина из гроба
К бессмертной жизни, вновь, усердствуя воззвал...

По словам одного из участников новоселья, М. Е. Лобанова, «стихи, к удивлению, недурны, приличны случаю, и нет в них ни одной глупости. Автор, обстрелянный в долгодетных литературных походах и сатирами и эпиграммами, в сущности не знал, что думать ему об этом приеме: верить ли чистосердечно или принять за насмешку?» (Пушкин и его современники, вып. XXXI—XXXII. Л., 1927, с. 114).

Греч — Краевского и Сенковского, а Сенковский бьет всех и каждого!» (с. 87).

Перечитывая эти характеристики Григоровского, невольно вспоминаешь сатиру А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших», высмеивающую «забияку Булгарина», «цыгана в литературе Греча», «барона-подлеца Сенковского», «целовальника Полевого», «книг безграмотных издателя Свинына», и в частности строки, посвященные автором самому себе:

Тот Воейков, что бранился,
С Гречем в подлый бой вступал,
Что с Булгариным возился
И себя тем замарал, —
Должен быть как сумасбродный
Сам посажен в Желтый дом.

Позднее Григоровский поселился в семье Кикиных. Дом Марии Романовны Кикиной, по свидетельству мемуариста, «посещали, кроме аристократических ее родственников — Ермоловых, Одоевских, Ланских, Шаховских, Щербатовых, Волконских и проч. и проч., и такие знаменитости, как А. С. Пушкин, Брюллов, Глинка» (с. 94—95).

Хозяйка дома с ее живым характером и гибким умом пользовалась всеобщим уважением в петербургском обществе 1830—1840-х годов. Любовь к литературе, живописи и музыке привлекали в ее салон выдающихся представителей русской культуры. Завсегдатаями этого салона, по словам ее внучки, были Пушкин с женой, В. Ф. Одоевский, братья Брюлловы, М. И. Глинка, А. Ф. Ланжерон, композитор и пианист Дж. Филд, архитектор, строитель Исаакиевского собора и Александровской колонны Монферран и др.⁵

По старинным планам Петербурга удалось установить, что Кикины проживали на набережной реки Фонтанки — ныне дом 51/53. Дом этот уцелел до нашего времени. Это четырехэтажное здание (с позднейшей надстройкой пятого этажа), длиною «50 сажен», со скромным фронтоном, принадлежало в 1830—1840-х годах купцу Федору Васильевичу Лыткину и числилось «по Фонтанке, в 3-ей адмиралтейской части, близ Чернышева моста». В этом же доме проживал (с 1832 по 1838 г.) знакомый Пушкина — видный государственный деятель М. М. Сперанский. Имеются сведения о посещении Сперанского Пушкиным в конце декабря 1834 г.⁶

В 1840-х годах Григоровский служил секретарем петербургской дворянской опеки и был «невольным участником в некогда громком деле Петрашевского и знал всех в нем замешанных, начиная с Ф. М. Достоевского». ⁷ Выйдя в 1847 г. в отставку, Григоровский посвятил себя сцене, сначала в провинции, а потом в Москве; «читал он превосходно и в качестве чтеца пользовался огромным успехом во всей России». ⁸

⁵ Русская старина, 1909, № 12, с. 577—588.

⁶ Там же, 1902, № 1, с. 150.

⁷ Московский листок, 1891, № 167, 17 июня. См. также: Дело петрашевцев, т. I. М.—Л., 1951, с. 153, 181.

⁸ Новое время, 1891, 22 июня.

По свидетельству хорошо знавшего Григоровского писателя П. А. Астафьева, опубликовавшего выдержки из его мемуаров, «после покойного осталось много толстых тетрадей воспоминаний».⁹

В посвященном Григоровскому некрологе отмечалось, что покойный «знал Жуковского, Крылова, Полевого, Греча, Булгарина, Сенковского, Глинку, Пушкина, Ф. М. Достоевского <...> Он знал их в домашнем виде и сохранил много воспоминаний об этом интересном периоде своей жизни».¹⁰

Л. А. Черейский

ПУШКИН И МОЛДАВСКИЙ ТАНЕЦ «МИТИТИКА»

Ссылке Пушкина на юг, в частности его пребыванию в Молдавии с осени 1820 до весны 1823 г., уделяется очень большое внимание в исследованиях, посвященных жизни и творчеству поэта. Эти годы, проведенные в условиях новой, необычной для него среды, расцениваются пушкиноведами как важный этап формирования личности художника, как период обострения его реалистического восприятия действительности. По словам исследователя, именно «с пребывания в Бессарабии пробудилось у светского юноши Пушкина то чуткое внимание к народной жизни, которое уже никогда не покидало его до самой смерти».¹ Кишиневские впечатления поэта, как отмечается в посвященной ему литературе, содействовали углублению и фольклорных интересов Пушкина.

Со свойственной Пушкину любознательностью он живо воспринимал все то новое, что поражало его в Молдавии. Современники пребывания поэта в Кишиневе единодушно отмечают, что Пушкин, посещая площади и базары, любил смешиваться с толпой и нередко принимал участие в народных гуляниях. Нетрудно себе представить, как на его пылкое воображение воздействовала самобытная прелесть молдавской музыки. «Интерес Пушкина к народной музыке, — пишет А. Глумов, — с особой силой вспыхивает в Кишиневе».² Первые его впечатления о молдавских песнях возникали именно под непосредственным воздействием самих мелодий, так как их поэтический текст был ему недоступен из-за незнания языка.

Возможностей у Пушкина слышать молдавскую народную музыку было очень много. В ту пору она часто звучала не только в домах, но и на улицах Кишинева. По ним группами бродили народные музыканты-леутары, готовые в любой момент к импровизированному концерту. Один из путешественников, посетивший в 20-е годы Кишинев, писал: «У некоторых питейных домиков на террасах с навесами барды молдавские — цыгане наигрывают и напевают сочиненные ими на разные случаи за-

⁹ Московский листок, 1891, № 167, 17 июня.

¹⁰ Новое время, 1891, 22 июня.

¹ Майков Л. Пушкин. М., 1899, с. 121.

² Глумов А. Музыкальный мир Пушкина. М.—Л., 1950, с. 74.

унывные песни».³ Слышал Пушкин народные мелодии и на базарной площади, и на праздничном гулянии, и от отдельных лиц, с которыми он встречался, и в домах местных помещиков. Еще живы были традиции крепостных оркестров, которые издавна прочно внедрили в быт молдавских бояр. По свидетельствам современников, Пушкин часто бывал в домах Ралли и Е. К. Варфоломея, которые являлись своеобразными музыкальными центрами тогдашнего Кишинева. Крепостные музыканты последнего пользовались особой известностью. Как вспоминают А. Ф. Вельтман и В. Горчаков, Пушкин с восторгом слушал, как они пели и играли, сопровождая себе на скрипках, кобзах и тростянках.

Особенно интересовали русского поэта тростянки, которые он, как известно, назвал цевницами. Если исходить из этого названия, то инструментом, привлечшим к себе внимание Пушкина, была так называемая флейта Пана — инструмент, состоящий из ряда закрытых с одного конца и скрепленных дугообразно между собой трубок, известный в Молдавии под названием «най». Однако А. Глумов, ссылаясь на В. Горчакова, видевшего тростянку вместе с Пушкиным, приводит следующее ее описание: это был «деревянный духовой инструмент с шестью выжженными пальцевыми отверстиями»;⁴ из этого надо сделать заключение, что речь здесь идет о флуэре — молдавской разновидности свирели.

Обращению Пушкина к молдавскому фольклору часто предшествовали музыкальные восприятия, и было бы интересно знать, какие мелодии слышал поэт. При чуткой восприимчивости Пушкина, пожалуй, важнее само воздействие непосредственных музыкальных впечатлений на воображение художника, воздействие, порождавшее определенный эмоциональный колорит и целый мир поэтических ассоциаций, нашедших отражение в различных деталях ряда его произведений.

Названия народных мелодий, привлечших к себе внимание Пушкина в Кишиневе, общеизвестны благодаря воспоминаниям современников. Исследователи уже давно стараются найти их музыкальные тексты, чтобы на основе их можно было бы конкретно судить о реакции поэта. Так, например, А. Глумову удалось обнаружить в архивах А. Верстовского перепечатанную Пушкиным из Кишинева нотную запись песни «Режь меня, жги меня», вдохновившую его к написанию «Песни Земфиры» в поэме «Цыганы». Но долгое время не удавалось найти соответствовавшего этой записи фольклорного образца. Наконец, автору этих строк посчастливилось обнаружить в материалах П. Киселева музыкальный сборник, в котором содержится молдавская народная мелодия «Режь меня, жги меня», тождественная пушкинскому нотному листку. Сборник был издан в Яссах в 1834 г. и принадлежал военному капельмейстеру Ф. Ружицкому, который, по всей видимости, записал названную мелодию для Пушкина в Кишиневе.⁵

³ Стороженко А. Два месяца в дороге по Бессарабии, Молдавии и Валахии в 1829 году. Цит. по юбилейному сборнику: Кишинев. 1812—1912. Ч. I. Кишинев, 1912, с. 45.

⁴ Глумов А. Музыкальный мир Пушкина, с. 75.

⁵ Подробно об этом см.: Котляров Б. Я. История «Песни Земфиры». — Советская музыка, 1964, № 9.

Среди других интересующих нас молдавских народных мелодий, исполнявшихся музыкантами боярина Варфоломея, была, как известно, «Мититика».⁶ Но какой именно была «Мититика», слышанная Пушкиным, оставалось загадкой из-за отсутствия нот. Во всех известных фольклорных записях, хранящихся на территории Молдавии, такого названия не встречается. Имеются различные варианты танца «Мэрунцика», название которого по смыслу аналогично слову «мититика» («маленькая», «мелкая»). Но, по всей вероятности, это название связано с чисто хореографической техникой, а не с характером музыки. В настоящее время не представляется возможным установить, идет ли речь об изменении названия «Мититики» или об исчезновении ее вообще.

По словам Л. Аксеновой, «Мититика» была не танцем, а песней, которая в наши дни бытует в ряде лирических вариантов.⁷ К сожалению, это мнение высказывается без какого-либо доказательства; кроме того, оно противоречит другим имеющимся сведениям. Так, А. Глумов говорит о «Мититике» как о старинном, вышедшем из обихода, вероятно парном танце.⁸ В других работах о Пушкине она определяется как жок, т. е. как «подвижный танец». Мнение Глумова получило полное подтверждение благодаря исследованиям последних лет, которые дают возможность установить на основе музыкального материала, какой же собственно была «Мититика».

Загадку эту стало возможным разрешить благодаря нотному тексту, который мне удалось обнаружить в результате длительных исканий. Действительно, «Мититика» представляет собой яркую по выразительности, очень оживленную, игровую мелодию, полную веселья и лукавого задора. Она содержится в каприччио оп. 45 для виолончели в сопровождении смычкового квартета или фортепьяно, написанном известным немецким виолончелистом Б. Ромбергом на молдавские и валашские народные темы. Из четырех использованных им тем она является самой динамичной и эффектной, наиболее пригодной для блестящей виртуозной обработки, что, по-видимому, и побудило композитора приберечь ее к концу каприччио и дать своей концертной пьесе общее название — «Мититика».

Естественно возникает вопрос, как и при каких обстоятельствах известная в связи с Пушкиным «Мититика» заинтересовала Ромберга. Знаменитый виолончелист долгое время жил в России и совершал концертные поездки по различным городам страны и Придунайских княжеств, включая также Яссы. Например, в 1812 г. он выступал в Киеве с оркестром крепостных помещика А. М. Будянского, в услужении которого могли быть и молдавские лэутары. Известно, как живо интересовался Ромберг мелодиями многих национальностей, в том числе русскими и украинскими, которые нашли отражение в ряде его концертных пьес. Интерес его к «Мититике», таким образом, не является случайным, особенно если

---

⁶ Горчаков В. Воспоминания о Пушкине. — Московские ведомости, 1958, № 19.

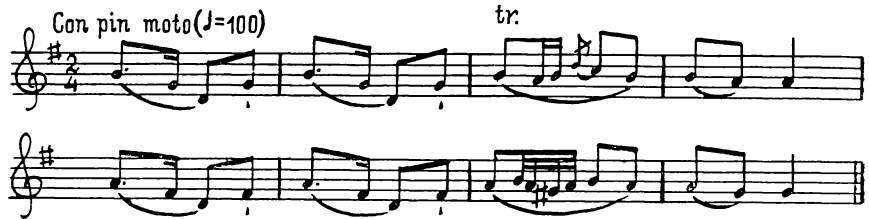
⁷ Аксенова Л. Пушкин и молдавская народная песня. — В кн.: Пушкин на Юге. Кишинев, 1958, с. 131—132.

⁸ Глумов А. Музыкальный мир Пушкина, с. 76.

учесть, какой популярностью эта жизнерадостная танцевальная мелодия пользовалась в свое время.

В те годы (1815—1822),⁹ когда Ромберг мог написать свое каприччио, «Мититика» должна была быть хорошо известна. Об этом свидетельствует и то, что ее исполняли лэутары, которых Пушкин слышал в Кишиневе, и то, что примерно в тот же период к ней обратились также другие композиторы.

Особенно показательной в этой связи является музыка К. Кавоса и К. Эйзриха к двум представлениям: «Победа, или Радость молдаван» и

Нотная запись. Мелодия «Мититики» из каприччио Б. Ромберга.

«Лавровый венок, или Радость молдаванки», написанным для постановки на сцене Большого театра в ознаменование победы России в войне с Турцией 1828—1829 гг.¹⁰ Оба они по действию связаны с Молдавией и представляют собой распространенный в ту пору тип пышного спектакля-водевиля с пением, блестящими балетными номерами, сражениями и т. п.

В первом из них, постановка которого состоялась 25 июня 1828 г., увертюра, антракты, хоры и «молдавские пляски» принадлежат К. Эйзриху.¹¹ Среди использованных им молдавских народных мелодий «Мититика» в партитурах обоих сочинений занимает особое место. Она звучит не раз в оркестре и хоре, отмечая наиболее эффектные выступления.

То, что столь разные музыканты, как Ромберг и Эйзрих, которым Молдавия должна была представляться чем-то экзотическим, оба обратились к «Мититике», вряд ли можно объяснить просто совпадением. Им нужна была эффектная народная мелодия, и естественно предположить, что их выбор пал именно на ту из них, которая пользовалась наибольшей известностью. Только этим и можно объяснить, что в один

⁹ Годы написания каприччио «Мититика» оп. 45 приводятся по данным профессора Л. С. Гинзбурга, любезно предоставившего мне эти сведения.

¹⁰ Интересующая нас молдавская народная мелодия фигурирует только в номерах, написанных Эйзрихом, и, следовательно, именно ему, а не Кавосу принадлежит заслуга ее использования.

¹¹ К сожалению, пока не представляется возможным осветить биографию этого музыканта. Тем более интересны сведения, приводимые Ю. Келдышем в его работе (Келдыш Ю. История русской музыки. Л., 1954, с. 88), где говорится, что Карл Эйзрих служил дирижером нижегородского театрального оркестра и был одним из учителей М. Балакирева.

и тот же небольшой отрезок времени она фигурирует в четырех источниках: в трех музыкальных сочинениях и в материалах о Пушкине.

Обнаруженный музыкальный текст дает возможность вновь обнаружить «Мититику», остававшуюся так долго загадочной. Эта находка заполняет один из пробелов, имевшихся в изучении круга фольклорных интересов Пушкина, которые сыграли столь значительную роль в обогащении его творчества. Благодаря ей теперь можно конкретно судить об эмоциональном потенциале этой, полной женственной грации, молдавской народной мелодии и представить себе, чем она могла пленить воображение великого поэта.

Находка «Мититики» и двух оркестрово-хоровых партитур, в которых она фигурирует, интересна еще и с другой точки зрения. Все это помогает раскрыть истоки ориентализма в русской музыке.

Обычно считалось, что образы Востока в творчестве русских композиторов XIX в. питались кавказскими и среднеазиатскими впечатлениями. Изучение же пушкинских материалов показывает, что у ориентализма был еще один источник (и очевидно, более ранний), а именно Молдавия. Действительно, разве не молдавским интересам Пушкина мы обязаны тому, что ранее упоминавшаяся песня «Режь меня, жги меня» становится известной русской художественной интеллигенции, включая Н. А. Полевого, П. А. Вяземского, А. Верстовского и М. Вильгоровского, публикуется впервые московским «Телеграфом» в 1825 г. и порождает по меньшей мере до 13 романсов композиторов середины прошлого столетия? То же относится и к «Мититике», которая благодаря пушкинским связям приобретает еще большую популярность. Возможно, что в этом и кроется причина, побудившая Эйзриха включить ее в музыку к обоим упомянутым выше представлениям.

И, наконец, небезынтересно и то, что изучение молдавских связей Пушкина, и в частности поиски «Мититики», позволило установить, что первое дошедшее до нас крупное сочинение для хора и оркестра, в котором используются молдавские народные темы, было написано не в столице Запрутской Молдавии — городе Яссы в 40-е годы А. Флехтенмахером, а на 20 лет раньше Эйзрихом в России. Таким первым сочинением на молдавские национальные мелодии и явилась «Победа, или Радость молдован»; сочинение это было бы теперь совсем забыто, если бы не загадочная «Мититика», некогда пленившая воображение Пушкина в Кишиневе. Так, пушкиниана помогла восполнить один из пробелов в исследовании молдавской музыкальной культуры, которая вызвала столько замечательных поэтических ассоциаций в творчестве великого русского поэта.

Известно также, что Эйзрих, родившийся в прибалтийских землях и умерший в Казани в 80-е годы прошлого века, работал также военным капельмейстером и был плодовитым композитором. Он написал немало сочинений, включая оперы, романсы и инструментальные пьесы. Можно предположить, что во время русско-турецкой войны он попал в Молдавию, где и заинтересовался местным народным музыкальным творчеством.

Б. Я. Котляров

СТАТЬЯ О ПУШКИНЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЖУРНАЛЕ 1838 г.

Гибель Пушкина, как известно, вызвала сравнительно широкий отклик во французской печати. На это трагическое событие отозвались в феврале—марте 1837 г. многие парижские газеты: «Journal des Débats», «Courrier Français», «Gazette de France», «La Presse», «Le Siècle», «La France», «Le Temps», «Le National», «Journal de Commerce», «Le Moniteur» и др. Позднее статьи о Пушкине поместили и некоторые журналы: «Le Globe», опубликовавший «биографическую и литературную заметку» Адама Мицкевича; «Revue des Deux Mondes», где был напечатан очерк некоего Шарля Бодье; наконец, «Revue française et étrangère».¹

На страницах последнего журнала, издававшегося в 1837—1839 гг. видным философом католического направления и плодовитым литератором Ф. Экштейном, о Пушкине шла речь неоднократно. Исследователи уже давно обратили внимание на обширную статью графа Адольфа де Сиркура «„Борис Годунов“». Историческая драма Александра Пушкина»,² а также на соответствующий раздел его статьи о книге Г. Кенига «Literarische Bilder aus Russland».³ Однако Пушкину была посвящена еще одна статья, помещенная в «Revue française et étrangère», но в отличие от других, кажется, даже не отмеченная в пушкиноведческой литературе. Она увидела свет в самом начале 1838 г.⁴ и, по всей вероятности, была написана тем же Сиркуром, французским историком и публицистом, приобщенным к русской литературе его женой — Анастасией Семеновной Хлюстиной (которой принадлежал между прочим и собственный этюд о Пушкине, появившийся в 1832 г. в женевском журнале «Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres et arts»)⁵.

Эта небольшая статья была направлена против очерка Бодье, точнее — против двух его положений: о полном отсутствии у Пушкина религиозного чувства и о безудержной страсти его к дуэлям. «Весьма примечательная заметка о Пушкине, помещенная в „Revue des Deux Mondes“ (августовский номер прошлого года),⁶ — указывалось в интересующей нас статье, — представляет в неверном свете жизнь и мнения этого прославленного поэта. Люди, которые особенно глубоко постигли его характер и

¹ Об этом см., например: Алексеев М. П. Пушкин на Западе. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 3. М.—Л., 1937, с. 123—124; Сто лет смерти Пушкина. Парижские отклики в 1837 году (собр. Л. Львов). Париж, 1937; Mongault H. Pouchkine en France. — Revue de littérature comparée, 1937, p. 148—149; Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799—1894). Paris, 1967, p. 192—197.

² Revue française et étrangère, 1837, t. II, p. 352—393.

³ Ibid., 1838, t. VI, p. 308—312.

⁴ Ibid., t. V, p. 191—192.

⁵ См.: Huber-Saladin J.-M. Le comte de Circourt, son temps, ses écrits. Madame de Circourt, son salon, ses correspondances. Paris, 1881; Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 152—154; Кишкин Л. С. Статья о русской литературе в «Карлсбадском альманахе» за 1831 г. — Советское славяноведение, 1969, № 3, с. 60—65.

⁶ Revue des Deux Mondes, 1837, t. XI, 1 août, p. 345—372.

особенно полно изучили его сочинения, люди, которые с неослабевающим вниманием следили за ним на всех столь несходных между собой этапах его слишком короткой жизни, считают своим долгом опровергнуть обвинения, затрагивающие одну из важнейших сторон репутации Пушкина».

Далее приводились различные доводы, подтверждающие первое из возражений: наблюдения над пушкинским творчеством разных лет, суждения о поэте соотечественников, его «искренних друзей», в числе которых были люди «самого возвышенного ума и благородного нрава», и т. д. Что же касается дуэлей, то, как полагал Сиркур, их даже в молодости было у Пушкина немного, а с момента возвращения поэта в Петербург он был участником всего лишь одного поединка, который оказался для него роковым и «положил предел его земному существованию».

Таким образом, перед нами любопытный эпизод полемики вокруг Пушкина, выразительное, хотя и скромное по своему значению свидетельство интереса к нему во Франции 1830-х годов.

П. Р. Заборов

IV. ХРОНИКА

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В 1975 г.

19 ноября 1975 г. исполнилось 50 лет с того дня, как в квартире на Мойке, в доме 12, был создан первый в Ленинграде музей А. С. Пушкина. С 19 по 21 ноября здесь проходили юбилейные торжества. Большой интерес ленинградцев и гостей города вызвала научная конференция, которая состоялась в Доме писателя им. В. В. Маяковского. В докладах и сообщениях участники конференции обсуждали вопросы, связанные с биографией Пушкина, говорили о значении переписки поэта для его творчества, т. е. поднимали проблемы, имеющие первостепенное значение для научно-просветительской деятельности музея. Ряд докладов был посвящен проблемам дальнейшего развития мемориальных экспозиций пушкинских музеев страны. В конференции приняли участие академик М. П. Алексеев (Ленинград), Н. В. Измайлов (Ленинград), Б. И. Бурсов (Ленинград), Ю. М. Лотман (Тарту), Ю. Н. Чумаков (Новгород), В. Э. Вацуро (Ленинград), а также директор Государственного Пушкинского заповедника С. С. Гейченко, директор Государственного музея А. С. Пушкина А. З. Крейн, научный сотрудник Музея-усадьбы А. С. Пушкина в Болдине Л. М. Малышкина. Директор Всесоюзного музея А. С. Пушкина М. Н. Петай свой доклад посвятила истории и перспективам развития музея. О новых материалах к истории квартиры поэта рассказала хранитель Музея-квартиры А. С. Пушкина Н. И. Голлер. Научный сотрудник С. Л. Абрамович выступила с докладом «К истории последней дуэли Пушкина».

В дни, предшествовавшие юбилею, сотрудники музея провели по ленинградскому телевидению 9 передач о коллекциях и филиалах музея. В различных изданиях были опубликованы статьи и исследования музейных сотрудников: «Два малоизвестных рисунка Пушкина» Р. Г. Жуйковой (Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974), «Неизвестные портреты Нащокина» Г. И. Назаровой (Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л., 1975), «На Мойке, близ Конюшенного мосту» и «В старинном доме на Мойке» Н. И. Голлер (Нева, 1975, № 3; Архитектура и строительство Ленинграда, 1975, № 1), «Вас должна удивить та решимость...» А. З. Тихантовской (Знание — сила, 1975, № 10), «Семья Пушкиных в портретах и документальных фотографиях» Л. П. Февчук (альманах «Белые ночи». Л., 1975), а также ряд материалов в газетах «Ленинградская правда», «Вечерний Ленинград», «Смена» и др.

На научных заседаниях были заслушаны сообщения сотрудников музея: «История библиотеки А. С. Пушкина» М. В. Бокариус, «К истории

создания портрета М. Н. Волконской» Г. И. Назаровой, «Новое о портретах братьев Тургеневых» Н. М. Чернецкой, «История создания Музея-квартиры А. С. Пушкина (1922—1925)» С. Л. Абрамович, «Пушкинские материалы в Бродягах» Л. П. Февчук, «Фаворский как иллюстратор Пушкина» М. И. Френкеля.

Музейные сотрудники приняли участие в пушкинских чтениях в Государственном Пушкинском заповеднике и в Музее-усадьбе А. С. Пушкина в Болдине, во всесоюзной конференции «Декабристы и русская культура» в Иркутске и в научной конференции Государственного Эрмитажа, посвященной 150-летию со дня восстания декабристов. На заседании группы пушкиноведения ИРЛИ АН СССР было сделано сообщение С. Л. Абрамович «Письмо Пушкина к Бенкендорфу 24 ноября 1836 года».

Многое было сделано по подготовке и проведению 150-летнего юбилея со дня восстания декабристов. Большим событием явилась выставка «Первенцы свободы», открывшаяся в Лицее, на которой были собраны материалы многих хранилищ страны — подлинные архивные дела о событиях 14 декабря 1825 г. из Центрального гос. исторического архива в Ленинграде, Центрального гос. исторического архива Военно-Морского флота СССР, материалы из Русского музея, Музея истории религии и атеизма, Новгородского музея-заповедника, отдела редкой книги Московского университета. Потомки декабристов, московские и ленинградские коллекционеры предоставили музею уникальные экспонаты.

К 176-летию со дня рождения А. С. Пушкина в Музее-Лицее была открыта экспозиция «Пушкин в изобразительном искусстве XIX—XX вв.»; здесь были представлены материалы, которые долгое время не показывались: живописные полотна, портреты современников поэта и пейзажи, выполненные при жизни Пушкина, разнообразный по материалам раздел советской пушкинианы. Продолжалась организация передвижных выставок. В Череповце, Пскове, Новгороде были открыты выставки «Пушкинский Петербург»; выставку «Пушкинские места России в работах советских художников» в Волхове и Сясьстрое посетило около 35 тысяч человек. Большим успехом пользовалась экспозиция рисунков Нади Рушевой.

В течение всего года проводилась целенаправленная собирательская работа. Было приобретено 230 единиц хранения, из них советских материалов — 87 единиц. Среди них: серия гравюр на пушкинские темы П. А. Шиллинговского, список «Евгения Онегина» 1833 г., альбомы 1820—1830-х годов с текстами пушкинских стихотворений, иллюстрации к «Капитанской дочке» работы Валаентена де Кампона, гелиогравюры к «Пиковой даме» В. И. Шухаева, серия литографированных портретов деятелей русской и мировой культуры XVIII—XIX вв., ряд предметов мебели и убранства пушкинской эпохи и др. Продолжалось комплектование библиотеки музея.

В 1975 г. основную экспозицию и филиалы музея посетило 525 850 человек, сотрудниками музея проведено 14 102 экскурсии.

Активно работала лекторская группа. Было прочитано 219 лекций в Ленинграде, Ленинградской области и других городах страны. Работали лектории в Музее-Лицее, в Екатерининском парке г. Пушкина, а также

в селе Рождествено Гатчинского района и селе Никольское Тосненского района Ленинградской области.

10 февраля на торжественно-памятном собрании в Музее-квартире А. С. Пушкина, посвященном 133-й годовщине со дня смерти поэта, выступили: ученый секретарь Пушкинского Дома С. А. Фомичев, писатели В. Конецкий, Я. Гордин, поэтесса Н. Слепакова, заслуженный артист РСФСР Г. Тараторкин.

Кроме вечеров, посвященных декабристскому юбилею, прошли вечера к 176-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина, к 150-летию создания трагедии Пушкина «Борис Годунов».

Многогранная и плодотворная деятельность коллектива была отмечена высокой правительственной наградой. 19 декабря 1975 г. указом Президиума Верховного Совета СССР «За большую работу по эстетическому воспитанию трудящихся, изучению и пропаганде творческого наследия великого русского поэта А. С. Пушкина» музей был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Г. А. Черкасова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (МОСКВА) В 1975 г.

Важнейшее место в работе музея в течение последних лет занимает подготовка мемориального отдела «Квартира Пушкина на Арбате». В 1975 г. были разработаны тематические планы ряда тем, которые должны войти в экспозицию нового музея: «Жизнь Пушкина на Арбате с 5 декабря 1830 по 15 мая 1831 г.», «Московский университет 1820—1830-х годов», «Художественная жизнь Москвы 1820—1830-х годов». Предпринята разработка темы «Историко-литературные памятники района Арбат—Кропоткинская». В этом районе Москвы сохранилось несколько зданий, связанных с именами декабристов. Они стали предметом специального изучения и в связи со 150-летием со дня восстания декабристов. Прделана большая работа по составлению хронологической летописи московской жизни Пушкина, с декабря 1830 по май 1831 г., в которой зафиксированы события от наиболее крупных до самых незначительных; эта летопись будет иметь не только практическое значение (построение будущей экспозиции), но и большую научную ценность.

Предварительным этапом в создании будущего пушкинского музея на Арбате явилась выставка материалов, открывшаяся в 1-м зале основной экспозиции. На ней представлены: портреты московских знакомых Пушкина (Н. И. Надеждина, Э. А. Волконской, Н. М. Языкова, Д. Н. Гончарова и др.); прижизненные издания произведений Пушкина, напечатанные в Москве; московская периодика 1820—1830-х годов; рукописные материалы, в том числе «Книга росписей членов Английского клуба» в Москве (1810—1830); автографы Н. А. Полевого, Д. В. Давыдова; виды

Москвы первой трети XIX в.; мемориальная мебель Гончаровых из имени Полотняный завод; четыре экспериментальных макета, представляющих собой фрагменты предварительного проекта будущего арбатского музея. Закончена работа по научному описанию и паспортизации гравированных и литографированных портретов из коллекции Я. Г. Зака (русская и иностранная персоналии); на основе этой уникальной коллекции эстампов создана большая передвижная выставка «Воспетые Пушкиным» (80 гравюр и литографий XVII—XIX вв.). Завершено исследование живописного портрета Н. Н. Пушкиной-Ланской работы И. К. Макарова. Заведующей отделом изобразительных фондов Е. В. Павловой был сделан подробный искусствоведческий анализ портрета; итоги работы изложены автором в докладе, прочитанном на научном семинаре Академии художеств СССР в Ленинграде. На тот же семинар был представлен доклад заместителя директора музея Е. В. Музы «О некоторых задачах атрибуции предметов изобразительного искусства в литературных музеях».

К 150-летию восстания декабристов были подготовлены цикл лекций, рассчитанных на массовую аудиторию: «Пушкин и декабристы», «Литературные взгляды декабристов», «Московские декабристы», «Пушкин и Кюхельбекер» и др. В экспозиции развернута небольшая выставка материалов из фонда музея с разделами: «Декабристы в рисунках Пушкина», «Декабристы-литераторы», мемории из собрания музея.

1975-й год отмечен в жизни музея выходом в свет фундаментальных трудов, суммирующих итоги многолетней работы музея по изучению фондовых материалов и теоретической разработке отдельных проблем биографии Пушкина: «Московская изобразительная пушкиниана» (М., 1975), альбом-каталог, в котором воспроизведены и описаны 200 лучших вещей из собрания музея; «Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова» (М., 1975), каталог, содержащий описание около 10 тысяч книг; это библиографическое издание делает уникальную книжную коллекцию общим достоянием; «Пушкинские места Москвы и Подмосковья» (М., 1975).

Особо следует сказать о книге «Вокруг Пушкина» (М., 1975), авторы которой, И. М. Ободовская и М. А. Дементьев, члены совета содействия музея, более 10 лет работали по заданию музея в архивах, изучая переписку семьи Гончаровых, и обнаружили свыше 50 неизвестных и не публиковавшихся ранее писем сестер Гончаровых.

В периодической печати опубликовано около 20 статей научного и научно-популярного характера («Литературная газета», «Наука и жизнь», «Вопросы литературы», «В мире книг» и др.).

На открытых научных заседаниях из 12 докладов, состоявшихся в минувшем году, следует отметить доклады Н. Я. Эйдельмана «Пушкинский выпуск Лицея» (неопубликованные страницы дневника барона М. А. Корфа) и «Пушкин и декабристы. (Новые материалы и размышления)», а также доклад В. Н. Турбина «Пушкин и русская журналистика 1820-х годов». Я. А. Гордину удалось найти ряд писем и документов, помогающих проследить судьбы многих современников Пушкина после поражения восстания и выявить двойственное отношение русского общества к ссыльным. Результаты этой работы были изложены автором в докладе «Декабристы и русское общество после 14 декабря 1825 г.». В докладе

А. Л. Основата «„Борис Годунов“ и историко-философские концепции 40-х годов» рассматривалось отношение к трагедии Пушкина деятелей московского кружка славянофилов. Докладчиками на научных заседаниях были и сотрудники музея. С рассказом об итогах публикаций пушкинского юбилейного года выступили Е. В. Муза, В. В. Кунин, Н. С. Нечаева; доклад «Пушкин и Кюхельбекер» был сделан С. Т. Овчинниковой.

На основе коллекции музея была создана выставка «Пушкин в советском изобразительном искусстве», которая демонстрировалась в различных городах страны.

Среди новых поступлений наибольший интерес представляют: коллекция старинной мебели и предметов изобразительного и прикладного искусства (получена в дар); альбом «Сцены русского народного быта. Литографии с рисунков Щедровского» (СПб., 1852); портрет петербургской знакомой Пушкина графини С. В. Строгановой (акварель П. Ф. Соколова); оригинальный рисунок В. А. Жуковского 1837 г. (дом в селе Мишенском, где поэт родился), и др. Значительно пополнилась пушкиниана советских художников.

В пушкинских чтениях принимали участие известные актеры и мастера художественного слова (народный артист СССР Б. А. Бабочкин, народный артист РСФСР Д. Н. Журавлев, заслуженные артисты РСФСР Я. М. Смоленский, А. Я. Кутепов и др.), литературоведы и критики.

Н. Г. Винокур

ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1972—1975 гг.

17 марта 1972 г. исполнилось 50 лет со дня подписания правительственного декрета об образовании Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в селе Михайловском. Этой юбилейной дате была посвящена вся научно-музейная и массовая культурно-просветительная деятельность коллектива сотрудников его в течение всего года. В ознаменование юбилея несколько групп научных работников и экскурсоводов заповедника выезжали во многие районы и области — с докладами и беседами в колхозах, совхозах, школах, различных учреждениях. Выставки, посвященные юбилейной дате, объехали несколько городов СССР (Азербайджан, Белоруссия, Москва, Дагестан, Латвия).

Особая выставка была устроена к юбилейной научной сессии, открывшейся в Пушкинских Горах и продолжавшейся три дня. В сессии приняли участие литературоведы Москвы, Ленинграда, Горького, Прибалтики. Доклад «Забота Коммунистической партии и Советского правительства о сохранении Пушкинского заповедника» сделал директор заповедника С. С. Гейченко. Заместитель директора заповедника В. С. Бозырев рассказал о массовой работе заповедника. С докладами и сообщениями о Пушкине выступили Е. А. Маймин (Псков), В. Н. Голицына (Псков), Р. Е. Теребенина (Ленинград), В. Д. Белецкий (Ленинград), хранитель

Всесоюзного музея Пушкина Н. И. Грановская, ученый секретарь Пушкинской комиссии АН СССР О. А. Пини, научные сотрудники заповедника В. Я. Шитиков, Т. Ю. Мальцева. Со словами приветствий выступили директор Музея А. С. Пушкина в Москве А. Э. Крейн, директор Музея-заповедника А. С. Пушкина в Болдине Ю. И. Левина, главный хранитель Гос. Исторического музея А. С. Корх, директор Всесоюзного музея А. С. Пушкина М. Н. Петай, действительный член Академии художеств СССР А. А. Мыльников и многие другие. В адрес сессии поступило много телеграмм со всех городов и республик СССР. Для участников сессии был устроен просмотр документальных фильмов о заповеднике, снятых в 1924, 1937, 1974 и последующих годах. Группа поэтов и писателей, прибывших в Пушкинские Горы (Булат Окуджава, Л. Маляков, Л. Колесников, М. Дудин и мастера художественного чтения заслуженные артисты РСФСР О. П. Бейл и В. А. Ларионов), провели литературный вечер, посвященный юбилюру.

В Пскове, в театре им. А. С. Пушкина, состоялось торжественное заседание, посвященное юбилею. На торжества по случаю юбилея в заповедник прибыл министр культуры РСФСР Н. А. Кузнецов. Первый секретарь обкома КПСС А. М. Рыбаков зачитал указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении заповедника орденом Трудового Красного Знамени. Коллектив заповедника поздравили министр культуры РСФСР Н. А. Кузнецов, писатели П. В. Виноградов, О. Н. Шестинский, секретарь обкома ВЛКСМ А. Лебедев и многие другие. В адрес юбиляра поступили приветственные телеграммы от Президиума Академии наук СССР, Президиума Академии художеств СССР, Гос. Эрмитажа, Гос. Исторического музея, Ленинградской консерватории и др. В ознаменование 50-летия заповедника «Госзнак» выпустил настольную медаль.

В 1973 г. музей Пушкинского заповедника пополнились новыми экспонатами: копиями книг библиотеки Пушкина, предметами старинной мебели, эстампами современных художников на пушкинские темы. В выставочных залах Тригорского и «Братского корпуса» Святогорского монастыря экспонировались выставки произведений художников-живописцев и графиков А. Светлицкого (Ленинград), В. Калинина (Горький), А. Мищенко (Москва), посвятивших свои работы Пушкину и пушкинским местам нашей Родины.

В летние месяцы в заповеднике проходили творческую практику студенты графических и живописных факультетов Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР. Студентами было создано около 300 этюдов и композиций на пушкинские темы. Часть работ после закрытия выставки была передана институтом в музейный фонд заповедника на постоянное хранение.

В местном издательстве газеты «Пушкинский край» были напечатаны краткие каталоги всех трех выставок (автор-составитель С. С. Гейченко). Кроме стационарных выставок, были организованы большие передвижные выставки «Пушкин в Михайловском» (из фондов музея-заповедника). Выставки экспонировались в городах Грозном и Махачкале; небольшие передвижные выставки на ту же тему были направлены в города Латвийской ССР.

Продолжали работу лектории заповедника, открытые в прошлые годы в районном Доме культуры, Пушкиногорской турбазе, в саду Михайловского. Было прочитано свыше 300 лекций и докладов о наследии Пушкина, о русской и советской литературе, о Пушкинском заповеднике. Заповедник был организатором творческих встреч трудящихся села со многими поэтами, артистами и музыкантами.

В памятные пушкинские даты — годовщины рождения и смерти поэта, годовщину приезда его в Михайловское во время ссылки, а также в годовщину освобождения заповедника от гитлеровских захватчиков — научные сотрудники В. Я. Шпинева, М. Е. Васильев, Э. Ф. Карлова, Т. Ю. Мальцева, Д. А. Алешина провели в школах многих районов области пушкинские уроки, утренники, литературные вечера. Как и в предшествующие годы, бригады научных работников заповедника совершили в 1973 г. экспедиции в глубинные районы области и в Прибалтику. Цель этих экспедиций — сбор предметов народного быта пушкинского времени, запись преданий и легенд о Пушкине и его знакомых, фотофиксация современного состояния памятных мест, а также пропаганда среди сельского населения творческого наследия великого поэта, чтение лекций, устройство конкурсов на лучшее школьное сочинение о Пушкине, на лучшее исполнение произведений поэта и проч. Во время этих экспедиций была оказана методическая помощь местным сельским краеведам, художественной самодеятельности, активистам Общества охраны памятников истории и культуры.

В феврале, в 136-ю годовщину смерти Пушкина, у его могилы, в районном Доме культуры, в конференц-зале Дома туриста и в школе, носящей имя Пушкина, состоялись памятные собрания, на которых с докладами о Пушкине выступили старший научный сотрудник Пушкинского Дома В. Э. Вацуро (Ленинград), ученый секретарь Пушкинской комиссии АН СССР О. А. Пини, директор Пушкинского заповедника С. С. Гейченко, заместитель директора по научной части В. С. Бозырев и главный хранитель заповедника В. Я. Шпинева.

В июне в Михайловском и Пскове состоялся 7-й Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии, организованный оргкомитетом Союза писателей СССР, при участии псковских областных организаций и заповедника. На празднике побывало около 60 000 человек. Местные газеты «Псковская правда», «Молодой ленинец», «Пушкинский край» были посвящены Пушкинскому празднику. Праздник транслировался по интервидению. К дню праздника объединенная редакция «Литературной газеты» и еженедельника «Литературная Россия» издала массовым тиражом сборник «Пушкинский праздник 1973 года». Итоги праздника были широко освещены в центральных газетах и журналах.

В августе в доме-музее Тригорского были проведены традиционные пушкинские чтения в честь 149-й годовщины со дня приезда Пушкина в михайловскую ссылку. С докладами и сообщениями выступили научные сотрудники Института русской литературы В. П. Степанов («Литературные реминисценции у Пушкина»), М. Ф. Мурьянов («Пушкин и Песнь песней»), Д. М. Шарыкин («Эпиграф к „Пиковой даме“ (гл. V)»), ученый секретарь Пушкинской комиссии О. А. Пини («Новое о Пушкине»),

научные сотрудники Всесоюзного музея А. С. Пушкина Г. И. Назарова («Лицейский садик») и Н. И. Грановская («Об одном из первых изображений могилы А. С. Пушкина»), научные сотрудники заповедника Э. Ф. Карлова («Переписка Льва Сергеевича Пушкина с П. А. Осиповой») и С. С. Гейченко («Вокруг имени Пушкина»).

Большое место в работе заповедника занимали реставрация и благоустройство памятников и мемориальных парков. Вступила в строй новая дорога в Тригорское (со стороны Киевского шоссе); продолжались восстановительные работы в Петровском (в доме и парке Ганнибалов). В Тригорском произведены реконструкция и укрепление холма и площадки «Скамья Онегина», восстановлена «Мельница крылатая» и проч. Осенью 1973 г. закончила свою работу археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа, производившая в течение почти пяти лет археологические раскопки в заповеднике, на его древних городищах Воронич и Савкино. Итоги раскопок были доложены ученому совету музея-заповедника руководителем экспедиции В. Д. Белецким и подготовлены к печати в «Трудах Государственного Эрмитажа». Группа хранителей музеев и научных сотрудников заповедника вела в 1973, 1974 и 1975 гг. научно-исследовательскую работу в архивах и музеях Пскова, Москвы, Ленинграда, Киева.

В год 175-летия со дня рождения Пушкина резко возросла посещаемость музеев заповедника — их посетило свыше полумиллиона человек.

В отличие от предыдущих лет во время праздника 1974 г. — 8-го Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии — кроме традиционных собраний, выступлений поэтов, концертов состоялись литературные чтения. Они были посвящены тридцатилетней годовщине освобождения Псковской земли от оккупантов. В канун юбилея в Псковском кремле, во вновь оборудованных залах, Пушкинский заповедник развернул большую выставку художественных произведений, посвященных михайловскому периоду жизни и творчества Пушкина.

В заповеднике ко дню рождения поэта были открыты две выставки работ ленинградских художников — Э. Насибулина «По пушкинским местам нашей Родины» и В. Звонцова, творчество которого уже много лет связано с жизнью Пушкинского заповедника. Художник-фотограф Игорь Зорин экспонировал на своей выставке большой цикл художественных фотографий, снятых им в 1970—1974 гг. (природа Михайловского, памятные места, пушкинские праздники).

В конце лета, по окончании творческой практики студентов Института им. И. Е. Репина, была открыта традиционная (17-я) выставка студенческих работ, приуроченная к 150-летию со дня ссылки Пушкина в Михайловское. 21—22 августа в Пушкинских Горах состоялись пушкинские чтения, на которых присутствовало свыше 500 слушателей. Учеными Москвы, Ленинграда, Пскова, Новгорода, Одессы, Орехово-Зуева, Таллина, Болдина и Пушкинского заповедника было прочитано 18 докладов и научных сообщений. К пушкинским датам в феврале, июне и августе вышли специальные номера районной газеты «Пушкинский край». Издательство «Советская Россия» выпустило в свет альбом-путеводитель по Пушкин-

скому заповеднику, подготовленный С. С. Гейченко. В издательстве «Профиздат» вышел путеводитель по заповеднику, написанный В. С. Бозыревым.

В Лениздате вышла книга научного сотрудника заповедника М. Е. Васильева «Святогорский монастырь-музей», а также второе издание книги «Стихи Пушкина, написанные в Михайловском».

Музейный фонд заповедника пополнился предметами, найденными при археологических раскопках 1969—1974 гг., работами художников С. Светлицкого, В. Звонцова, В. Калинина и др. Удалось приобрести подлинный акварельный рисунок сестры поэта Ольги Сергеевны, изображающий Руслана — собаку С. Л. Пушкина. Государственный Исторический музей (Москва) передал в дар Музею-заповеднику большую коллекцию картин, эстампов, бытовых вещей пушкинской эпохи.

Как и в предшествующие годы, в 1975 г. большое внимание в жизни заповедника уделялось вопросам реставрации, ремонта и благоустройства пушкинских памятников и памятных мест.

В связи с окончанием строительства новой дороги Пушкинские Горы—Петровское (протяженностью 6 км) значительная часть экскурсантов стала направляться в этот, ранее менее посещаемый музейный объект, минуя Михайловское. Новая щебеночно-гравийная дорога построена с таким расчетом, чтобы она не нарушала исторического ландшафта и чтобы автомашины были вне поля видимости для тех, кто пришел полюбоваться природой пушкинских мест. Старая «Ганнибальская дорога» на Петровское, сельский проселок, идущий вдоль озера Кучане, оставлены в нетронутом виде и предназначены теперь только для пешеходов. В этом году продолжалось строительство новой объездной дороги вокруг Пушкинских Гор. Большие работы были проведены в усадьбе поэта и в парке Михайловского. С наступлением весны началась очистка почти совсем заглохшего «Черного Ганнибалова пруда». У всех шести усыхающих прудов Михайловского были построены подземные маленькие электростанции, подающие воду в пруды из специально прорытых скважин. В Петровском парке разбит цветочный партер, восстановлена парадная ограда.

В выставочных залах Тригорского была заново экспонирована выставка «Пушкинский заповедник в годы Великой Отечественной войны». Выставки картин художников В. Ездакова и А. Козлова (Москва) на пушкинские темы были развернуты в трех других залах дома. В «Братском корпусе» монастыря в течение августа—сентября была открыта 18-я отчетная выставка произведений студентов-практикантов Института им. И. Е. Репина Академии художеств. Выездные выставки в 1975 г. были направлены в Смоленск и Сыктывкар, где экспонировались до конца года.

Всего в Музее-заповеднике побывало 480 000 человек. В течение года коллектив научных сотрудников прочитал 350 лекций и докладов на пушкинские, литературные и общественно-политические темы.

Осенью группа работников заповедника выезжала в этнографическую экспедицию в Опочецкий район области, откуда привезен в музей целый ряд интереснейших предметов старинного быта и народного творчества.

В феврале по случаю 138-й годовщины со дня гибели поэта в районном Доме культуры с докладом «Пушкин и Радищев» выступил Ю. В. Стенник (Ленинград). У могилы поэта выступал поэт И. Фояков.

В литературных вечерах в школах и сельских клубах района приняли участие поэты М. Борисова, Е. Рывина, С. Ботвинник, Л. Маляков, В. Пончиков и др.

В день 9-го Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии советские писатели, а также писатели ряда зарубежных стран выступали в Пскове, Михайловском и Пушкинских Горах. В Пушкинских Горах состоялись пушкинские чтения на тему «Пушкин и декабристы»; вступительное слово произнес И. Л. Андроников. С докладом выступил писатель Н. Я. Эйдельман.

21—22 августа в конференц-зале новой туристской базы, недавно вошедшей в строй в Пушкинских Горах, в ознаменование 151-й годовщины со дня приезда Пушкина в михайловскую ссылку состоялись пушкинские чтения. Основная тема чтений — «Пушкин и декабристы». Всего было прочитано 8 сообщений и докладов. По окончании чтений состоялся просмотр нового документального фильма «Мой первый друг», подготовленного студией «Леннаучфильм» по сценарию поэта В. Торопыгина.

Как и в предыдущие годы, деятельность Пушкинского заповедника освещалась не только местной печатью, но и центральными газетами, журналами, а также центральным радио и телевидением.

С. С. Гейченко

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА В с. БОЛЬШОЕ БОЛДИНО ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1973—1974 гг.

К июню 1974 г. был открыт новый музей в здании бывшей вотчинной (крепостной) конторы Пушкиных и воссоздан весь бытовой интерьер помещения; в правой части дома реконструирована обстановка самой конторы, где решались все дела по имению, в левой — интерьер комнаты, в которой останавливался Пушкин в 1834 г., в свой последний проезд в Болдино. Кроме предметов обстановки — старинных дубовых столов, конторского шкафа, сундуков, весов и т. п. вещей крестьянского и усадебного обихода, в бытовой интерьер вотчинной конторы органично вошли такие документы и рукописи, как болдинские конторские тетради, приходо-расходные книги, доверенность, выданная Пушкиным в 1834 г. управляющему именем И. М. Пеньковскому, жалобы крестьян, письма самого поэта и т. д. Эти документы способствовали более полному освещению основной темы экспозиции — «Пушкин и болдинское крепостное хозяйство 1830-х годов». Как известно, близкое знакомство поэта с крепостной болдинской жизнью нашло отражение в его творчестве и взглядах тех лет; пониманию этого и помогает созданный в вотчинной конторе музей (см.: Малышкина Л. М. Вотчинная контора Пушкиных. — В кн.: Записки краеведов. Горький, Волго-Вятское изд-во, 1975, с. 87).

К 175-летию со дня рождения Пушкина была существенно переработана и основная экспозиция дома-музея: две комнаты барского дома (зальце и кабинет) были воссозданы в бытовом плане, а в более поздней, перестроенной части дома (семи комнатах) организована большая юбилейная выставка на основе материалов фондов самого заповедника и Горьковского художественного музея. Редкие книги, гравюры, литографии и другие предметы пушкинского времени составили первую часть выставки, знакомящую с современной поэту литературой, общественно-политическими событиями, местами путешествий Пушкина по России. Вторая, наибольшая часть (4 комнаты) посвящена советской пушкиниане: многочисленным и разнообразным иллюстрациям, видам пушкинских мест и проч.

Более 2000 предметов музейного значения поступило в фонды заповедника за 1973—1974 г. Экспедиции по окрестным деревням, а также поиски в самом Болдине помогли собрать ценную коллекцию вещей старого крестьянского быта: долбленные меры, сундуки, коробки из луба, деревенскую мебель, сделанную еще по старым образцам, восходящим к XVII—XVIII вв., и многое другое. Особенно плодотворными оказались выезды в г. Арзамас, где удалось приобрести предметы обстановки и мебель 30—40-х годов прошлого века провинциального образца. Найденные там настенные зеркала, ломберные столы, стулья, книжный шкаф и другие вещи вошли в новую бытовую экспозицию барского дома. Многочисленные необходимые предметы дворянского быта приобретались у коллекционеров Горького, Москвы, Ленинграда. Ценные экспонаты были получены также из фондов других музеев и учреждений. Назовем лишь наиболее интересные: подлинный план села Болдино 1813 г., переданный Государственным архивом Горьковской области, коллекцию лубков из Государственного Литературного музея, книги и журналы пушкинского времени, среди которых библия и сочинения В. Скотта на французском языке 1820-х годов (аналогичные экземплярам книг, бывших у Пушкина в Болдине), полученные из обменного фонда Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. Существенно пополнился и раздел советской пушкинианы изобразительными, книжными и документальными материалами.

Научная работа этих лет была также тесно связана с экспозиционными задачами и необходимостью дальнейшего изучения усадебных построек. В 1973 г. на основе предшествующих исследований была закончена реконструкция вотчинной конторы; в 1974 г. начат сбор и изучение материалов по истории усадебной кухни; раскопки фундамента этого здания уже велись в течение последних лет под руководством горьковского археолога В. Ф. Черникова (см.: Александрова Е. Рядом с домом-музеем. — Горьковская правда, 1973, 25 октября).

Ежегодное празднование пушкинских дней с 1973 г. приобрело особый размах и значимость: Болдино вошло в маршрут Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии. Среди участников этого, седьмого по счету, Всесоюзного праздника — поэты М. Алигер, Н. Старшинов, член правления Союза писателей РСФСР С. Викулов, С. А. Шавлы (Чувашия) и Макс Майн (Марийская республика), прозаик Лидия Либединская и многие другие. На торжественном вечере в Доме культуры 2 июня слово о Пушкине произнес М. В. Урнов; звучали стихи поэтов-гостей; заслуженный

артист республики Александр Кутепов прочел повесть Пушкина «Выстрел»; был также дан концерт силами Горьковской консерватории им. М. И. Глинки. 3 июня участники праздника выступали в заповедной роще «Лучинник». (См.: Викторovich В. Быть празднику. — Ленинская смена, 1973, 6 июня; Всесоюзный пушкинский. — Горьковская правда, 1973, 1 июня; Вострышев П. Праздник в Болдине. — Там же, 3 июня; Вострышев П., Никитин В. Спасибо Болдину от всей России. — Там же, 5 июня; Кириллов В. «И назовет меня всяк сущий в ней язык». — Горьковский рабочий, 1973, 6 июня).

Празднование 175-летия со дня рождения поэта и VIII Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии началось на нижегородской земле 31 мая 1974 г. Все участники и гости праздника съехались в г. Горький, где состоялась беседа в обкоме КПСС, встречи с трудящимися города, а в 18 часов в помещении Театра оперы и балета им. А. С. Пушкина — торжественный юбилейный вечер. Со словом о Пушкине выступил лауреат Государственной премии СССР, доктор филологических наук В. О. Перцев; затем доктор филологических наук С. А. Орлов напомнил собравшимся о неразрывной связи Пушкина с нижегородской землей; Ирина Волобуева, Николай Упеник, Богдан Истру и другие поэты, участники праздника, читали свои стихи. 2 июня в 10 часов утра жители Болдина и многочисленные гости собрались перед зданием бывшей вотчинной конторы, в парке заповедника; на митинге перед открытием нового музея выступили начальник областного управления культуры А. С. Люсов, писатель Н. Г. Бирюков, директор заповедника Ю. И. Левина и др. После осмотра пушкинского заповедника в роще «Лучинник» начался (в 13 часов) большой народный праздник, на котором выступили писатель Даниил Гранин, главный редактор Лениздата Д. Т. Хренков, многие поэты. В большом концерте участвовал народный хор села Болдина, исполнявший старинные народные песни. (См.: Позывные пушкинского праздника. — Горьковская правда, 1974, 29 мая; «Солнцу русской поэзии». — Ленинская смена, 1974, 30 мая; Здравствуй, наш Пушкин. — Горьковский рабочий, 1974, 1 июня; «И стихи свободно потекут». — Горьковская правда, 1974, 2 июня; Селиверстова Г. Спасибо, Болдино. — Горьковский рабочий, 1974, 4 июня; Косолапов Г. «Не зарастет народная тропа». — Горьковская правда, 1974, 4 июня; Цырульников А. Великому народу посвящается. — Труд, 1974, 4 июня; Новокшенов П. Болдино (Пушкинский праздник поэзии). — Известия, 1974, 4 июня; Кабахов В. Встречи на горьковской земле. — Горьковская правда, 1974, 5 июня; Владимиров В. К Пушкину. — Ленинская смена, 1974, 5 июня; Говорят участники праздника. — Там же; Шатнов Ю., Логинов А. Дорогие сердцу места. — Сельская жизнь, 1974, 5 июня).

Давно стал традиционным праздник «Болдинской осени». 29 сентября 1973 г. на торжественном вечере с докладом «Пушкин — гений русской культуры» выступил ученый секретарь Института русской литературы АН СССР С. А. Фомичев. В концерте участвовали артисты горьковских театров и Горьковской филармонии. Вечер завершился просмотром цветного кинофильма о Болдине «На Пушкинском на дворе», сделанного Горьковской студией телевидения (авторы сценария А. Цырульников, Ю. Бес-

палов; режиссер Ю. Беспалов). (См.: Косолапов Г. Болдино. Золотая пора. — Горьковская правда, 1973, 30 сентября; Косолапов Г., Никитин В. Болдино шагает в завтра. — Там же, 2 октября; Болдинская осень 73. — Горьковский рабочий, 1973, 2 октября; Викторovich В. Праздник на Пушкинском дворе. — Ленинская смена, 1973, 2 октября).

15 сентября 1974 г. на вечере, посвященном 144-й годовщине со дня первого приезда Пушкина в Болдино, С. А. Орловым был прочитан доклад «Пушкин на нижегородской земле». 16—17 сентября в музее состоялась научная конференция. Ряд докладов первого дня конференции был посвящен значению творчества Пушкина для советской и мировой литературы, его связям с современностью. С. А. Орлов в докладе «Пушкин в стране Роберта Бернса» сообщил о некоторых напечатанных в Шотландии переводах Пушкина и статьях о нем. В докладе В. И. Баранова (Горький) «Восприятие Пушкина в советской поэзии» рассматривались стихотворные произведения, посвященные Пушкину, от Маяковского до поэтов наших дней. Доклад В. И. Кулешова «Затерянные и найденные документы о Пушкине» был посвящен многочисленным «белым пятнам» пушкинианы, требующим дальнейших серьезных исследований и поисков. Значительная группа докладов, как обычно, касалась проблем, связанных с творчеством Пушкина 1830-х годов. С докладом «Диалектика художественной мысли. («Странные сближения» Пушкина)» выступил Г. В. Краснов (Горький). Проследив некоторые особенности художественного мышления поэта на конкретном анализе произведений («Полководец», «Герой» и др.), он указал на тенденцию к «странным сближениям», пронизывающим поэтический стиль Пушкина. Подобные сближения явлений разного порядка являются, по мнению докладчика, одной из принципиальных отличительных черт композиционного построения стихотворных произведений Пушкина.

В. А. Грехнев посвятил свое выступление анализу болдинского антологического цикла 1830 г.; он рассмотрел общие причины пушкинского обращения к античному жанру и выявил отличие цикла 1830 г. от его более ранних произведений этого жанра. Об особой роли авторских примечаний в композиции стихотворного романа Пушкина, их структурной и эстетической функции в «Евгении Онегине» говорил Ю. Н. Чумаков (Новгород). А. Е. Тархов (Москва) в докладе «Календарь „Евгения Онегина“» дал свои уточнения хронологии романа и многих конкретно изображенных в нем событий. Свообразию творчества болдинской осени 1830 г. были посвящены доклады Н. И. Михайловой (Москва) «О структурных особенностях „Повестей Белкина“» и Э. И. Худозиной (Новгород) «Лирический план „Домика в Коломне“». Группа докладов и сообщений была основана на разысканиях новых материалов и документов, касающихся биографии Пушкина болдинского периода. Так, в выступлении И. Д. Воронина (Саранск) «Неузнанные встречи Пушкина» было выдвинуто предположение о встрече поэта осенью 1830 г. с княгиней Евдокией (Авдотьей) Ивановой Голицыной, владевшей селом Пожарки Сергачевского уезда. Интересным было сообщение Н. И. Куприяновой о некоторых документах 1830 г. из фондов Государственного архива Горьковской области, в числе которых три подлинных автографа Пушкина.

Сообщение директора Болдинского музея Ю. И. Левиной «Из болдинского окружения Пушкина» знакомило с материалами о семействе Ермоловых, соседях Пушкина по болдинскому имению, и касалось возможных связей с ними поэта.

Всего на конференции было прочитано 14 докладов и сообщений, большинство из которых было впоследствии опубликовано (см.: Усманов М. Традиционные пушкинские. — Горьковская правда, 1974, 18 сентября; Воронин И. Неузванные встречи Пушкина. — Советская Мордовия, 1974, 7 сентября; Краснов Г. Болдинская пушкинская. — Горьковский рабочий, 1974, 14 сентября; Михайлов Ю. Праздник пушкинской поэзии. — Советская Мордовия, 1974, 21 сентября; Гуменная Г. Болдинские чтения. — Горьковский рабочий, 1974, 23 сентября; Фих С. И снова болдинская осень. — Советская культура, 1974, 1 октября; Куприянова Н. И. Осень 1830. — В кн.: Записки краеведов, 1975. Горький, 1975, с. 86; Болдинские чтения. Горький, 1976).

За рассматриваемый период заповедник посетили и внимательно ознакомились с его работой руководители Горьковского обкома КПСС и облисполкома, заместитель министра культуры РСФСР В. М. Стриганов, группа работников Совета Министров Мордовской АССР и др. Несколько раз приезжали в заповедник работники Куйбышевской киностудии для съемок фильма о Болдине; в октябре 1973 г. состоялась встреча с литературными сотрудниками издательства «Молодая гвардия» (писателем В. И. Порудоминским и др.). В мае 1974 г. в Болдине был писатель И. Л. Андроников. Заключительный тур конкурса самодеятельных чтцов на лучшее чтение произведений Пушкина проходил в Болдине в дни юбилейных торжеств.

В юбилейном 1974 году Волго-Вятское издательство выпустило подготовленные музеем книгу Ю. И. Левиной «Пушкинское Болдино. Экскурсионный очерк» (2-е дополненное изд.) и буклет «Болдино. Музей-заповедник А. С. Пушкина» (текст Л. Чесановой). Не менее интенсивно проходила текущая культурно-просветительская и прочая музейная работа: организация передвижных и стационарных выставок, чтение лекций и т. п.; в 1974 г. при музее был организован университет культуры, где читался цикл лекций, посвященных поэтам пушкинской поры. Летом на музейную практику приезжали студенты-филологи Ленинградского и Уральского университетов. Велась в эти годы и реставрация парка — посадка молодняка и лечение старых деревьев (см.: Обновляется парк Болдино. — Правда, 1973, 7 мая). См. также: Моисеев В. Осень в Болдине. — Социалистическая индустрия, 1973, 2 ноября; Жадаев Ф., Федоров Г. Пушкинский мемориал в Большом Болдине. — Советская культура, 1973, 21 декабря; Интересные встречи. — Горьковская правда, 1974, 13 августа.

Ю. И. Левина

ПУШКИНСКИЕ МУЗЕИ В БЕРНОВЕ И ТОРЖКЕ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1975 г.

Дом Вульфов в Бернове, где не раз в 1828—1833 гг. бывал Пушкин, реставрируется. Здание было сожжено фашистами во время Великой Отечественной войны и восстановлено в послевоенный период, с учетом требований школы, которая в нем разместилась. Теперь в Бернове для школы построено другое, современное здание. Реставрация вернет дому Вульфов черты, характерные для усадебных построек начала XIX в.

Музеи Пушкина в Бернове и Торжке в своей работе уделяли большое внимание проведению пушкинских дней. Берновский музей совместно со средней школой ежегодно в феврале проводит «пушкинскую неделю». В 1975 г. во время «пушкинской недели» учащиеся младших классов участвовали в тематических утренниках, для старшеклассников был проведен вечер «Пушкин и Тверской край», состоялись конкурсы на лучшее чтение произведений Пушкина, на лучший рисунок по пушкинской теме. Школьный кружок юных пушкинистов подготовил к празднику в помощь музею 25 экскурсоводов по пушкинским местам Бернова.

В Торжке к 150-летию со дня восстания декабристов в музее организована книжная выставка «Пушкин и декабристы». На научной конференции заслушаны доклады секретаря горкома КПСС Э. В. Смирновой «Значение восстания декабристов в революционном движении», заведующей музеем А. С. Пушкина М. А. Кроминой «Связь декабристов с Тверским краем», преподавателя педучилища В. Ф. Кашковой «Декабристы-поэты».

В дни Всесоюзного Пушкинского праздника в Калининскую область прибыла делегация Союза писателей СССР, возглавляемая заместителем главного редактора журнала «Юность» поэтом А. Дементьевым.

30 мая гости с представителями общественных организаций города возложили цветы к памятнику Пушкина на набережной Волги. В областной филармонии состоялся литературно-художественный вечер, посвященный 176-летию со дня рождения Пушкина, закончившийся большим концертом. 31 мая в Торжке, в клубе им. Парижской Коммуны (бывшая гостиница Пожарского) и в педучилище, прошли встречи писателей и поэтов с трудящимися города. Гости осмотрели музей Пушкина, посетили погост Прутно, где похоронена А. П. Керн.

Пушкинский праздник завершился большими торжествами в Бернове. Участников праздника приветствовали руководители советских и партийных организаций области, труженики совхоза «Берново», учителя и учащиеся Берновской школы им. А. С. Пушкина. Выступили гости праздника — поэты И. Волобуева, А. Дементьев, А. Ковусов, В. Костров, М. Каливидзе, литературовед А. Мигунов и др. В концерте приняли участие несколько сот артистов художественной самодеятельности. Запомнились выступления прославленного хора русской песни «Ленок» из Торжка, хора русской народной песни из села Рыбинское Максатихинского района, цирковых коллективов Торжокского и Торопецкого домов культуры. В эти дни в поселке Погорелое Городище Зубцовского района и в с. Никитское Калезинского района прошли митинги трудящихся, посвященные 176-летию со дня рождения А. С. Пушкина, состоялись концерты художественной

самодетельности, демонстрировались хроникально-документальные фильмы о жизни и творчестве Пушкина.

В 1975 г. музеи А. С. Пушкина в Бернове и Торжке посетили 35 600 человек. В 1974—1975 гг. в фонды музея поступили такие ценные экспонаты, как первое издание поэмы Пушкина «Полтава» (СПб., 1829), «Карта почтовых дорог России» (1813), мебель и бытовые предметы из имения Малинники и Берново, иллюстрации художника В. А. Милашевского к «Сказке о попе и о работнике его Балде».

В Калининской области в соответствии с решениями исполкома областного Совета проводится большая работа по благоустройству и реставрации пушкинских мест. Улучшаются дороги Пушкинского кольца. В Бернове построены гостиница, магазин, кафе. В Старице реставрирован памятник архитектуры XVII в. — Введенская церковь Успенского монастыря. К пушкинским дням 1975 г. в ней открыта выставка «Тверское прикладное искусство».

В 1974—1975 гг. вышли следующие издания: А. Пьянов. «Берег, милый для меня...» (пушкинские места Верхневолжья). М., «Московский рабочий», 1974; Пушкин и Верхневолжье. Буклет-календарь. Сост. М. А. Ильин, Л. Н. Шантаева. М., «Московский рабочий», 1975; Пушкинские чтения на Верхневолжье. Сб. 2-й. Изд. Калининского гос. ун-та, 1974; «И берег, милый для меня...». Набор открыток. Репродукции с акварелей калининского художника Р. Благовещенского. Текст М. Ильина. М., «Изобразительное искусство», 1975.

Л. А. Казарская

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ В ТАШКЕНТЕ

В дни празднования 175-летия со дня рождения поэта в городе Ташкенте 5 июня 1974 г. на Пушкинской площади состоялось открытие памятника А. С. Пушкину.

Скульптура выполнена народным художником СССР, лауреатом Ленинской премии М. К. Аникушиным, архитектурная часть — по проекту С. Р. Адылова. На торжестве открытия памятника присутствовал первый секретарь компартии Узбекской ССР Ш. Р. Рашидов. Среди выступавших на открытии были Герой Социалистического Труда Дж. Разыков, писатель Аскад Мухтар и др. В тот же день в Узбекском гос. театре оперы и балета им. Алишера Навои состоялось торжественное заседание по случаю знаменательной даты, на котором со словом о Пушкине выступил председатель правления Союза писателей Узбекистана академик АН Узбекской ССР Камиль Яшев. (См.: Правда Востока, 1974, 6 июня).

Памятник А. С. Пушкину в Ташкенте, открытый в 1974 г.
Скульптор М. К. Аникушин, архитектор С. Р. Адылов. Фотография.

ПУШКИНСКАЯ ВЫСТАВКА В ДОМЕ КУЛЬТУРЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В одном из Домов культуры Всеволожского района Ленинградской области 19—26 мая 1974 г. была открыта большая выставка, посвященная 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Ее организовали два энтузиаста-пушкиниста — В. К. Яковлев и его жена Е. А. Трейтер. Много лет собирали они материалы о любимом поэте. В просторном фойе на стендах и в витринах разместилось свыше 700 экспонатов: портреты поэта и его современников, виды мест, где он бывал, иллюстрации к его произведениям (гравюры, литографии, фототипии), факсимиле рукописей, издания сочинений, обширная литература о поэте. В материалах были представлены все периоды жизни и творчества Пушкина; отдельные стенды были посвящены войне 1812 г., декабристам, пушкинскому Петербургу, адресатам лирики поэта. С большим интересом рассматривали посетители документы и материалы, принадлежавшие современнику Пушкина — прадеду Е. А. Трейтер: дорожные 1805 г., выданные лекарю Вильгельму Трейтеру для поездки по России; письмо к нему главного медика И. Лодера с благодарностью за работу в госпитале в 1814 г.; документы о холере в 1831 г.; бытовые предметы того времени (монеты, игральные карты, вышивки бисером, ложки) и рукописный нотный альбом с романсами на стихи Пушкина («Черная шаль», «Талисман», «Гусар»). От правнучки Е. П. Бакуниной (которой Пушкин увлечен был в Лицее), В. А. Кох, живущей в Тамбове, собиратели получили в подарок памятные вещи: молитвенник Е. П. Бакуниной с ее автографом и фотографический портрет ее в старости. Художники Дома культуры В. М. Горюнова и Р. И. Кильмаев написали для выставки красочные афиши и большой портрет Пушкина (сепией). Успеху выставки способствовали увлекательные объяснения. Выставку посетило более 3500 человек, оставивших в книге отзывов много благодарных записей.

В декабре 1975 г. В. К. Яковлев и Е. А. Трейтер организовали в Доме культуры большую выставку к 150-летию со дня восстания декабристов. Значительное место в ней было уделено связям Пушкина с деятелями декабристского движения. По инициативе энтузиастов вечера, посвященные Пушкину и великому немецкому поэту Гете, прошли 15 декабря 1974 г. в Екатерининском дворце г. Пушкина и 3 июня 1975 г. (в день тысячелетия Веймара) в Доме ученых им. М. Горького в Ленинграде. С докладом «Пушкин и Гете» выступил на них научный сотрудник ИРЛИ АН СССР — Р. Ю. Данилевский. О своем прадеде Вильгельме Трейтере — современнике Пушкина и Гете рассказала Е. А. Трейтер. В фойе была развернута выставка документов из архива организаторов вечера.

Р. Т.

ПУШКИНСКАЯ ВЫСТАВКА В ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ НЬЮ-ЙОРКА

В ознаменование 175-й годовщины со дня рождения А. С. Пушкина Публичная библиотека г. Нью-Йорка устроила выставку редких и замечательных изданий его произведений из обширного собрания ее славянского отдела. На выставке были представлены первые издания «Руслана и Людмилы», «Бахчисарайского фонтана» и других произведений поэта, изданные Пушкиным номера «Современника», посмертное издание его собрания сочинений (1838—1841 гг.), а также «Евгений Онегин» с иллюстрациями Мстислава Добужинского, «Медный всадник» и «Пиковая дама» с иллюстрациями Александра Бенуа, сказки, иллюстрированные Иваном Билибиным.

Экспозиция была развернута во втором этаже центрального коридора Главного здания библиотеки на углу Пятой авеню и 42-й стрит. Выставка привлекла внимание американской общественности. О Публичной библиотеке Нью-Йорка см.: Зверев Ю. В библиотеках Нью-Йорка. — В мире книг, 1974, № 7, с. 51—52; в тексте заметки фотография главного здания библиотеки.

Р. Т.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Фрагмент письма Э. Сильвестр к Ф. Мюллеру. 1837 г. (С. 11).

2. Черновой автограф стихотворения Пушкина «Всем красны боярские конюшни». (ИРЛИ, ф. 244, № 836, л. 33 об.). (С. 33).

3. Нотная запись. Мелодия «Мититики» из каприччио Б. Ромберга. (С. 134).

4. Памятник А. С. Пушкину в Ташкенте, открытый в 1974 г. Скульптор М. К. Аникушин, архитектор С. Р. Адылов. Фотография. (С. 154).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
Р. Ю. Данилевский. Э. Сильвестр и ее письмо о Пушкине . . .	5
В. Б. Сандомирская. Из истории пушкинского цикла «Подражания древним» (Пушкин и Батюшков)	15
Р. В. Иезуитова. Стихотворение Пушкина «Всем красны боярские конюшни» как опыт создания «простонародной баллады»	31
И. Г. Ямпольский. Неизданные стихотворения и письма А. Н. Майкова о Пушкине	43
Л. М. Аринштейн. Одесский собеседник Пушкина	58
II. ОБЗОРЫ	
В. В. Зайцева. Пушкиниана 1975 года	71
III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ	
<u>И. И. Грибушин</u> . О песнях в «Капитанской дочке»	85
И. К. Ениколопов. Из разысканий о стихотворениях Пушкина. 1. Об одной пушкинской эпиграмме. 2. К истории стихотворения «Не пленяйся бранной славой»	89
Ю. М. Лотман. К проблеме работы с недостоверными источниками	93
В. Э. Вацуро. Из неизданных отзывов о Пушкине	98
Е. А. Левашов. Словарная справка Пушкина (комментарий к комментарию)	110
А. И. Носков. Запись Пушкина на мордовском языке	117
Л. И. Вольперт. Пушкин и Лашоссе (о сюжетном мотиве «Метели»)	119
В. В. Пугачев. Новые данные о Пушкине и декабристах (из недавних публикаций дел Следственной комиссии)	121
С. Я. Боровой. Еще один знакомый Пушкина	125
Л. А. Черейский. Забытые воспоминания современника Пушкина	128
Б. Я. Котляров. Пушкин и молдавский танец «Мититика» . . .	131
П. Р. Заборов. Статья о Пушкине во французском журнале 1838 г.	136

IV. ХРОНИКА

Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1975 г.	138
Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1975 г.	140
Пушкинский заповедник Псковской области в 1972—1975 гг.	142
Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Большое Болдино Горьковской области в 1973—1974 гг.	147
Пушкинские музеи в Бернове и Торжке Калининской области в 1975 г.	152
Памятник Пушкину в Ташкенте	153
Пушкинская выставка в Доме культуры Ленинградской области	155
Пушкинская выставка в Публичной библиотеке Нью-Йорка	156
Список иллюстраций	157

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

1975

*Утверждено к печати
Пушкинской комиссией
Отделения литературы и языка
Академии наук СССР*

Редактор издательства Н. А. Храмова
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор Н. Ф. Виноградова
Корректоры Л. Я. Комм и Т. Г. Эдельман

ИБ № 8416

Сдано в набор 31.07.78. Подписано к печати 12.12.78.
М-09006. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 10 =
=10 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11.83. Тираж 27250.
Изд. № 6939. Тип. зак. 630. Цена 50 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12